ПИОНЕР

Декабрь

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“ 1938 г.

12

25
34

ПИОНЕР

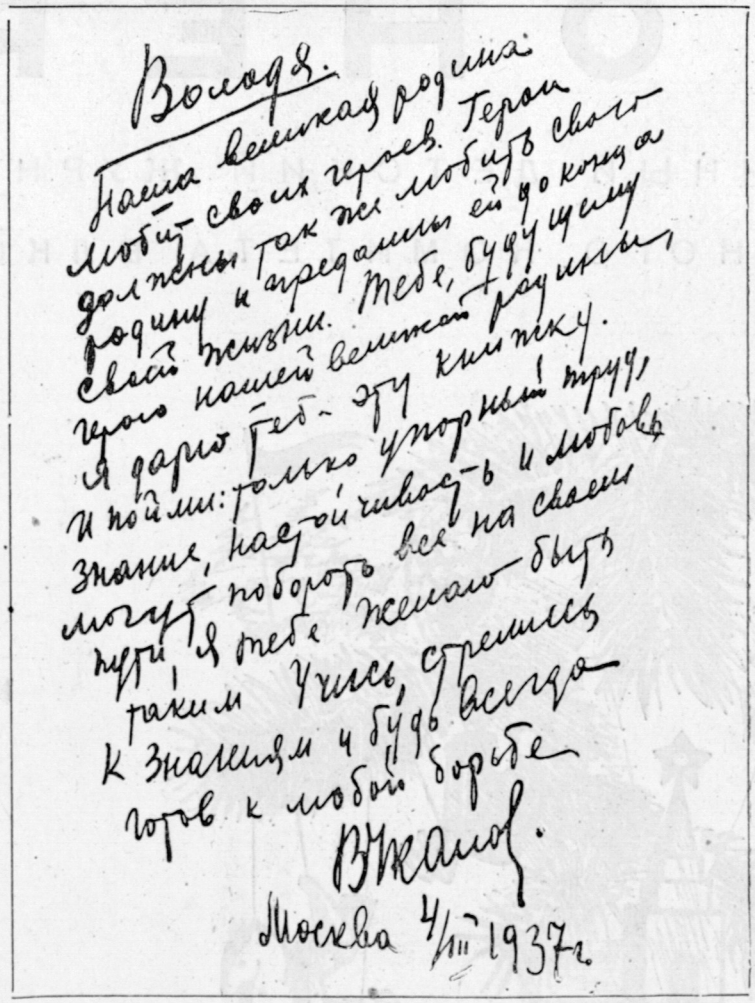
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

№ 12

Декабрь 1938 г.

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“



Мы будем такими, как Чкалов

Я дружил с Игорем, сыном Валерия Павловича Чкалова, и часто бывал у него.

В 1937 году, когда я уезжал из Москвы, Валерий Павлович подарил мне книгу о своем перелете и сделал на ней надпись: «Наша великая родина любит своих героев. Герои должны так же любить свою родину и быть преданны ей до конца своей жизни... И пойми: только упорный труд, знание, настойчивость и любовь могут побороть все на своем пути. Я тебе желаю быть таким. Учись, стремись к знаниям и будь всегда готов к любой борьбе».

Эти слова — завет Чкалова всем советским ребятам.

И мы будем такими же смелыми, настойчивыми, решительными, каким был тов. Чкалов, и будем всегда так же верны нашей родине, как до конца своей жизни был верен тов. Чкалов.

Володя Хозяинов

„...Только упорный труд, знание, настойчивость и любовь могут побороть все на своем пути" (Чкалов).

Валерий Павлович Чкалов среди испанских ребят.

Я знала Чкалова

Еще за несколько дней до выходного папа сказал, что к нам на дачу, наверное, приедет Валерий Павлович. Мы с братом обрадовались и с нетерпением стали считать дни. А в выходной с самого утра нам не сиделось на месте. В 12 часов, прихватив с собой еще моего двоюродного братишку Вову, мы пошли встречать Чкалова: он должен был приехать на машине. На улице было тепло. Ярко светило осеннее солнце.

Со смехом и шутками мы добрались до нашего пруда. Несмотря на то что вода была холодная, кто-то купался. По берегам сидели рыбаки. Мы поднялись на горку и увидели, что по каменистой дороге, окруженной лесом, мчится голубой автомобиль. Около нас машина резко затормозила, и ее занесло в канаву около дороги. Вова с испугу заревел. Мы бросились к машине. Дверца ее открылась—и из машины вылез широкоплечий мужчина в темносинем костюме. На груди у него блестели два ордена. Мы с братом переглянулись: орденоносец! — и придвинулись ближе. Мужчина помог вылезть сконфуженному шоферу, что-то с усмешкой сказал про осторожность и, приподняв машину, легко выта-

шил ее на дорогу. Мы ахнули. Вова, забыв про свой испуг, спросил:

— Дядя, вы кто? Вы боксер? Чемпион? Да?

Мужчина обернулся:

— А вы кто будете?

— А вы? — спросил Вова

— Я Чкалов,— весело сказал человек.

— Чкалов? Так, значит, это вы Чкалов? А вы-то как раз и нужны нам,— заговорили мы разом.—А мы вас шли встречать.

— Встречать? Ну раз так, садитесь, вместе доедем.

Вова первый рванулся к машине, мы за ним. Когда все сели, Чкалов захлопнул дверцу, кивнул шоферу и мы тронулись.

— А давно вы вышли встречать меня? — спросил Чкалов.

— Мы вас ждем почти всю пятидневку,— затараторил Вова, перебивая нас.— Нам сказали, что вы приедете в выходной.

На веранде Чкалова встречали папа и гости, которые приехали к нам в этот день. Все стали здороваться. Мы вертелись тут же, не отходя от Чкалова.

К вечеру, когда все уселись за стол, мы нашли карту Северного полюса, и Чкалов карандашом прочертил на ней свой путь в Америку и надписал: «Сталинский перелет». Рассказывал Чкалов долго и очень интересно. Два часа пролетели как минута. Он рассказывал много случаев, но мне особенно запомнился один. Чкалов и его товарищи готовились к полету и испытывали машину. Как-то перед посадкой Чкалов вдруг обнаружил, что шасси не выпускаются. Тогда он передал управление второму летчику и вытащил одно колесо. Это было необычайно трудно. Второго колеса он вытащить никак не мог. Бензину оставалось совсем мало. Что было делать?

Конечно, экипаж мог выпрыгнуть с парашютами. А самолет? Самолет тогда разобьется, и придется отложить полет. Чкалов решил посадить самолет на одно колесо. Он так и сделал. И хоть это—совсем необычайное дело в авиации, он благополучно посадил самолет на одно колесо. Вот какой он молодец!

Чкалов рассказывал, как однажды на охоте он вымерил шагами расстояние между березами, а потом на самолете пролетел между этими березами, и хотя расстояние было совсем маленькое, он не задел их.

Рассказывал он еще про свою поездку в Америку и все смеялся. «В гостях хорошо, а дома лучше»,— говорил он.

Рассказывал Чкалов просто, очень хорошо, я бы всю ночь слушала его. Мы его еле отпустили, все уговаривали, чтобы он к нам еще приезжал.

Чкалов на прощанье крепко поцеловал нас. Когда он уехал было уж совсем поздно, но мне спать не хотелось. Я все думала про Чкалова и вспоминала, какой он простой и замечательный человек.

Я решила все записать в дневник и писала долго, долго, даже рука устала.

Наверху были слышны шаги папы. В соседней комнате брат спрашивал Вову:

— Ну, Вова, кем ты теперь будешь?

Вова отвечал уверенно и без запинки:

— Летчиком.

И вот только что я узнала о смерти Чкалова. Я учила уроки, когда вошла мама и сказала, что Чкалов разбился. Я даже сначала не поняла: «Как разбился? Чкалов разбился? Не может быть». Но мама говорит, что это правда. И мне хочется плакать.

Чкалова нет. Никто уж не услышит его радостного смеха, его увлекательных рассказов, никогда он не приедет к нам на дачу.

Какой хороший человек погиб! Я никогда не забуду Валерия Павловича Чкалова.

Века Панферова

□□□

Великий летчик

В. Ильенков

Валерий Чкалов прожил всего 35 лет, но за свою короткую жизнь он совершил столько подвигов во славу нашей родины и всего человечества, что мы вправе поставить его имя в одном ряду с гениальными сынами великого русского народа — рядом с Пушкиным и Менделеевым, Павловым и Мичуриным.

В годы, когда наша страна вела героическую борьбу за право на жизнь, когда народ отбивался от вражеских полчищ, Валерий Чкалов, этот голубоглазый юноша с Волги, одетый в старенькую шинельку, едет семь морозных суток в холодном товарном вагоне, сопровождая партию самолетов для Красной Армии. Он мерз, но не унывал: «Холодно? Ну что ж, нужно где-нибудь раздобыть печь». И вот он собственноручно перетаскивает из соседнего вагона многопудовую чугунную печь и устраивает отопление. С детства он поставил себе за правило — не хныкать, искать выход из любого положения: человек все может, если захочет!

Однажды весной Валерий с товарищами ловил рыбу на Волге. Только что прошел лед. Ребята опустили в воду на веревке охан — сетку на железном пруте. И вдруг охан зацепился за корягу. Ребята дергали веревку, но ничего не помогало. Тогда Валерий решил спасти хотя бы веревку. Он сбросил полушубок, нырнул с ножом на глубину в 10 метров и, обрезав на дне Волги веревку, вытащил ее на берег. Товарищи любили его за смелость и находчивость, он был их признанным вожаком. Сильный и ловкий, он заплывал дальше всех, нырял глубже всех и так долго держался под водой, что, ныряя под плоты, успевал отсчитывать до сорока бревен.

В нем бушевала горячая кровь волжанина, человека с такой же широкой, как Волга, душой. Он искал дела по своим плечам, а плечи у него были тоже широкие, могучие — плечи волжского крючника.

Это дело ему дала революция. Не случись она, Валерий пошел бы по безрадостному пути своих предков: таскал бы всю жизнь на спине своей мешки и погиб бы бесславно, как погибали до него тысячи

бурлаков и крючников. Революция спасла Валерия от этой судьбы. Она дала ему большое дело и повела за собой к подвигам и славе.

Став слесарем по ремонту самолетов, Валерий полюбил машину-птицу. Он с завистью и волнением провожал в воздух им отремонтированный самолет, а когда его впервые подняли над землей, он почувствовал, что отныне жизнь его навсегда связана с авиацией, что здесь, в борьбе с воздушной стихией, он должен доказать безграничное могущество советского человека. И вот он стал летчиком, в короткий срок овладел самолетом.

Однажды в течение 45 минут он сделал 250 мертвых петель. Но Валерий Чкалов не довольствовался достигнутыми успехами: он каждый раз ставил перед собой все более трудные задачи, испытывая себя и машину. Он добился того, что самолет подчинялся любому его желанию: он мог проскользнуть в промежуток между двумя деревьями, который был уже размаха крыльев, он нырял под мосты, выделывал сложные фигуры над самой землей. Это не было лихачеством: это были поиски новых возможностей, заложенных в машине и человеке.

Чкалов стал летчиком-испытателем. Эта опасная профессия пришлась ему по душе. Он получил полную возможность развернуть свои силы. Здесь риск был уже обязателен: опасности подстерегали в каждом полете. Не раз вступал он в единоборство с капризной машиной: то застрянет шасси, то завертится лыжа, то откажет мотор. Нужно было в течение одной — двух секунд взять машину в руки, подчинить ее своей воле. Он садился на землю «на одной ноге», он «плюхался» на землю с вертящейся лыжей, он приземлялся на верхушке леса, но всегда умудрялся спасти машину, ибо он знал, что машина — результат усилий сотен людей.

2 мая 1935 года на Центральном аэродроме имени Фрунзе нарком обороны К. Е. Ворошилов представил Валерия Чкалова товарищу Сталину. Узнав о том, что Чкалов летает без парашюта, не думая о себе, заботясь лишь о том, чтобы спасти машину, товарищ Сталин сказал:

— Ваша жизнь дороже нам любой машины.

Эти слова поразили и растрогали Чкалова. Сталинскую неустанную заботу о человеке он повседневно ощущал на себе. Встреча с великим вождем воодушевила Чкалова, придала ему новые силы для совершения новых подвигов. Среди тысяч советских летчиков товарищи Сталин и Ворошилов отыскали Валерия Чкалова, разглядели его замечательный талант и, протянув ему дружескую руку, подняли на невиданную высоту. Руководители партии и правительства создали все условия для того, чтобы талант этого человека расцвел во всей своей силе и красоте на радость нашему народу.

«Чкалов!» — мы все повторяли это имя с волнением и нежной любовью, когда слушали по радио телеграммы о ходе перелета Москва — Северный полюс — Америка.

«Чкалов!» — радостно кричали ребята, в играх своих подражая легендарному герою, имя которого звало их быть мужественными и упорными в достижении цели.

«Чкалов!» — гремело по всему миру — от Москвы до Нью-Йорка, — и все трудящееся человечество аплодировало ему, верному сыну первой в мире социалистической страны, и его славным товарищам.

«Садясь в самолет, мы, три человека, несли в своих сердцах сто семьдесят миллионов сердец. И никакие циклоны, никакие полярные штормы не могли нас остановить, ибо мы выполняли волю своего народа»,— сказал Валерий Чкалов в Нью-Йорке.

Триумф Чкалова и его товарищей, проложивших новый, сталинский путь из Москвы в Америку через Северный полюс, через полюс неприступности, был триумфом великого Советского Союза, триумфом партии большевиков, воспитавшей такого героя, как Чкалов.

Ах, как хотелось Валерию Павловичу облететь «вокруг шарика», как ласкательно называл он нашу планету! Как упорно мечтал он об этом полете и как деятельно готовился к нему! Смерть оборвала его прекрасную жизнь. Но его мечту как эстафету подхватят тысячи чкаловцев, славных советских соколов, и понесут на крыльях советских быстроходных машин к цели, которой не суждено было достигнуть Чкалову.

И они донесут, дорогой Валерий Павлович!

Елка

Н. Михайлин *Рис. Б. Винокурова*

I

Обоим вместе нам с дядей двадцать четыре года. Дядя, как и полагается, постарше, но только на два года. Зато я шире в кости, здоровее, вихрастее. Нас связывала пятилетняя крепкая дружба. Правда, редкая неделя обходилась без драки, но драки не мешали нам быть всегда и везде вместе.

Совсем недавно наши стычки обычно заканчивались моим поражением. В этих случаях я задавал реву и, отступая, грозил:

— Погоди, дай мне только вырасти!

В том, что в недалеком будущем я смогу победить его, сомнений не было: я «рослый», как говорила мать, а дядя — нет. Значит, это был вопрос времени.

В нынешнем году силы начали уравниваться, я догнал дядю в росте. Вместе с тем оба мы далеко продвинулись на жизненном поприще: дядя окончил открывшееся в селе двухклассное училище и, по совету учителя, готовился держать экзамен в фельдшерскую школу, а пока работал писцом в волости и получал три рубля в месяц. Я учился в двухклассном первый год и был ошеломлен богатством сведений, которые сыпались на нас на каждом уроке. Я с восхищением слушал, когда учитель просто и понятно об'яснил и показал, почему луна—то серпик, то полукруг, то полный круг. А как это просто: день и ночь получаются от того, что земля вращается вокруг оси; а лето и зима — от движения земли вокруг солнца. А у нас никто не знает об этом, и никого это не интересует! Когда же спросишь о чем-либо подобном, скажут только: «Бог так сотворил» — и все.

А на земле материки, океаны, моря, жаркий пояс, холодный пояс...

Я потрясен, я никогда не думал, что учиться так интересно. Я начинаю понимать книги и новые красивые, звучные слова: «география», «гейзеры», «полюс», «горизонт», «меридианы», «бухты», «рифы», «теоремы», «аксиомы»! Их у нас в деревне и не слыхивал никто, поэтому хочется втиснуть их в разговор, да и надо же блеснуть своими знаниями!

— Собирать, что ли, обедать? — спрашивает мать, когда я прихожу из школы и вешаю сумку.

— Аксиома! — отвечаю я тоном глубокого убеждения.

— Делом говори! Некогда мне.

— Так я же сказал!

— Дать вот по затылку, будешь знать! — сердится мать.

— Ну это, положим, теорема! — возражаю я.

Мать хочет совсем рассердиться, но ее обезоруживают мое веселое лицо и спокойный, радостный тон. Она понимает мое настроение и догадывается:

— Али про ксиомы учили?

— Угу! Эх, мама, давай обедать скорее: есть хочу!

Пока она наливает похлебку, я успеваю сообщить последние научные новости:

— Мама! Земля вертится!

— С чего это? Врешь, поди!

— Ей богу, правда... Аксиома! А Америка сейчас под нами.

Мать сжимает губы и недоверчиво качает головой.

— Не веришь? Спроси у Александра Иваныча!.. А я сегодня пятерку получил.

— За что?

— За геометрию. Эх, и смешное там слово — «перпендикуляр»!

— Как, как?

— Пер-пенди-куляр! Это в прямых углах.

— С'ешь кашу, выбери себе арбуз. Мне некогда, пойду на гумно.

Мать уходит, а я кончаю обед — и за уроки. Они всегда интересны потому, что каждый раз я узнаю из них что-нибудь новое. «Чур меня!» — говорили славяне в минуту опасности, призывая на помощь предков: чуров, или щуров. А ведь ребята и сейчас говорят: «Чур, не мой забой, чур, не мне!» Вон это откуда! Нет, не только в росте я догоняю дядю.

Сегодня, в минуту согласия, дядя с редким для него беспристрастием сознался, что в последних драках одинаково страдали как мои, так и его бока. Но, желая с достоинством выйти из такого неприятного для его самолюбия положения, он, по обычаю своему, захотел выразиться необыкновенно и процитировал, вспоминая подробности нашего сражения:

— «Инде монголы теснили россиян...»

— «Инде россияне теснили монголов», — подхватил я недавно заученный пример из синтаксиса.— Помнишь, как я тебя прижал к омету?

Нам обоим очень нравилось слово «инде», и я втайне позавидовал, что дядя первый догадался так удачно применить пример. Но тут он всегда был первый: он весь был наполнен синтаксисом, который усердно зубрил по странице в день.

— Ну так что же? — загорелся дядя.— В Куликовской битве победили русские, а ты тогда упал, значит, ты монгол.

— Нет, ты монгол. Я сильнее.

— Сильнее?! Посмотрим!

В следующий момент, сцепившись, мы катались по земле и усердно боролись. Но к великому дядиному сожалению, а к моей неописуемой радости, действительно «инде монголы теснили россиян».

Дедушка, подметавший на заднем дворе, неспеша подошел к нам и прекратил последнюю из наших «куликовских» битв.

Увернувшись от второго удара дедушкиной метлы, я птицей взлетел по лестнице на конюшню. Дядина власть теперь окончательно свергнута, и мы будем с ним вполне равноправны. Ура!..

Дядина голова высунулась в калитку.

— Погоди, пойдешь мимо нашего двора, попадешься!

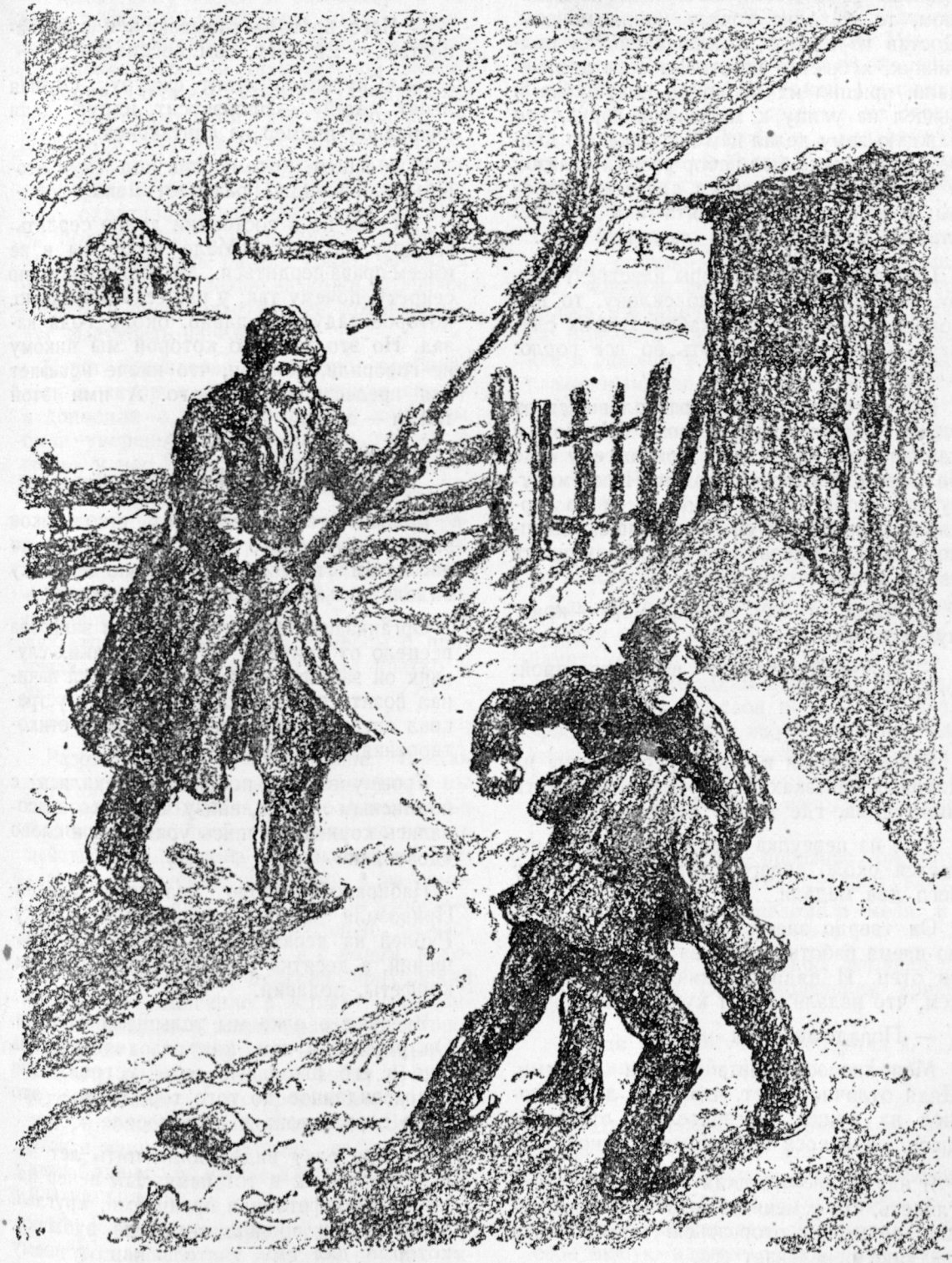
Конечно, попадусь, этого не миновать, но дядя никогда не прибегал ни к камням, ни к палкам, а в честной борьбе мы теперь равны.

Дядину игу конец!

II

Суворов и Кутузов, портреты которых мы с дядей срисовывали с учебника русской истории, имели на груди медали за свои победы. Мы с дядей давно завели обычай рисовать медали и нацеплять их себе на грудь. Сегодня медаль была мною заслужена, и, не теряя времени, я быстро спустился с конюшни, забежал в избу и принялся за фабрикацию.

Каждый школьник отлично знает, что если положить бумагу на монету и, не



Дедушка, подметавший на заднем дворе, прекратил последнюю из наших «куликовских» битв.

сдвигая ее с места, зачертить карандашом, то выходит точная копия монеты. Достав из шкафа хранившийся там полтинник, я быстро изготовил себе две медали, пришил их на грудь полушубка и вышел на улицу к маленькой горке, что каждую зиму делал нам дедушка. Во дворе у нас всегда был набор разных салазок и замороженных скамеек для всей детворы; о них заботился опять-таки он, наш старый длиннобородый ласковый дед.

Скамейка несется с горы навстречу ветру, то плавно скользя по склону, то высоко подпрыгивая на ухабах. В этих случаях полагается крикнуть во все горло: «Тпру!»

Кусок твердого снега, расколовшись от удара, принял форму сапога. Щепкой и карманным ножичком я придал ему еще большее сходство с сапогом. Через минуту у сугроба кипела работа — около горки выстроился ряд снеговых чашек, горшков, ложек, шаров. Недурно бы удивить своим художеством дядю.

— Мама, я еду за соломой! — крикнул я в окно.

— Поезжай, только вези просяной: отец велел.

— Ладно!

Белые горшки и чашки расставлены на длинных салазках. На гумно нужно идти мимо дома, где живет дядя.

Еще из переулка я вижу, что дядя катается около своего двора. На груди у него две медали.

Он твердо знает, что нельзя нападать во время работы, иначе за меня заступится отец. И дядя ограничивается только тем, что издали грозит кулаком и ворчит:

— Попадешься ты мне!..

Моя хитрость шита белыми нитками. Дядя отлично знает, что я не даром пошел на гумно. Презрительно отвернувшись, он искоса наблюдает за мной.

Я иду медленно, дядя не может не разглядеть, что у меня на салазках, а разглядев, не может оторваться: всякая новая выдумка привлекает его.

— Ты у кого видал? — вдруг спрашивает он таким тоном, что ясно: примирение неизбежно.

— Сам придумал.

— Врешь!

— Чего врать?— отзываюсь я с готовностью. — Ей богу, сам догадался.

— «Скульптор лепит фигуру, слушая лепет детей», — произносит вдруг дядя очередной пример из синтаксиса.

Я польщен, потому что под скульптором он, очевидно, разумеет меня.

Нет, мы не в состоянии долго сердиться друг на друга! Мало того: мы и не имеем права сердиться. Можно сказать по секрету, почему так: у нас есть одно дело, которое задумано давно, около года назад. Но это тайна, о которой мы никому не говорили, полагая, что иначе исчезнет вся прелесть задуманного. А имя этой тайны — елка.

III

Большинство деревенских школьников знало елку только по картинкам да по рассказам старших. Настоящую же елку видели только немногие счастливчики.

Организация деревенской елки зависела всецело от учителя. Обычно в таких случаях он задолго до зимних каникул начинал возиться с ребятами: с одними устраивал спевки, с другими разучивал стихотворения, с третьими — басни.

Трое учеников побойчей пускались с подписным листом, внизу которого красовались корявая роспись урядника и слово «дозволяю».

Набиралось около двадцати рублей. Привозили молодую красивую елочку. Рублей на десять учитель закупал украшений, а десятка шла на орехи, пряники, конфеты, подарки.

Впервые о елке мы услышали от отца. Он рассказал нам, как старичок-учитель еще в его школьные годы устроил для них невиданное до того торжество — это была первая елка в нашем селе.

Вторую елку видел дядя пять лет назад. Он принес в тот памятный вечер пакетик с конфетами и пряниками, круглый пенал и три аршина ситца на рубашку, которые дал ему учитель как лучшему ученику и круглому сироте. В час ночи дядя поднял меня с постели, растормошил и долго с оживлением рассказывал про елку, то и дело толкая меня в бок, когда замечал, что мои глаза слипались.

Третью елку видел я сам (дядя в то время лежал больной). Это было в прошлом году. Александр Иванович, учивший в недавно открытой двухклассной школе, уговорил учителей остальных трех школ: церковно-приходской, что помещалась в церковной сторожке, «девчоночьей», т. е. женской, и нашей, земской,— провести елку общими силами. Трудно описать восторг, охвативший нас. Весь день мы были похожи на сумасшедших: дрались, кричали, возились, бегали. Скоро началась подготовка. Мы лезли из кожи, стараясь попасть в число счастливцев, которые будут выступать на елке.

Наши соглядатаи незаметно пробирались в «сторожку» и в женскую школу и доносили о том, что видели там. Мы были уверены, что не ударим лицом в грязь: у нас были подготовлены номера, каких не было у наших соперников.

И вдруг всего за неделю до зимних каникул, в самый разгар увлекательной подготовки, нас как громом поразила весть: елки для нашей школы не будет. Мы обратились к своему учителю. Тот подтвердил это, но на все наши вопросы о причинах или молчал или отвечал кратко и уклончиво:

— Так... Не будет — и все!

Разочарование было сильное. Всякая охота к учению пропала. На учителя мы смотрели исподлобья, и его увещеванья и щелчки линейкой нисколько на нас не действовали. Пополз слушок, что он поссорился с другими учителями и из самолюбия отказался от елки. Потом взрослые узнали, что ссора действительно произошла, но не с учителями, а с попом, который благоволил к церковно-приходской школе. Это смягчило в наших глазах вину учителя, но усилило вражду к «сторожевским», с которыми мы, «земцы», и без того вели неустанную войну. В большую перемену и до уроков мы дрались теперь особенно ожесточенно. Враждовали и наши руководители: на уроках закона божьего половина класса всегда стояла на коленях.

Елка была, елка удалась наславу. Самый большой класс женской школы, украшенный зеленью сосновых ветвей, был полон народу. Толстый купец-попечитель в суконной поддевке степенно расчесывал окладистую бороду. Рядом с ним сидели грузные старшина и писарь. Весь первый ряд занимала интеллигенция в белых воротничках и галстуках. Сзади толпились школьники и родители. Мы, отверженные, жались в уголке около печки. По нашему адресу неслись насмешки «сторожки», и даже взрослые, не стесняясь, отпускали шуточки и замечания. Наше самолюбие и честь нашей школы втаптывали в грязь, а мы не в силах были оторваться от зрелища.

Сказочно красивое дерево, пронизанное светом, опутанное гирляндами блестящих бус, зеленело среди класса. Вокруг толпилась празднично принаряженная детвора: мальчики в новых сатинетовых рубашках и девочки в чистых платьицах, с приглаженными волосами. Они пели, декламировали стихи, разыгрывали басни. Наши противники замечательно провели сцену ссоры Ивана Иваныча с Иваном Никифоровичем. Им хлопали все, в том числе и мы. А подарки! Когда учителя начали раздавать бумажные пакетики с гостинцами, мы не вытерпели и скрылись из класса.

Так мне пришлось увидеть первую елку.

Дядя всем сердцем болел за меня в те памятные дни после елки, и никогда он не казался мне таким хорошим. Он разложил на постели свои сокровища: пенал, золоченый орех, картинки, пистолет, книжки и с увлечением рассказывал о своей елке. Вдруг он остановился на полуслове и раскрыл рот, неподвижно глядя на меня.

— Знаешь что, — произнес он почти шопотом, — давай сами сделаем елку.

Такая дерзость ошеломила меня, и я, растерявшись, молчал.

— Ну, чего ты быком глядишь?!.— раздраженный моим молчанием крикнул дядя.

— Где уж нам! — пробормотал я, вспоминая вчерашний праздник. — Ты бы посмотрел...

— Да не такую, — прервал дядя, — мы сделаем елку только для себя. Дерево срубим, конфет купим, звезду. Разучим стихи... Надо только денег копить.

Я зажмурился: так легче представить себе любую картину. Елка у нас в избе! Вот она стоит, упираясь вершиной в потолок, самая настоящая елка... Только поменьше школьной. Свечи горят—несколько штук, — с ветвей свисают картинки, конфеты... Вокруг прыгают мои сестренки

— Знаешь что, — произнес он почти шопотом, — давай сами сделаем елку.

и брат... Мы с дядей читаем стихи. Зрители — отец, мать, тетки, дед...

Я открыл глаза. Дядя не сводит с меня вопросительного взгляда. И вдруг я нахлобучил шапку, подпрыгнул, затем кувыркнулся на полу, вскочил и запрыгал на одной ноге.

Дядя просиял и протянул мне руку.

— Ей богу, сделаем! Глаза лопни, сделаем! — враз закричали мы, держась за руки.

Так мы клялись лишь в исключительных случаях. Бог — мы не раз это слышали — шутить не любит: нарушишь божбу, глаза, того и гляди, и вправду лопнут.

Вот что произошло около года тому назад, вот что связало нас еще крепче и примиряет друг с другом. Тайна наших замыслов так пока и остается тайной: ни слова, ни намека не вырвалось у нас за целый год. У нас все уже находу: деньги копятся, мы подобрали стихи, разучили сцену допроса из рассказа Чехова «Злоумышленник». Наши репетиции происходят то на гумне, в сеннице, то у дяди, дома, когда его сестры уходят к подругам.

IV

Дядя идет со мной на гумно за соломой. На горке он любовно оглядывает снеговые чашки, горшки и шары, бережно поддерживает салазки и, верный своему синтаксису, бормочет:

— «С горшками шел обоз, и надобно с крутой горы спускаться...» Если бы снег не таял, — продолжает он после небольшого молчания, — мы бы сделали звезду из снега, орехи из снега и снегом посыпали бы елку. Ты выучил «Дележ»?

— Еще два кусочка осталось.

— Вали, — поощряет дядя. — Я свое все знаю. А что Таня с Надей?

— Надя выучила, и Таня тоже скоро выучит.

— И ты еще ни разу не говорил, зачем учить? — допытывается дядя.

— Вот еще! Что я, маленький, что ли?

— То-то... Смотри!

На гумне мы сначала лезем на крышу сенницы и там расставляем снежные чашки и горшки, потом достаем лопату и с полчаса возимся в большом сугробе, роем в нем сначала «печь», а потом расширяем ее в «пещеру». Натаскав туда ржаной соломы, мы долго сидим в своей «пещере». Дует поземок, а в «пещере» тепло и уютно.

— Сколько же у нас денег? — задумчиво произносит дядя.

— Не знаю. Поди, копеек 50 есть!

— Хорошо бы до рубля догнать.

Я еле сдерживаюсь: меня подмывает сказать, что летом я нашел двугривенный и тайно — даже от дяди — опустил его в копилку. Наша копилка спрятана на чердаке, под двумя кирпичами и мусором. Под копилку пошла банка от свинцовых белил. Ее крышку мы крепко прикрутили проволокой, и дядя припечатал ее сургучом.

— Наславить бы копеек тридцать.

— Сорок наславим,— бодрюсь я.

— Сорок—не сорок, а тридцать надо...

— Если наславим тридцать, да в копилке пятьдесят, будет восемьдесят копеек, — мечтает дядя. — Фунт конфет — двадцать копеек, орехов полфунта — двенадцать копеек, картинок на пятак...

— Звезду обязательно купим, — напоминаю я.

— Купим, — соглашается дядя, — звезда — двадцать копеек. Всего пятьдесят семь копеек.

— Только бус не будет.

— Бус не будет, — вторит дядя, — не нашему брату бусы покупать. Флажков зато наделаем больше. Свечей у тебя сколько?

— Четырнадцать огарков.

— Мало, надо больше.

— В то воскресенье пойду.

Мы поднимаемся и идем к омету. Натеребить крюком просяной соломы и затянуть веревкой — дело одной минуты. Да и пора, а то дома будут ругать.

V

С семи лет дедушка начал каждое воскресенье водить меня в церковь к заутрене и к обедне. Как не хочется просыпаться рано утром! Сквозь сон слышен ненавистный звон праздничного колокола. Разбуженный безжалостной рукой богобоязненного деда, я стараюсь всячески оттянуть время выхода в церковь. Валенки у всех на печке, и я медленно перебираю их, засунув свой под дедушкину постель.

— Мама, а где мой валеный сапог? — спрашиваю я.

Но так как эта хитрость повторялась много раз, то, кроме укоров и ругани, я не получаю ничего. Если дедушка не в духе, то он сам разыщет мой валенок и, с сердцем ткнув в меня, ворчит:

— Коровьи сряды!

За валенками наступает очередь полушубка.

— Куда дели шубняк?

— Ровно не знает, — иронически замечает дедушка, вынимая полушубок из-под голов спящих сестренок. — На, грешник, прости, господи!..

Наконец, я одет, и мы с дедом выходим на улицу. Звонят во все колокола. Этот звон мне приятнее, когда под него приходится идти из церкви домой.

По белому снегу улицы движутся редкие фигуры, приветливо мелькают огоньки в домах, дым столбом поднимается кверху и стоит над каждой крышей, хруст снега слышен издали. Луна в последней четверти тускло светит сквозь облачную муть. Идти молча скучно.

— Деда, — начинаю я, — мне вчера по географии, наверно, пятерку поставили.

Дедушка молчит: не годится в святую часть дня заниматься мирскими разговорами.

— Я отвечал про луну, — продолжаю я, гордясь своими познаниями.— Луна— тоже шар, как и земля, только в пятьдесят раз меньше. Луна обходит вокруг земли в двадцать восемь дней, а земля идет вокруг солнца и обходит его в триста шестьдесят пять дней, пять часов сорок восемь минут и сорок восемь секунд. Земной путь называется орбитой.

— Земля стоит,—возражает дед,— а по тверди небесной идут и солнце и месяц.

— В географии не так написано,— не сдаюсь я.

— Земля—вселенная, и господь утвердил вселенную, яже не подвижися.

— Кабы ты по географии так ответил, тебе бы больше двойки не получить.

Представление о двойке, видимо, озадачивает деда.

— Деда, — не умолкаю я, — а заутреню, наверное, старики выдумали.

— Вон что! — удивляется дед. — Это тоже вам в школе об'яснили?

— Нет. Я сам догадался. Вот, например, ты всех раньше встаешь, маркушин дедушка тоже раньше всех встает У всех старики рано встают. Вот я и думаю: старики выдумали заутреню, мужики—обедню, а старухи — вечерню.

— Вишь ты куда гнешь! А вашему брату. значит, ничего не досталось! А ты не мели да и людям-то не вели. На том свете таким болтунам горячие сковороды лизать.

— А тот свет где?

Мы подошли к церкви, и дед избавлен от ответа.

Сняв шапку, он шепчет молитву, крестится на иконы, что на воротах, потом на иконы паперти. Вот мы и в церкви.

Скучная это история — простоять на ногах два часа, молчать и даже не оглядываться. Певчие поют протяжно и однообразно, как мужики на свадьбах. У попа и дьякона выходит разборчиво, но непонятно и неинтересно.

Я стараюсь остаться у дверей, и дед,

проходя на свое место, теряет меня из виду.

Сначала меня занимают световые пятна на иконах, потом горение свеч. Я толкаю соседа-мальчика и шепчу ему в ухо:

— Желтая свечка вперед всех сгорит.

— Где? — осматривается тот.

— А вон у Миколы угодника, с правого бока.

— Нет, пожалуй, белая.

— Давай поспорим.

— Давай.

— На что?

— На три козна пойдешь?

— Идет!

Мы потихоньку пожимаем руки и плюем, как полагается по неписанному уставу спорящих мальчиков, но в этот момент оба получаем тычки в затылки.

Сзади нас стоит лавочник Савва Кулев, ревнитель церковного благолепия. Он строго глядит на нас и шипит:

— Разве можно в церкви плеваться, шайтанята паршивые!

Мы смущены, но огрызаемся:

— А ты не дерись, девятый дьячок!

— Козел старый!

На всякий случай мы отходим подальше от разозленного старика и продолжаем наблюдать за свечкой. Желтая сгорает раньше.

— Видал! — торжествую я. — Гони три козна.

— Сейчас нет, ужо отдам.

Выигрыш развеселил меня, но ненадолго. Чересчур скучно и нудно. Хоть бы скорее евангелие прочитали.

После евангелия можно удрать из церкви. Раньше нельзя: дед за обедом непременно спрашивает, о чем читали в евангелии, поэтому я всегда слушаю чтение внимательно. Кроме того вслед за чтением все становятся на колени, а это мне тоже нужно для своих целей. Но до евангелия еще далеко, и скука становится нестерпимой.

Потихоньку я перехожу к свечному ящику, где торжественно стоят церковный староста, толстый, рыжебородый старик и полуслепой сторож Маркелыч. На полу, у самых ног Маркелыча, стоит небольшой ящик с огарками восковых свечей. Сквозь решотку ящика свободно лезет рука.

Моя тактика сводится к тому, чтобы во время земного поклона просунуть руку назад сквозь решотку и схватить пару огарков.

Сегодня повезло: огарки попались крупные, толстые, семь штук их выудил за два поклона. Теперь для елки есть два десятка великолепных свечей. Еще два—три праздника, и свечей хватит. Евангелие тоже запомнил: поп читал, что Христос накормил пятью хлебами пять тысяч человек.

Я мигаю товарищу, и мы выходим на улицу. Перед нами три пути: можно идти на реку кататься на льду, можно лезть на колокольню ловить голубей, и можно, наконец, уйти в школу: там старик-сторож топит печи. На улице холодно, и мы выбираем школу. По дороге к нам пристают еще трое ребят, и через несколько минут мы сидим на полу у печки. Трещат дрова, темно. Мы поочереди рассказываем страшные сказки.

VI

Нас распустили на зимние каникулы. В табеле за полугодие у меня стоят одна четверка, две пятерки с минусами, пять круглых пятерок и тройка за пение. Я горжусь успехами: иду вторым учеником.

Дядя торопит с елкой. Надо доставать дерево.

— Тятя! — обращаюсь я к отцу за ужином. — Ты когда поедешь за дровами?

— Завтра.

— Возьми меня.

Отец молчит, и я не уверен в успехе.

— Да, — начинаю я плаксиво, — у других ребятишки все делают: и за дровами ездят одни и за кормом запрягают лошадь, а тебе жалко за дровами взять...

— Да езди хоть каждый день.

Дело слажено. Вечером я кричу сестренке:

— Танька! Тащи маме мои сапоги, она их в печке высушит: завтра за дровами еду.

За дровами ездят только большие, поэтому я несколько свысока разговариваю с сестрой.

Мы спим на полу. Охапки две соломы расстилаются по всей избе, и в разных углах стелят постели. Детвора располагается поближе к печке. Дед занимает печь.

— Дедяка, — просит сестренка, — расскажи сказку.

— Грех, — поучает дедушка, — в пост не рассказывают.

— А когда пост кончится?

— Четыре денечка осталось.

— Как много постов,— вслух размышляю я, — великий пост, рождественский, успенский, и в каждой неделе — среда и пятница.

— Дедушка, расскажи, — тянет сестра, — пусть на мне грех будет.

— Эка, — ворчит дедушка, — ну, лезь на печку.

Дед начинает медленно рассказывать о том, как у него украли лошадь и как он вместе с соседями по горячим следам настиг вора. Эту историю я слышал раз пять и знаю ее чуть не наизусть. Все-таки дед не решился в пост рассказывать сказку.

Потом сквозь сон слышу пение: дед учит сестру петь «рождество».

Рано утром, раньше чем мы встаем, когда идем к заутрене, меня будит мать:

— Миша, поедешь за дровами?

Я сразу сажусь на постели и тру кулаками глаза.

— Садись блины есть.

У матери до света готов завтрак. Она встает в три часа, месит тесто и до печки успевает напрясть моток ниток.

Я быстро вскакиваю, умываюсь холодной, со льдом, водой. Сон, как рукой, снимает. Четыре блина с картошкой и постным маслом, чашка кислого кваса — ранний завтрак на дорогу. Я одеваюсь и выхожу на двор, где отец запрягает уже вторую лошадь.

Я тороплюсь с вожжами.

— Тпру! — кричу я во весь голос, хотя старик-мерин ничем, кроме ушей, и не думает шевелить.

— Тп-р-р! Застоялся!

Второй поклеп на мерина, на котором каждый день отец возит шпалы за десять километров.

Мерин — ровесник мне — хорошая крестьянская лошадка. У нас с ним наилучшие отношения. Летом мы неразлучны: пахать мне приходится на нем, ездить в ночное—тоже на нем.

— Тпру, тпру! — вывожу я точь-вточь как отец, когда ему приходится успокаивать нашу горячую молодую кобылку.

— Я его, тятя, взнуздаю.

— Зачем это? — удивляется отец.

— Я на той неделе на гумно ездил, он меня чуть не разбил.

— Самого тебя взнуздать, — строго замечает отец. — Орешь на всю улицу.

— Ну ладно, как-нибудь доеду. А чего мне надеть, тулуп али чапан?

— Спроси у матери тулуп: холодно.

До рассвета не меньше часа. Лошади трусят мелкой рысцой, дровни быстро плывут по накатанной дороге, поскрипывая на поворотах и раскатах.

Я с самой осени не ездил ни в лес, ни в поле. Ощущение простора, быстрой и плавной езды возбуждает меня. Я воображаю себя ямщиком, тем самым, про которого учили в школе:

«Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке».

Как похоже! Совсем не трудно представить вместо дровней сани. Тулуп на мне, жаль, не догадался попросить кушак.

Я громко запеваю:

«По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит».

Эх! Вот бы колокольчик нам! Большой буду, обязательно буду ездить с колокольчиком.

В моей памяти довольно много стихотворений, накопленных за четыре года школьной учебы. Лысанка в течение получаса слушает их, настораживая одно ухо вперед, а другое назад, ко мне.

Доезжаем до леса. Величавые дубы блестят от инея как серебряные. Зеленые сосенки местами вкраплены в их белую стену.

Настороженная лесная тишь нарушается звонким щебетом синички и глухими ударами топора.

— Пинь, пинь...— передразниваю я бойкую желтогрудую птичку.

Удары топора слышны справа; дорожка сворачивает туда, извивается между деревьями и выводит нас на делянку. На ней валяются сучья, торчат пеньки. Мы приехали за крупными сучками. Я усердно помогаю отцу, стаскиваю их в кучу на дорожку, подвожу лошадей, укладываю сучья, забираюсь на воз и топчу их. Отец, видимо, доволен: не даром он раза два шутливо ударил меня по спине и толкнул в снег крикнув:

— Сторонись, мужик!

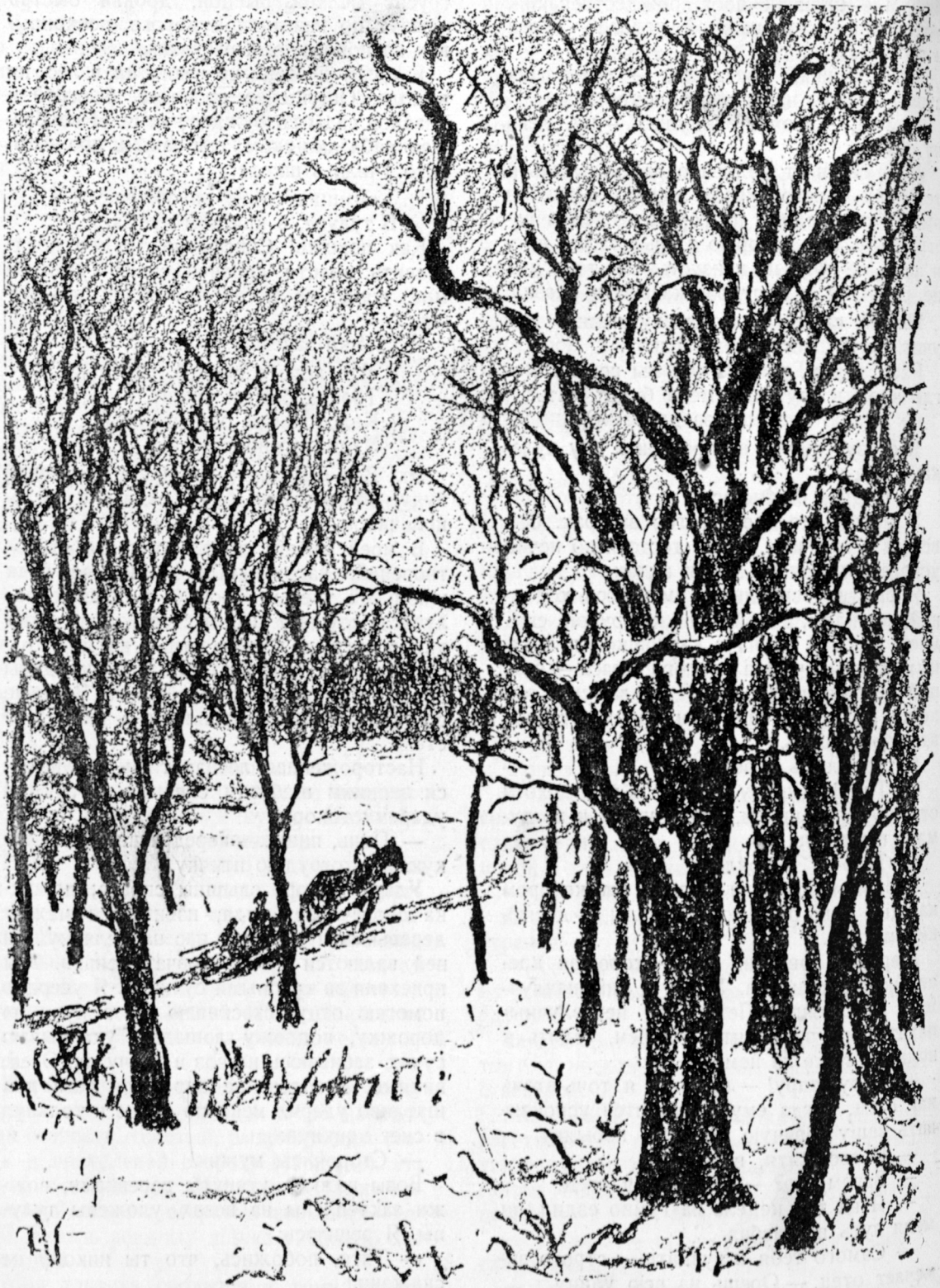
Возы готовы, утянуты веревками, вожжи закреплены на возах, уложены тулупы. Я решаюсь:

— Тятя, побожись, что ты никому не скажешь!

— Чего не скажу?

— Нет, ты сначала побожись!

— Да зачем тебе?— с удивлением спра-



Доезжаем до леса. Величавые дубы блестят от инея как серебряные.

шивает отец, обирая сосульки с усов и бороды.

— Как же ты этого не понимаешь? Если ты побожишься, то тебе нельзя никому говорить.

— Ну, ладно, никому не скажу.

— Экой ты какой! Ты говори: «Ей богу, никому не скажу!»

Отец, слегка заинтересованный, божится.

— Тятя, сруби нам елку!

Отец, видимо, ожидал другого. Он с некоторым недоумением смотрит на меня и ничего не говорит.

— Как же ты не понимаешь? — тороплюсь об'яснить я. — Мы с Демой хотим сделать елку. Наславим денег, купим конфет, орехов... Будем рассказывать стихи... Как в школе... Сруби елку, мы привезем и спрячем. У нас уже есть пятьдесят копеек. Сруби, я тебе целый месяц буду за кормом ездить...

Пряча улыбку в усах, отец выбирает на поляне красавицу елочку метра в два высотой.

— Только ты гляди, тятя, никому пока не говори, — напоминаю я, суетливо помогая укрепить елку на своем возу.

VII

Дядя с сияющим лицом встречает нас около двора. Сначала мы выпрягаем лошадей и ставим их в конюшню, задав корму. Затем, сбросив дрова и затащив елку между нашей и соседской поветями, мы идем обедать. Постные щи, каша с подсолнечным маслом, картофель, четверть вилка соленой капусты, блюдо огурцов и соленый арбуз расставлены на столе и на лавке. Все ждут нас, работников. Мы моем руки, трем их «утиркой», крестимся на передний угол с иконами и садимся на свои места. Веселый разговор не умолкает. Мать рассказывает домашние новости, сестренки пищат, оспаривая друг у друга место рядом с отцом, дед вставляет изредка словечко. Я спешу: дядя делает какие-то знаки. Покончив с картошкой, вылезаю из-за стола и торопливо крещусь.

— Молись хорошенько! — строго замечает дед. — Что замахал, ровно руку обжог?

Нахлобучив шапку и на ходу застегивая полушубок, я ударом ноги отворяю дверь, и мы с дядей под ворчанье деда выбегаем на двор.

Дядя отзывает меня в угол сарая и неожиданно сообщает:

— Я славить не пойду, не ходи и ты.

Он победно смотрит на мою вытянувшуюся физиономию, а у меня в это время проносится вереница мыслей, которые имеют один конец: «А как же елка?»

Как же не ходить, когда двадцать копеек от славленья мы все время считали за наличные? Ведь это значит: у нас не будет звезды или конфет. Не так уж много у нас денег, чтобы бросаться двугривенными. Ведь на елку нам никто не даст ни гроша, в этом мы так же твердо убеждены, как в том, что завтра взойдет солнце.

Я гляжу на дядю вот-вот готовыми прослезиться глазами и говорю умоляющим полушопотом:

— А елка?!.

Но дядя неподражаем. Он любит эффекты и ошеломляет меня новостью: ему к празднику выдали полтора рубля наградных, один рубль он опустил уже в копилку.

— Но я все равно не пошел бы,—говорит дядя,—совестно.

Это верно: двухклассникам совестно. Если бы не елка, я тоже не подумал бы идти.

Дядя великодушен, я очень люблю его, хотя мы и деремся. Вы подумайте: рубль он жертвует на елку! Рубль—это полтора пуда муки, это рубашка и штаны ему, вечно нуждающемуся круглому сироте! И дядя, не колеблясь, жертвует рубль ради общего удовольствия.

Я с восхищением смотрю на дядю, а он непрочь пофорсить. Очевидно, для того, чтобы еще более подчеркнуть свое торжество, он предлагает:

— Пошли деньги считать!

Мы вперегонки лезем на чердак. Кирпичи и мусор летят в сторону. Унести копилку в комнату не хватает терпения. Камнем сбита сургучная печать, длинным гвоздем отворочена крышка, и содержимое копилки высыпано в полу полушубка. Дядя торопливо считает, сбивается, считает снова... Наконец, кончил:

— Угадай, сколько!

— Полтора рубля, — с хитрецой отвечаю я, чтобы полюбоваться, как дядя скажет после паузы: «Нет, рубль семьдесят!»

Вот когда потянет он, мой двугривенный, положенный потихоньку. Дядя, как

я и ожидаю, делает паузу, а потом дрогнувшим от волнения голосом говорит:

— Нет, два рубля двадцать копеек.

Моя хитрость не удалась, потому что я действительно изумлен. Я радостно смотрю дяде в лицо, а он как-то странно округлившимися глазами глядит на меня.

Нам и невдомек, что отец случайно подслушал и подсмотрел и наши репетиции и наш «банк» и что его полтинник вложен сюда. Об этом мы узнали несколько лет спустя, поэтому каждый из нас приписывал другому честь неожиданного вклада.

Дядя кладет деньги в карман и, не в силах сдержать охватившего его восторга, пускается в пляс. Я тоже срываюсь с места и прыгаю вокруг закопченной трубы. Снизу, из избы, в потолок стучат, хлопает дверь.

— Сбесились, что ли, разорви вас нарозно?! — доносится голос деда. — Потолок проломите!

Дед может ругаться и ворчать сколько угодно: нас уж след простыл. В два счета мы выбрались на крышу сарая и, сидя, с'ехали в высокий сугроб. Оживленно разговаривая и смеясь, мы идем в лавку приценяться к елочным игрушкам.

Петя Баляба, по прозвищу «Козел», сын лавочника, постарше дяди года на три. Он личный враг дяди. Крупный и толстый парень, всегда одетый в суконный пиджак и брюки на выпуск, он года четыре просидел на «камчатке» и с трудом одолел двухклассное училище. Дядя не взлюбил его за презрительное отношение к первым ученикам, которые, как нарочно, были бедняками и ходили в заплатанных пальтишках, старых подшитых валенках и шапчонках, утерявших и форму и цвет. Петя явно «фасонил», курил на переменах папиросы «Маяк», а в разговоре никогда не называл товарищей иначе, как кличками.

Петя теперь торгует в лавке своего отца. Он окончательно отшлифовался и с приказчичьей вежливостью, которая подчас сменяется грубоватым нахальством хозяйчика, отпускает товар и торгуется с покупателем. Он не упускает случая поглумиться над нами. Мы не любим ходить в лавку к Балябе, но, к сожалению, елочные украшения есть только у него. Дорогой мы сговариваемся купить фунт орехов, фунт конфет и две пятикопеечных книжки, а во время торговли выясним цены на украшения. Если Петя догадается, зачем нужны наши покупки, он засмеет нас и в лавке и на улице. Самую покупку украшений придется отложить до вечера: Петя торгует только днем, а вечером его сменяет сестра, рябая старая дева.

В лавке я направляюсь к Пете, а дядя идет в другой угол, к его отцу, толстому рябому старику в поддевке, с проборомна середине головы, разделяющим его грязно-серые примасленные волосы. Начинается купля-продажа.

Пока Петя вешает сахар и соль двум бабам, я, не отрываясь, пялю глаза на фонарики, звезду, флажки. Замечаю моток серебристой нити. Как хорошо она подошла бы к зелени нашей елки! Она пойдет вместо бус, она лучше бус. Интересно, сколько она стоит?..

— Тебе чего, молодец? — иронически обращается Петя.

— Почем конфеты?

— Эти — на копейку две, а эти — пара три копейки,—тычет Петя пальцем в ящики.

— А почем фунт?

— Фунт—двадцать копеек. Бери фунт-семишник уступлю, — усмешливо предлагает он.

— Давай!

— Плати денежки.

Петя уверен, что двугривенного у меня не может быть, но я разжимаю кулак, а там наготове двугривенный.

— Петя, не баловать!—доносится скрипучий голос его отца.

Двугривенный—у Пети, фунт конфет—у меня. Петя и не подумал сделать обещанную уступку.

— А почем у вас звезда для елки?

— Двадцать копеек, — небрежно отвечает Петя, занявшийся другими покупателями.

— А почем флажки?

Ответа нет долго.

Пока Петя возится, отпуская товар, я молчу, затем возобновляю свои вопросы:

— А почем фонарики?

— Не возьмешь ведь.

— А может быть, возьму... А почем красная, синяя бумага?

— «Почем, почем»... — острит Петя. — Сами печем, а печено продаем. Зачем это тебе?

— Так. Скоро святки. Почем бумага?

— Копейка—лист.

— А почем вон эта нить?

Мы вошли в лавку Балябы.

— Покупать — так покупать! — грубит Петя.—Чего привязался? Купит на грош— уходу на рупь.

— Все-таки, почем аршин? — смущенно шепчу я.

— Гривенник...

Петя презрительно повернулся спиной. В лавке затишье: покупателей нет. Старик надевает на нос очки и развертывает газету «Биржевые ведомости».

Дядя давно за дверью, он ждет. Я неохотно выхожу.

— Ну?

— Бумага—по копейке, звезда—двадцать копеек. А ты видел нить?

— Наверху, мотком?

— Да.

— Около звезды?

— Да.

— Видал. Вот бы нам!

— Давай купим аршин пять. Гривенник—аршин.

— Да...—озадаченно тянет дядя.—Гривенник—аршин. Кабы немного... А может быть, уступит?

— Как раз!

Вечером мы играем в бабки около лавки, наблюдая за дверью. Наконец, Петя уходит в дом, в лавке остается его сестра.

Дядя направляет меня: ему совестно покупать игрушки.

Постояв минуты две, я спрашиваю:

— Надя, почем бумага?

— Копейка—лист.

— Отдай три листа за две копейки.

Надя качает головой.

— Ну, давай красной два листа, синей два листа. А почем аршин вон эта нить?

— Аршинами не продаем,—лениво говорит Надя, щурится и зевает,—бери все сразу.

Рухнула надежда, и только для того, чтобы поддержать разговор, я говорю:

— А почем за всю?

— Гривенник.

Я не верю ушам...

— За всю гривенник?

— Да,—отвечает Надя, лезет на прилавок и достает спутанный моток блестящей серебристой нити. — Возьмешь, что ли?

— Давай...—чуть дыша, сдавленным от волнения голосом шепчу я.

На лбу у меня выступил пот, а по спине бегают мурашки. С каким удовольствием я сейчас кувыркнулся бы, не сходя с места, крикнул бы во все горло, подрался бы, сбегал бы вперегонки!..

В стекле наружной двери, густо опушенном инеем, дядя надышал кружок и наблюдает в него.

Надя неторопливо завертывает покупку в бумагу.

— Давай еще звезду, — охваченный внезапной решимостью, говорю я, указывая на угол витрины.

— Говорил бы сразу,—недовольно ворчит Надя.—Кому ты это берешь?

— Учителю,— заметаю я след.— Александр Иваныч велел.

Звезда упакована в пустую коробку, и весь сверток перевязан ниткой. Я плачу деньги и пулей вылетаю из лавки.

— Купил?—встречает дядя.

— Купил.

— Сколько аршин?

— Все купил.

— Голова ты бычиная! — негодует дядя.—Ты все деньги и ухлопал?

— Нет!—кричу я в ответ, не обращая внимания даже на ругань.—Нет! Угадай, за сколько купил!

— «От радости в зобу дыханье сперло»,—цедит дядя.—Уговор был: на нить не больше тридцати копеек!..

Я останавливаюсь:

— Всю нить за гривенник, а звезду за двадцать!

— Ври больше!..

— Вот тебе и ври!..

Полное торжество!

VIII

Год назад село жило странной, необыкновенной жизнью. Ходили слухи про забастовки, у колодца на улице не раз находили пачки печатных листков с песнями против царя. У дяди и сейчас на дне ящика с книгами хранятся два таких листка. На одном из них стихотворение:

«Отпустили крестьян на свободу
В девятнадцатый день февраля;
Только не дали землю народу —
Вот вам милость дворян и царя!»

Оно нам близко и понятно.

Мы слышим, как по праздникам, сидя кружком на завалинке и просто на соломе под окнами дома, отец и соседи часто считают, сколько они зарабатывают на зимней возке шпал и бревен. Выходит, что если из заработка скостить расход на корм лошадям, на починку рвущейся

сбруи, дровней и одежды, на питание самого работника, то чистой прибыли, что должна пойти на содержание семьи, остается гривенник в день.

Листки с песнями разошлись по селу, и отдельные кусочки «Марсельезы» кое-когда слышались и на улице. Мотива не знали, пели на мотив знакомой песни, а то и сами подбирали. Очевидно, важен был не мотив. Мы с дядей знали «Крестьянскую марсельезу» и пели ее где-нибудь одни: на гумне, в лесу, в поле.

Странная, необычная жизнь продолжалась всю прошлую зиму. На несколько дней вставала железная дорога. В церквах и школах попы читали царские манифесты, а мужики, сбираясь кучками, читали газеты, которые выписывались вскладчину. Ночью мать выводила нас посмотреть на зарево:

— Вон в Уваровке пожар; наверно, опять барские ометы подожгли.

На следующий день зарево полыхало в другой стороне.

— Вчера в Уваровке, а ныне в Бестужевке,—говорила мать без обычного сочувствия погорельцам.

Как-то вечером со станции неожиданно прибыла рота солдат, ехавших на усмирение в деревню верст за тридцать, где мужики рубили помещичий лес. Утром они уехали туда на сельских подводах, а дня через четыре вернулись. Солдаты, рассказывая об усмирении, сокрушенно качали головами:

— Поди, и наших отцов так колотят.

— А ты думал—как?

— Чего ж делать? — смущенно отзывался третий.—Велят!

— Я тихонько бил. Размахнешься чисто на зверя, а ударишь для вида. Ну зато стражники!.. Лупцовали почем зря!

— Зверь—народ: как хлестнет, так по лицу кровяная полоса!

— Как скомандовали, они, дьяволы, сразу в нагайки...

— Я замахнулся прикладом, а он глядит на меня да трясется. Я локоть поднял и мигнул... Мырнул под локоть и утек.

— Э-эх!..

Весь вечер солдаты смущенно обменивались замечаниями. Ложась, они поснимали с себя обмундирование, и я с удивлением отметил, что вместе с одеждой исчезла и их внешняя обособленность: они удивительно стали похожи на наших сельских парней. Рано утром они ушли на станцию.

Постепенно все входило в старую, привычную колею: потухли зарева пожаров, меньше разговаривали мужики на улицах, чаще поучали попы в проповедях. Они клеймили бунтовщиков, крамольников. Стражники то и дело появлялись в селе, особенно в базарные дни. Они разогнали посиделки, отхлестали парней и в кровь избили нескольких мужиков, которые спьяна вздумали с ними ругаться.

Стражников ругали опричниками, иногда дрались с ними в трактирах и пивных. Часто ночью по селу карьером проносились их дозоры.

Весной исчезли и стражники, только урядник остался на селе. Полевые работы: посевы, полка, весенняя, а потом и летняя страда—целиком захватили мужиков. Словом, жизнь потекла попрежнему.

А нынешней осенью появились «волчки». Всю зиму они ходят подвое, потрое, заходят в избу, просят хлеба. «Волчков» можно отличить и по костюму и по разговору. Одни одеты в городское пальто, часто рваное, всегда измятое, другие носят пиджак, тоже не деревенского покроя, брюки навыпуск и ботинки. Зимние холода заставили их сменить ботинки на старые валенки и опорки, а головы повязать шарфами или платками.

Разговаривают они быстро, складно и несколько непонятно. Многие из них носят очки.

Нищих в селе знали всех наперечет, знали, в какой день и даже час они придут за куском хлеба. «Волчки» же появлялись неожиданно и быстро исчезали. Ни одного «волчка» никто не встречал дважды.

Село отнеслось к ним сначала настороженно.

— Сколько их! — судачили меж собой бабы.—Батюшки, сколько их!

— Иван из Жердина приехал, говорит: по дорогам-то идут: взад — вперед, взад—вперед... Инда, говорит, страшно...

— Вчера опять урядник по дворам расставлял.

— Чай, и к нам вчера привели.

— Да откуда они берутся? Сразу видно: не нищие!

— Какой же нищий — в пальте да в очках!..

— А чего про себя бают?

— Молчат больше. Ходим, говорят, за забастовки.

Вскоре бабы отметили особые черты «волчков»:

— Табунами ходят, а чтобы воровать— ни-ни!

— К нам пришел, а просить не может: стоит и глядит.

— Совестно: не приходилось...

— А «христа ради» не говорят. Подай, бает, тетка, если есть.

— Да за что их «волчками»-то зовут?

— По волчьему билету ходят. День у нас пробудут, ночуют, а завтра — уходи, куда глаза глядят. Больше дня им нельзя в одном селе жить.

— А ведь и вправду, как волки: нынче—здесь, а завтра—беги; нынче—поел, а завтра—как кто даст...

Мы, мальчишки, сначала пробовали задирать «волчков». Увязавшись за кем-нибудь из них, мы провожали его и кричали:

— Волчок-беднячок! Барин в лаптях!..

Но, странное дело, когда мы дразнили татар, которые ходили по селу, покупая сырые кожи, кошек, собак, татары гнались за нами, драли нам уши, ругались, смешно коверкая слова (из-за этого их и дразнили); если дразнили нищих, они ворчали и жаловались родителям; дразнить же «волчка» было просто неинтересно: он останавливался и, не обращая внимания на прозвище, дружелюбно улыбался и затевал с нами разговор. После нескольких попыток мы не только оставили «волчков» в покое, но даже стали относиться к ним сочувственно. С «волчками» начали заговаривать и оказывать им мелкие услуги: бегали за махоркой, указывали дорогу.

Вскоре дядя потихоньку сообщил мне: это «волчки» сочиняли песни против царя, они дрались на улицах Москвы, бунтовали во всей России, это их попы называли крамольниками.

На «волчков» мы стали смотреть другими глазами.

IX

Рождество. Еще очень рано. По селу разносится частый звон колокола. Мелькают огоньки. Хозяйки торопятся затопить печи: у них дела больше чем в будни, так как надо приготовить праздничный обед. Шестинедельный пост кончился, и сегодня «разговенье». Пекутся блины, оладьи, лапшенники, пироги. Малыши вертятся у печки, выпрашивают у матерей горячий блин или пирожок: вот уже полтора месяца, как им перестали давать сдобное.

Густой бас большого колокола настойчиво гудит в ушах. Скоро в его гул вплетаются медные подголоски маленьких колоколов. Должно быть, большой колокол им надоел хуже горькой редьки — маленькие ропщут, выкрикивают, протестуют, а большой сдержанно ворчит на них: «Бум, бум, бум!..» Затем все вскрикивают враз и замолкают, словно обидевшись на что-то. Мы с дядей отправляемся в церковь вместе. У нас уговор: вместе вернуться домой и слушать, как ребятишки будут «славить». Дядя смешлив, и ему нравится, когда ребята перевирают славянский текст.

За полчаса до конца церковной службы мы спешим домой и занимаем свой наблюдательный пост в передней неосвещенной комнате; дверь ее открыта в заднюю, где стряпает мать. Скоро с улицы доносятся звонкие мальчишечьи голоса:

— Пустите Христа прославить!

— Идите.

Хлопает дверь, и в тумане морозного воздуха, ворвавшегося с улицы, вырастают две фигуры. Они срывают с себя шапки и бойкой скороговоркой, задыхаясь и спеша — надо ведь обойти побольше дворов! — начинают петь. Перебивая друг друга, они с самым серьезным видом заканчивают славословие, без передышки, той же скороговоркой говорят:

— С праздничком вас!

И переводят дух, как после быстрого бега.

— Спасибо,— протяжно отвечает им мать.— Чьи вы будете?

— Я Морозов с Оторваловки, а это — дяди Михайлы.

— Вон что! — вежливо удивляется мать.— Какого Михайлы?

— Да нашего дяди Михайлы: на задах у нас живет.

— А!.. Далеко зашли.

Мать тщательно различает славильщиков: чужим и незнакомым она дает по конфетке, знакомым — по копейке, а родным — по семишнику.

Не успевают выйти первые славильщики, как одна за другой лезут две новых пары. Пока одна пара поет, другая ждет своей очереди и начинает сразу же, как только первая успеет выговорить:

— С праздничком вас!

Мы с дядей стараемся уловить, как ребята справляются с двумя местами. В первом говорится, что земля приносит неприступному богу скромный вертеп (пещеру),

Мужики ходят в обнимку, горланя песни нескладными, пьяными голосами.

а второе гласит: «нас бо ради родися», то есть: «так как он (Христос) родился ради нас». Оба эти места и непонятны и трудны, поэтому мальчишки заменяют их кто как горазд.

Как только славильщики доходят до этих слов, мы, затаив дыхание, слушаем.

— «И земля вертеп преступному прино-о-о-сит», — поют одни.

— «И земля вертепному, преступному прино-осит»,— подтверждают другие.

Во второй части еще больше разнообразия. Ребята старательно выпевают:

— «Наш боради родися...»

— «Наш бог роди, родися...»

— «Наш бог в городе родился...»

— «Наш бог в бороде родился...»

Бог родился бородатым! Дядя неудержимо хохочет, зажимает рот и выбегает на двор.

По улицам в это время группами расходится народ. Впереди катится шумная мальчишечья ватага, за нею плавно выступают девушки, еще дальше — мужики. Старики поотстали и степенно замыкают шествие. Нет в пестрой толпе только женщин-хозяек: они прикованы к печкам, зыбкам, к дому и только одним глазком могут взглянуть в окно на празднично разодетый народ.

После праздничного обеда взрослых тянет на отдых, а нас — на улицу. Сегодня ребята — народ денежный: они собираются в кучи и затевают игру в карты или в орлянку. Мы с дядей чувствуем себя отщепенцами, потому что в деньги не играем.

Вечером на улицах катанье. Лысанка полегоньку трусит вдоль широкой улицы в бесконечном ряду санных упряжек. Но и катанье сегодня не так интересно: озорники-ребятишки бросаются мерзлыми катышками конского навоза и снежными комьями. Подвыпившие, а то и совсем пьяные парни дерутся «стена на стену». Мужики постарше ходят в обнимку, горланя песни нескладными, пьяными голосами. Рядом идут бабы, визгливо вторя мужьям. Пьяная песня долго носится над селом.

Село, одурманенное вином, постепенно затихает, укладываясь спать. А в полночь тревожный «всполох» поднял только что заснувших мужиков: горел амбар. Кто-то под пьяную руку сводил старые счеты с недругом.

X

Наша елка намечена на сегодня, на третий день рождества, когда закончились гулянки и похмелья взрослых, которые могли помешать нашему торжеству. У нас все готово: конфеты, картинки и орехи привязаны на ниточки, запутанный моток блестящей нити терпеливо распутан, елочка вставлена в крестовину, свечные огарки выпрямлены и выбелены мелом, подарки готовы.

Репетиции идут дважды в день. Я вожусь с сестренками, проверяю их «в последний раз». За старшую я не беспокоюсь, но в младшей не очень уверен.

У нас на стене давно висит лубочная картинка, изображающая громадного желтолицего китайца с длинной черной косой и в странной острой шляпе. Над ним нарисованы солдаты, они палят из ружей и пушек, бьют в барабаны. Внизу стихотворная подпись:

«Китайцу снился страшный сон:
Дрожат, трещат его хоромы,
И слышатся со всех сторон
Бой барабанный, пушек громы» и т. д.

Эта довольно длинная галиматья вдруг полюбилась маленькой Наде. Она затвердила четыре куплета «китайца» и готовится выступить с ними на елке. В последние дни ее можно видеть в углу; она что-то шепчет, усердно шевеля губами.

— Надя, что ты там делаешь? —осведомляется мать.

— Рази не видишь? Повторяю,— отзывается сестра.

Сегодня перед обедом Надя крестится так долго и работает своими пухлыми губенками так старательно, что все заинтересованы.

— Какую ты, внученька, молитву прочитала? — ласково спрашивает дед.

— «Китайцу снился страшный сон».— с достоинством отвечает сестра и читает до самого конца.

Все смеются, а дед смущен. Он хотел бы рассердиться, да не может.

После обеда, запершись с дядей в передней избе, мы принимаемся за елку. Возимся долго. Украшения вешаются по пословице «Семь раз примерь, один раз отрежь». Завязав нитку петлей и повесив за нее конфетку, дядя отходит шага на два назад, прищуривается. Если не понравится, он перевесит ее и снова проверит. Я занялся огарками. Укрепляю их на конце каждой ветви. Всего больше возни с блестящей нитью: ее не так-то много, а надо пустить ее сверкающие черточки в наиболее видных местах. Наконец, елка готова. Для пробы зажжены все свечи. Мы с дядей отходим в сторону и любуемся. Вот и осуществилась наша мечта: достигнута цель, к которой мы стремились целый год. Вот она, наша елка, дело наших рук, сияет светом пятнадцати свечей, блестит серебряной нитью, а на самой вершине у нее горит и искрится пятиугольная звезда!

С зеленых ветвей свисают на ниточках конфеты — двадцать копеек фунт,— крупные орехи, флажки, яркие картинки. Елка великолепна! Подарки в бумажных пакетиках кучкой лежат на полу под деревом. Присутствие небывалой нарядной гостьи так изменило нашу избу, что она кажется незнакомой.

Так хорошо, что не верится, что это сделали мы! Неужели это не сон? Да, это не сон, это сделали мы, и обоим нам вместе двадцать четыре года!

...Но надо продолжать работу. Надо закрыть ставни, чтобы не привлекать внимания любопытных. Через несколько минут начнем. Уже смерклось.

Дядя выпускает меня и быстро захлопывает дверь. Я стремглав лечу во двор и на улицу и закрываю ставни. Возвращаясь со двора, сталкиваюсь с сестренкой, которая выбежала с новостью:

— Миша, а к нам «волчка» привели. Ночевать.

— Ну так что же?

— А его мы примем на елку?

— Погоди,— отстраняю я рукой сестру,— сейчас...

В самом деле, за столом сидит незнакомый человек, худощавый, в потертом пиджаке, из-под которого выглядывает грязный воротник рубашки,— «волчок». У него землистый цвет лица, русая кудрявая бородка, очки и длинные, зачесанные назад волосы. Мать кормит его обедом.

Проскользнув в чуть приоткрытую дядей дверь, я сообщаю ему новость. Новая задача! Пригласить надо, но у нас для всех заготовлены гостинцы. Неудобно оставлять «волчка» без подарка. Дядя достает из кармана последний гривенник.

— Беги,— приказывает он,— купи на пятак пачку папирос, шестнадку табаку, бумаги и спичек. Дуй! Чтобы одна нога здесь, другая — там!

Через десять минут я, запыхавшись, выгружаю из своих карманов заказ, а дядя при свете огарка — он потушил свечи на елке — завертывает все в бумагу и ставит на свертке букву «в», чтобы не смешать при раздаче.

Свечи зажжены снова, и снова сияет красавица елка.

Быстро выглянув, дядя распахивает дверь — и в переднюю избу с шумом врывается детвора: маленький брат и две сестренки. Дети застывают в дверях, уставив на елку округлившиеся от удивления и восхищения глаза. Затем они срываются

с места, подбегают к нам, тормошат, визжат, вешаются на шею. Таня летит назад, к матери, сразмаху прыгает к ней на колени.

— Мама! — кричит она, дергая мать и за платок и за волосы.— Мама, гляди-ка: елка-то какая! Мамынька, елка-то! Пойдем глядеть! Мама, айда в ту избу!..

Веретено летит в сторону. Расходившаяся девочка тянет мать, а за ней поднимаются и остальные.

Дети прыгают вокруг елки. Трехлетний карапуз Вася не отстает от других и, переваливаясь на толстых коротеньких ножках, обегает дерево. Дядя дал всем по конфетке и кренделю. Восторженные восклицания, визг, топот.

Входят взрослые. Дедушка садится на боковой лавке. Он захватил незаконченный лапоть и пучок свежих, влажных лык. Поглядывая на нас смеющимся глазом, он потихоньку орудует кочедыком и стучит по колодке. Мать и тетка приносят донца с гребнями. Усевшись на передней лавке, посмеиваясь над нами и над собой, они прядут. Взрослые чувствуют неловкость, оттого что сознают себя участниками детской забавы. Чтобы сгладить ее, они продолжают свою обычную работу. Хлопает дверь, и заходит отец, который только что убрался со скотиной. Раздеваясь он приглашает с собой «волчка».

— Пойдем, Иван Алексеич, у нас ребячий праздник.

Я вижу эту сцену и выбегаю в заднюю избу.

— Идем, дядя! — говорю я и бесцеремонно тащу его за рукав.

Иван Алексеич изумлен: он никак не ожидал встретить елку в нашей невзрачной избе. Он обводит изучающим взглядом наши лица, глядит на взрослых, потом его взгляд останавливается на стопке моих учебников, тетрадей и книг, лежащих на столике. По его лицу пробегает улыбка. Протерев очки, он садится на лавке поближе к столику с книгами, берет сразу несколько и просматривает их.

Мы с дядей блаженствуем. Дядя начинает своим верным и чистым альтом:

«В лесу родилась елочка,
В лесу она росла...»

Мы дружно подхватываем:

«Зимой и летом стройною,
Зеленою была...»

Все поют с увлечением. Лишь я, не имеющий слуха, очень осторожно пускаю свой голос в унисон с другими, хотя так и хочется заорать во весь дух.

— Как в школе,— одобрительно замечает отец.

— Лучше, — возражает, улыбаясь, мать. — Обрядили лучше.

Мы таем от такой похвалы.

Входит карапуз Вася, у него первый номер декламации.

«Здравствуй, гостья зима!
Просим милости к нам...» —

картавит малыш.

Потом выступает Таня:

«Румяной зарею
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонек...»

Даже дедушка на время бросил кочедык и слушает Пушкина. Когда сестренка кончила, все хлопают. Дядя по-особому сложил ладони, и хлопок выделяется из общего шума: «Гук! Гук!..»

Подошла очередь семилетней Надюши. Она громко и торопливо, усердно шевеля пухлыми губами, читает разученного со мной «китайца».

— Молитва,— напоминает всем мать, лукаво поглядывая на деда и подмигивая нам.

Дед как будто не слышит, ковыряя свой лапоть.

Наступает наша очередь. Дядя, пошептавшись с Иваном Алексеичем, исчезает за печкой; туда ухожу и я. Через минуту мы появляемся измененные, по нашему мнению, до неузнаваемости. Я выступаю в старом и рваном отцовском пиджаке, лаптях и шапчонке. Дядя надел серую жилетку, пиджак и белую фуражку. Все это он попросил у помощника волостного писаря. На носу красуются очки. Усы и брови подведены у обоих жженой пробкой.

Дядя важно садится за стол в углу, а я стою перед ним, поникнув головой с взлохмаченными волосами. Дядя, перелистав толстую книгу, берет карандаш и листок бумаги.

— Денис Григорьев! — начинает он измененным, строгим голосом и манит меня пальцем: — Подойди поближе и отвечай на мои вопросы...

Я только сейчас смутно понял свою роль темного, тупого мужичонки, который очутился перед «барином». Белая фуражка, очки, костюм так отделяют его от меня!

Лицо декламатора, воодушевленное искренним чувством, странно изменилось.

— Чаво? — спрашиваю я, и в моем голосе нет ноток, вызывающих смех, о чем мы заботились на репетициях; зато ясно звучит недоверие к «не нашему брату».

— А, слышь-ка, бывает эдак-то,—вдруг заговорил дед, когда стихли аплодисменты. — Однова я пахал у Новного оврага. И пойди к вечеру дождь. А я с ночевкой. Лошадей спутал, пустил на оброчной. А дождик-то, дождик-то! Промочило меня под телегой, дрожу — зуб на зуб не попадает. Чего делать? Пришлось столбик срубить. Нащепал дровец да кой-как развел под пологом. Чуток согрелся. А утром нелегкая несет об'ездчика да прямо ко мне. Увидал глазастый шайтан. «Ты, бает, срубил?» «Я, мол». «А орла видал?» «Ночью-то где, мол, увидишь! Орла ровно совсем и не было». «Врешь, бает, герб на каждом столбе выжжен. Ставь, бает, полштофа!» «За что, мол, это?» «Ну, бает, как хошь». И поехал. Да в стан меня за герб-то! Я и плюхал в рабочу пору за сорок верст. Становой кричит: «Ты, бает, царский знак сничтожил! В тюрьму, бает, тебя!» «Я, мол, ваше благородие, прозяб тогда до самых кишек». «Молчи, рестант, и рожа-то у тебя, бает, рестанская!»

Штрафу наложили красненьку, а в те поры за красненьку-то я ползимы к волости дрова чалил!

Дед замолк, тут Надя захлопала, как хлопали всем. Ее неожиданно поддержал Иван Алексеич, а за ним подхватили и мы.

Огарки догорели, и мы заменили их запасными. Сцепившись за руки, мы ходим вокруг нарядной елки, прыгаем, хохочем, поем. Вася залез под елку и лукаво поглядывает на всех: он подбирается к висящим конфетам. Его вытаскивает за ногу Надя.

Теперь моя очередь выступать. В том же старом пиджачишке, с теми же намаленными на губах черными усами я выхожу и начинаю:

«Да, сударь мой, нередко так бывает:

Отец — на стол, а детки — за дележ,
И брата брат за шиворот хватает
Из-за чего? И в толк-ат не возьмешь!»

Дядя заключил программу, прочитав «Утопленника», и стал раздавать подарки.

Оживление возрастает. Малыши, схватив свои свертки, летят к матери.

— Мама, — визжит Надя, — погляди! Да гляди, что ли, скорее, маманька!

— Батюшки, батюшки! — изумляется мать. — Куда столько?

— Мама, — тащит за другую руку Танюшка, — у меня больше! Бери себе конфетку!

Вася в сторонке забрался на лавку. Он подбирается к матери, обнимает ее рукой и с'езжает к ней на колени. Мать заторможили.

Взрослые приятно удивлены: они тоже получают подарки. Насчет этих подарков мы с дядей раздумывали, стараясь подобрать их по вкусу и по карману. Мать с теткой получают по головному платку (15 копеек штука) и по паре конфет. Отцу купили складной нож, чтоб можно брать его в поле. Дедушка у нас — бывалый старик. В свое время он бурлачил, сделал две путины от Царицына до Нижнего, нанимался к купцам в извоз от Уральска в Мензелинск. Ему мы купили фунт «сабзы» — изюма, который он возил в Мензелинск и которым раз угощал нас, детей, приходя с базара. Ивану Алексеичу преподнесли сверток. Он развернул, посмотрел на нас блестящими глазами, подхватил меньшую сестренку, которая передавала подарок, поднял ее и крепко поцеловал в щеку. Покрасневшая от смущения девочка только мигала глазами и по привычке что-то шептала, шевеля губами.

Вдруг Иван Алексеич сделал несколько шагов и остановился на том месте, куда мы выходили для декламации.

Все умолкли, удивленные неожиданностью.

«Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли...» —

заговорил Иван Алексеич. Его голос, заметно взволнованный, дрожал и переливался:

«К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели...»

Лицо декламатора, воодушевленное искренним чувством, странно изменилось. Затаив дыхание, все слушали. Дедушка выронил лапоть, остановились веретена, отец смотрел так, будто впервые видел гостя, а мы с дядей, забыв на минуту даже про елку, не сводили глаз с «волчка».

«Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы,
И с нею грянем на царей, —
И радостно вздохнут народы...»

Звенящий голос умолк. Иван Алексеич, наклонив голову, быстро вышел из комнаты. Все молчали и переглядывались. Мать кончиком платка потихоньку вытирала глаза.

Огарок на нижнем сучке догорел, и смолистая хвоя, треща и извиваясь, заплясала в пламени. Дядя подскочил, сломил сучок и затоптал его на полу.

— Пойдемте ужинать, — встала мать и, выдернув гребень, акуратно расправила мочку и сложила все под лавку.

За ужином разговор вновь возобновился. Детворе не сиделось на месте, девочки сначала шушукались, а потом заболтали вслух. Молчали только отец да Иван Алексеич, отказавшийся от ужина; он молча лежал на полатях и пускал клубы табачного дыма.

После ужина мы еще повертелись вокруг елки, попели, поиграли. Отец внес охапку соломы для постелей и свалил ее у порога. Пора кончать.

Бережно убрали мы наши сокровища, смотали нить, уложили в коробку звезду и картинки. Орехи и конфеты разделили всем поровну. Елку вынесли, чтобы освободить место для постелей. Мы с дядей свернулись калачиком под одеялом.

— Видал теперь, какие они, «волчки»-то?—шепчет дядя.

Он пожал нам еще раз руки и, повернувшись, пошел по тропинке на дорогу.

— Да, «волчки» так «волчки»! А за что их нищими сделали?

— Я ж говорил тебе: против царя шли.

— Как он стихи рассказал! Кабы нам так!.. Из каких он будет? Может, студент?

— Наверно. Все твои книжки просмотрел.

А в другом углу вполголоса говорила мать:

— Глядеть-то жалость берет: пиджачишко худенький, шапка — хуже некуда, в полсапожках. Пробеги-ка в голых-то сапогах до Чурина по такому морозу! Тут за водой только сходишь, и то руки с пару зайдутся.

— Да, — вздыхал отец, — наделали делов. Мучают народ, а за что, про что?.. Видать, что образованный. Дома-то, поди, жил не как мы с тобой, а теперь глядика, того и гляди, замерзнет где-нибудь в метель. Под городом, говорят, троих мерзлых нашли. Одолел мороз, так у телеграфного столба и сидят, скрючившись.

— Отдал бы ты ему, отец, старые валенки. Пропадет человек.

— Расхудились они.

— Встань пораньше да заплатки две и наложи.

— И то, видно, так сделать.

Усталые от пережитых счастливых волнений, мы с дядей крепко заснули.

Утром мы провожали своего гостя. Он, смущенный и довольный, в старых отцовских валенках, с палкой в руках и мешком за плечами, остановился у калитки, где мы поджидали его.

— Ну, ребята, прощай! — протянул он руку. — Молодцы вы хоть куда, елка у вас чудесная, я никогда такой не видел. Хороша елка!

— Прощай, Иван Алексеич, — тряс ему руку дядя.

— Прощай, Иван Алексеич, — повторил я слова и жест дяди.

— А кто ты будешь? Студент или кто?

— Был студент, — серьезно ответил Иван Алексеич. — Ну, прощайте, растите большие.

Он пожал нам еще раз руки, шутливо нахлобучил на глаза нам шапки и, повернувшись, пошел по тропинке на дорогу. Сыпал сверху мелкий снежок. Холодный ветер тянул вдоль улицы. Столбы дыма поднимались над избами и клонились по ветру.

Лаврентий Фирсович Кущ.

Рассказ депутата

20 декабря к нам в редакцию приехал депутат Верховного Совета РСФСР Лаврентий Фирсович Кущ. Здесь он встретился с пионерами 210-й школы. Вот что рассказал Лаврентий Фирсович о своей жизни и своей депутатской работе.

Родился я в 1914 году на хуторе Андрющенко, Ленинградской станицы, Краснодарского края, в семье крестьянина-бедняка. Учился я мало: всего три года. Дальше учиться не мог, так как семья жила очень бедно и пришлось мне идти к кулаку работником — пастухом.

А кулаки были народ не щедрый, чтобы обувать своих работников, и обычно ребятишки, которые пасли скот, босиком бегали. Пасешь скот босиком, утром дождь, роса, а потом солнце, ветер, ноги потрескаются, и говорят про тебя:

— Видишь, у Лаврентия ноги «курячие».

Был такой случай в моей жизни. Пас я

свиней, а свиньи — это самые вредные животные. Дождь пойдет, они разбегаются по кукурузе, по подсолнуху; бегаешь за ними, бегаешь и не найдешь. Добегался я раз до слез. Пришел к хозяину, плачу, а он мне:

— Иди, чортов выродок, ищи скот!— и кнутом меня, кнутом.

С плачем к матери, а она говорит:

— Вас много, сыны мои, что же делать, чем кормить буду?

Так бедствовала наша семья до тех пор, пока мы не вступили в колхоз. А тут все изменилось. Словно сначала начали мы жить. Первое время я работал в колхозе молотобойцем, потом пошел в школу крестьянской молодежи, потом на курсы трактористов. В 1931 году окончил я курсы, в том же году вступил в ряды ленинского комсомола.

Прошло несколько лет, и вот наша бригада — бригадиром у нас был товарищ Волошин — обработала земли больше всех тракторных бригад в Союзе. Средняя выработка по Союзу — 400 гектаров на трактор, а мы выработали в четыре раза больше. Вызвали нас всех на совещание в Москву. Это было для нас большое счастье — побывать в Москве. Усадили нас в первых рядах, как раз против трибуны, где сидели товарищи Сталин, Молотов, Ворошилов и другие руководители партии и правительства.

На этом совещании выступил наш бригадир Волошин. Он сказал:

— То, что мы сделали, товарищ Сталин,— 1683 гектара на трактор,— это еще не предел. Мы сделаем больше и доведем выработку до 2 тысяч гектаров на трактор.

Это обещание наша бригада выполнила потом с честью. Мы сделали на каждый трактор по 2123 гектара, то есть обязательство, взятое перед нашим вождем товарищем Сталиным и партией, перевыполнили.

После совещания всех членов нашей бригады наградили орденами. Семь человек, в том числе и я, получили орден Ленина, три человека — орден Трудового красного знамени.

Так в нашей стране под руководством партии и товарища Сталина бывшие пастухи и батраки стали героями труда.

В 1936 году я призывался в армию. Призывалось из нашей семьи сразу три человека. Я, мой брат Игнат, одних лет со мною (мы с ним близнецы), и Григорий, рождения 1915 года. Всех нас взяли в армию. Сейчас мы еще не успели вернуться из армии, а уже пошел служить четвертый брат — Александр. Так что нас теперь в армии четыре брата. Пятый брат — Аркадий — отслужил уже. Трое братишек ходят еще в школу, и еще один братишка учится в школе гражданских летчиков. Мамаша работает дома, отец заведует колхозной молочно-товарной фермой. Вот какая наша семья!

Если раньше мы жили бедно, то сейчас живем зажиточно. Хлеба много, просто уж девать его некуда, и весь хлеб, который получают, продают государству. Имеет наша семья пять штук свиней, шесть штук овец, до ста штук кур, полсотни кроликов. Вот как живут колхозники в нашей стране! Живут замечательно, да иначе и не может быть, потому что каждый работник, кто честно трудится, зарабатывает много трудодней, а трудодни у нас дорогие. В нашем колхозе колхозники на каждый трудодень получили по 17 килограммов зерна!

В январе 1937 года, когда я уж был в армии, избрали меня делегатом на XVII чрезвычайный всероссийский с'езд советов. На этом С'езде принималась Конституция нашей республики. На первом же заседании избрали меня членом президиума С'езда. Вначале, когда я услыхал, мне не поверилось. Думал: «Как это я, простой крестьянин, в прошлом пастух, буду членом президиума, буду сидеть вместе с товарищем Сталиным?» Но это так и было. Четко произнесли мою фамилию, имя и отчество: Лаврентий Фирсович Кущ. Товарищи говорят мне:

— Ну, что же, Лаврентий Фирсович, поздравляем, идите в президиум.

Когда я сидел в президиуме, я первым делом обратил внимание на товарища Сталина: какой он, как одет, какого роста. Товарищ Сталин очень спокойный, говорит свободно, плавно и так внушительно, что кажется, каждое слово само в душу проникает и поднимает тебя на новую работу, воодушевляет на новые подвиги. Когда слушаешь товарища Сталина, весь наполняешься силой, энергией, думаешь: «Всего бы себя отдать на общее дело нашего народа!»

На этом же С'езде избрали меня в Редакционную комиссию. В Комиссии мы еще раз внимательно, по пунктам, разби-

рали и утверждали Конституцию. Сижу я в президиуме, подходит ко мне девушка-секретарь:

— Ваша фамилия Кущ?

— Да, Кущ.

— Вы подписывали Конституцию?

— Нет, не подписывал.

Подает она мне книжку, в ней подписи всех членов Редакционной комиссии, и как раз рядом с подписями товарищей Кагановича и Калинина поставил я свою подпись: Кущ Лаврентий Фирсович.

В прошлом году народ оказал мне огромное доверие: избиратели Белореченского избирательного округа избрали меня депутатом Верховного Совета РСФСР. Я дал клятву своим избирателям, что их доверие оправдаю с честью, что буду таким деятелем, как говорил товарищ Сталин, деятелем ленинского типа, что я готов отдать всю свою жизнь за народ, за его интересы. Да иначе и не может быть. Нет у нас других интересов, кроме интересов нашего народа.

Теперь я учусь в военно-политическом училище, готовлюсь стать политработником нашей любимой Рабоче-Крестьянской Красной Армии. И хотя я отделен от моих избирателей сотнями километров, я с ними тесно связан. Каждый день присылают они мне два, а то и три десятка писем. Пишут о разном: о хорошем — о своих успехах, достижениях, радостях—и о плохом — о недостатках, с которыми нам нужно бороться.

Прислал мне письмо один красноармеец, он жаловался на то, что районный исполнительный комитет не заботится о семьях красноармейцев. Написал я об этом письмо в тот район, поругал их крепко,— они сняли с работы бездушного члена райисполкома, собрали совещание всех жен красноармейцев, выяснили, какая помощь им требуется, и теперь эту помощь им оказывают.

Бывают дела и посерьезней. Один рабочий нефтяных промыслов, которые находятся в моем избирательном округе, написал мне о том, что вышку для добычи нефти поставили в негодном месте, что под ней не нефть, а вода, да и построили ее так, что она вот-вот обвалится. Отправил я это письмо куда следует. В скором времени получаю ответ. Факты подтвердились. Выяснилось, что там два строителя оказались не нашими, оказались врагами народа,— их арестовали. Вот как помогают избиратели разоблачать врагов народа, которые мешают нашему мирному строительству, мешают укреплению нашей родины.

Много писем получаю я от пионеров. Пишут четыре девочки: Мура, Шура, Тося и Тамара:

«Перед началом учебного года мы хотим, товарищ Кущ, наш депутат, заверить вас, что мы будем учиться только на «отлично» и «хорошо». Когда приедете, поинтересуйтесь нашими отметками».

Недавно я проверил: действительно, девочки получают только хорошие и отличные отметки.

Месяца четыре тому назад я об'езжал свой избирательный округ. Отчитывался перед избирателями за первую сессию Верховного Совета. Побывал и у пионеров Нефтегорского района, они отдыхали тогда в лагере Шепси, недалеко от Сочи. Ребята устроили костер, и на костре я рассказал им о своем детстве, о своей жизни, о том, как я при советской власти прошел путь от пастуха до члена правительства.

Где еще, в какой стране это возможно, чтобы пастух, крестьянин стал членом правительства? Это возможно только в нашей стране, где у власти стоят простые люди, рабочие и крестьяне, люди из народа. Потому и власть наша называется рабоче-крестьянской. Это возможно только в нашей стране, которой руководит героическая большевистская партия, партия которую создал товарищ Ленин, партия, во главе которой стоит гениальный продолжатель дела Ленина, великий мастер человеческого счастья товарищ Сталин.

□ □ □

Сергей Миронович Киров.

Сергей Миронович Киров

4 года назад убийца, подосланный самыми гнусными людьми из всех, когда-либо существовавших на свете, выстрелом сзади убил верного сына партии Ленина — Сталина, пламенного большевика, любимца народа—Сергея Мироновича Кирова.

Весь советский народ помнит Кирова. Портреты сохранили нам его открытое и смелое лицо, его веселую улыбку. Мы можем увидеть его в кино, услышать его молодой и звонкий голос, книги сохранили нам его речи и статьи — большевистские умные и горячие слова.

Советский народ знает и помнит дела Кирова. В 1905 году Кирову было восемнадцать лет, но он был уже активным и храбрым революционером. Тогда на демонстрации в Томске полицейские убили его лучшего друга Иосифа Кононова который нес красное знамя. Перед смертью он спрятал знамя на груди. С опасностью для жизни Киров добыл это знамя, и под этим знаменем томские рабочие, вооруженные одними плохонькими револьверами Лефоше, шли за Кировым против царских прислужников.

Двумя годами позже Киров с товарищами, по заданию партии, организовал подпольную типографию, и он так хорошо ее устроил, что полицейские четыре года жили над ней, ничего не подозревая, и открыли ее только тогда, когда дом, где они жили, стал проваливаться.

Когда в 1917 году, за два месяца до Октября, генерал Корнилов, выполняя разработанный помещиками и капиталистами план удушения революции, послал войска на Петроград, чтобы сломить питерских рабочих, он особенно надеялся на «дикую дивизию» генерала Крымова, которая была сформирована из горских народностей Кавказа. Они надеялись, что кавказские горцы не найдут братского языка с питерскими рабочими. Но навстречу «дикой дивизии» вышел Киров, которого знали на Кавказе (он организовал делегацию с'езда народов Кавказа к всадникам «дикой дивизии»), и большевистское слово остановило горцев и повернуло их оружие против генералов.

Во время Великой Октябрьской Социалистической революции Киров с оружием в руках дрался против Временного правительства в Петрограде.

Во время гражданской войны Киров на Кавказе мирил враждующие горские племена, и они шли за ним против общего врага — белогвардейцев.

Ленин послал Кирова защищать Астрахань, на которую с двух сторон вели наступление Деникин и Колчак, чтобы, соединившись, пойти на Москву. Киров во главе XI армии отстоял Астрахань несмотря на то, что предатель Троцкий пытался сдать ее врагу. XI армия разбила белых и, преследуя их, двинулась к Баку, чтобы помочь бакинским рабочим освободиться от интервентов-англичан. 1 мая 1920 года Киров вместе со своим близким другом Серго Орджоникидзе во главе Красной Армии вступил в Баку.

Когда кончилась гражданская война, Сергея Мироновича выбрали секретарем Центрального комитета коммунистической партии Азербайджана. В 1925 году враг народа Зиновьев и кучка его приспешников, обманным путем пробравшись к руководству Ленинградской партийной организации, пытались противопоставить Ленинградскую организацию всей партии. На XIV с'езде партии Зиновьев и Каменев были разбиты. В Ленинград партия направила Сергея Мироновича Кирова. Со всей страстностью непоколебимого революционера боролся Сергей Миронович против троцкистско-зиновьевских и бухаринских бандитов, громил и разоблачал их перед трудящимися как злейших врагов и еще больше сплотил народ вокруг партии Ленина—Сталина.

Под его руководством в годы сталинских пятилеток неузнаваемо выросла и изменилась промышленность Ленинграда и области, были построены новые заводы, электростанции, освоены огромные богатства Кольского полуострова.

Он был верным учеником и соратником товарища Сталина, и товарищ Сталин любил его как близкого друга.

Поэтому фашистские убийцы—троцкисты и бухаринцы — убили Кирова. Народ уничтожил пойманных и разоблаченных убийц. Их имена окружены народной ненавистью и народным презрением.

Память о Кирове будет жива всегда в советском народе, и сотни поколений будут с любовью вспоминать его имя.

Три золотых волоска Деда-Всеведа

Чешская сказка

Записал Карл Эрбен
Перевод с чешского М. А. Лялиной

Рис. П. Митурича
и В. Хлебниковой

Жил-был король. Больше всего на свете любил он охоту. Однажды на охоте он заблудился. Плутал, плутал король по лесу, и, наконец, когда уже наступила ночь, выехал на поляну и увидел избушку угольщика.

— Выведи меня на дорогу,— сказал король.— Я тебя щедро награжу.

— Зачем же нам идти ночью,— отвечал угольщик.— Приляг у меня на чердаке, на сене, а рано утром я провожу тебя.

Король лег, но не мог уснуть. В эту ночь у угольщика родился сын. Когда угольщик и его жена уснули, король вдруг заметил, что в щель потолка из избы пробивается яркий свет. Он заглянул в щель— и что же он увидел! Около колыбели новорожденного стояли три старушки с зажженными свечами в руках. Это были судьбички.

Первая старушка сказала:

— Крестнику моему встретится много опасностей. Не раз его жизнь будет висеть на волоске. Я даю ему это в удел.

Вторая сказала:

— А я даю ему дар благополучно избежать всех опасностей.

Третья сказала:

— А я назначаю ему в жены девочку, что родится этой ночью у короля, который спит там, наверху.

Тут свечи погасли и все утихло.

В самое сердце поразили короля слова третьей старушки. Он уж: совсем не мог уснуть и все думал, во сне или на яву он видел старух у колыбели.

На рассвете ребенок заплакал. Угольщик встал и, взглянув на жену, увидел, что она уснула навеки.

— Ах ты, бедный мой сиротиночка! — запричитал он, взяв сына на руки— Что я буду с тобой делать?

— Отдай мне твоего сына,— сказал король.— Я о нем позабочусь. А тебе дам столько денег, что во всю жизнь не придется тебе жечь угли.

Угольщик с радостью согласился, и король обещал прислать за ребенком.

Вернувшись в замок, король застал там великое торжество. В эту ночь родилась

у него прелестная девочка. Король вспомнил ночное видение и нахмурился. Он призвал верного слугу, дал ему денег и сказал:

— Поезжай в лес, отыщи хижину угольщика, отдай ему деньги, а у него возьми ребенка и дорогой утопи его. Если же не исполнишь моего приказания, то сам попробуешь водицы.

Слуга исполнил все в точности: взял мальчика, положил его в корзинку и, войдя на мост в самом широком и глубоком месте реки, бросил ребенка вместе с корзиной в воду.

— Прощай, незванный зятек! — сказал король, выслушав рассказ слуги.

Но сын угольщика не утонул: он плавал в своей корзинке как в люльке, волны укачивали его, и он спал сладким сном.

На берегу, у порога своей хижины, сидел рыбак и чинил сети. И вдруг видит он: плывет корзинка, а в ней дитя. Вскочил рыбак в лодку, поймал корзинку и принес жене.

— Ты все тужила, что нет у нас сыночка; вот вода его и принесла.

Жена рыбака обрадовалась, приняла мальчика и назвал его Плови́чек, потому что ведь он приплыл по воде.

Река текла да текла, а мальчик рос да рос и стал таким красавчиком, что по всей округе не было ему равного.

Однажды этим местом проезжал король. Было очень жарко, и захотелось ему пить. Под'ехав к хижине рыбака, король попросил воды.

Пловичек подал ему кружку, и король залюбовался им.

— Какой красавец!— сказал король рыбаку.— Это сын твой?

— И сын и не сын,— отвечал рыбак.— Лет двадцать тому назад плыла по реке корзинка с ребенком. Я его приютил и вырастил.

Король побелел как снег, а в глазах у него потемнело. Он понял, что перед ним стоит тот самый мальчик, которого он велел утопить.

— Мне нужно послать кого-нибудь в замок, а я один,— сказал король.— Не окажет ли мне услугу этот юноша?

— Он пойдет всюду, куда угодно вашей королевской милости,— отвечал рыбак.

Король сел и написал королеве: «*Юношу, что принесет письмо, вели тотчас же схватить и убить. Это мой злейший враг. Смотри, чтобы это было исполнено до моего возвращения! Такова моя воля*».

Король запечатал письмо перстнем со своей королевской печатью, и Пловичек пустился в путь.

Идти ему случилось большим лесом, и он заблудился. День уже клонился к вечеру, когда он повстречал древнюю старушку.

— Куда идешь, Пловичек? — спросила старушка.

—Иду с письмом в королевский замок, да вот заблудился. Не выведешь ли, бабушка, меня на дорогу?

— Сегодня все равно не дойдешь: уже смеркло. Лучше переночуй у меня. Не у чужой будешь: ведь я тебе крестная мать.

Пловичек согласился. Едва успели они сделать несколько шагов, как перед ними словно из земли выросла избушка. Когда гость уснул, старушка вынула из его шапки письмо и заменила другим.

«*Юноша, которого я посылаю,*— написано было в письме,— *мой нареченный зять. Сегодня же обвенчай с ним нашу дочь. Такова моя воля*».

Прочитав письмо, королева поспешила сыграть свадьбу. И она и дочь не могли насмотреться на жениха, так он им полюбился. Пловичеку невеста тоже понравилась. Зато король, когда вернулся и узнал что случилось, страшно рассвирепел и накинулся на жену.

— Я исполнила твое приказание,—ответила жена и показала письмо.

Посмотрел король: да, и почерк его и печать, и бумага та же.

Позвал он Пловичека, стал расспрашивать, какой дорогой он шел и не встречал ли кого-нибудь на пути.

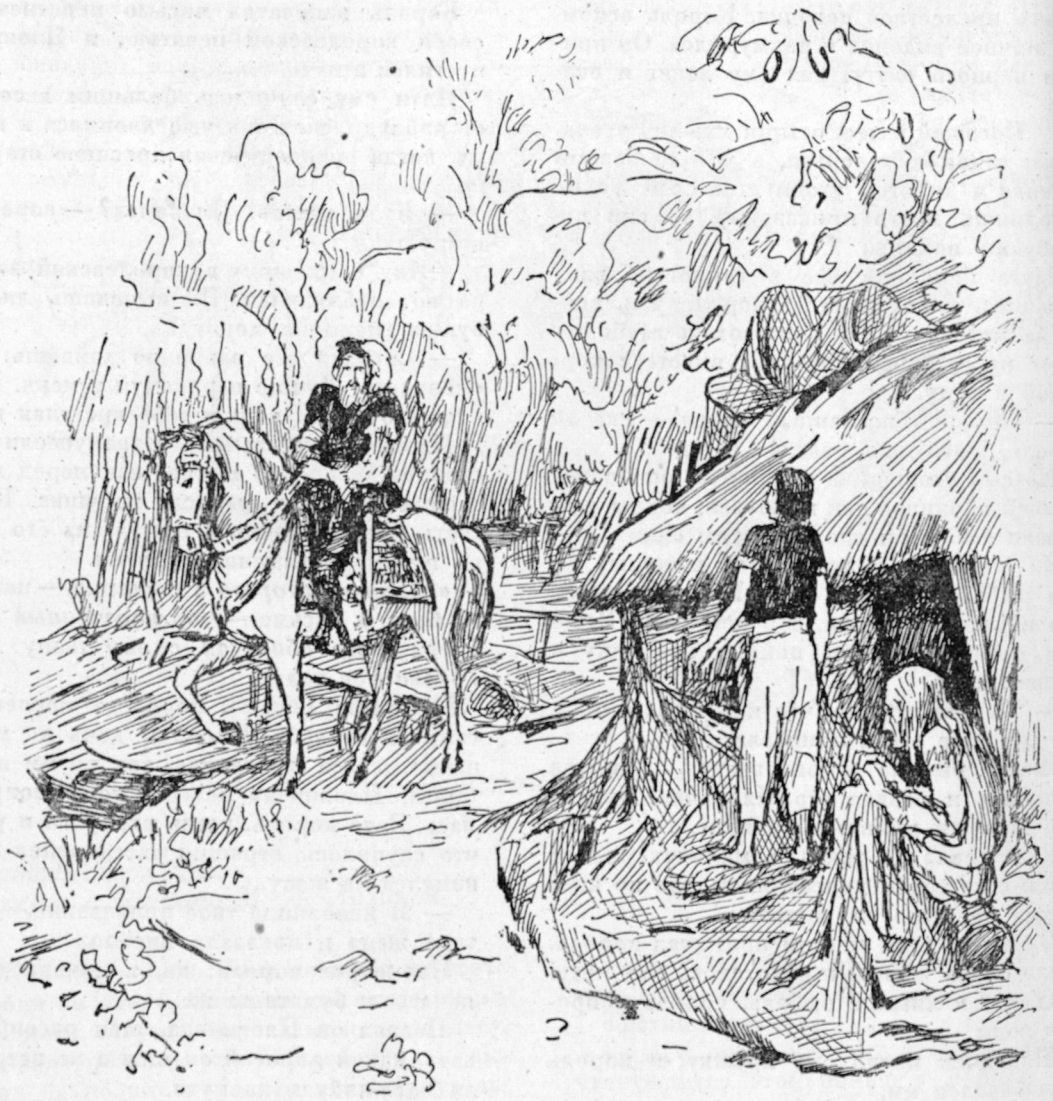
Пловичек без утайки рассказал, что заблудился и переночевал в лесу у своей крестной. Король сразу догадался, что эта крестная была та самая старушка-судьбичка, которая обещала сыну угольщика королевскую дочь.

— Ну, что случилось, того не переменишь,— сказал король.— Только даром я мою дочь не отдам. Достанешь три волоса Деда-Всеведа — она твоя, а нет — так не прогневайся.

Давая такое поручение немилому зятю, король был уверен, что посылает его на смерть.

Пловичек простился со своей милой женой и пошел, куда глаза глядят. Но так как его крестными были судьбички, то он и должен был в конце концов придти, куда следует.

Шел он долго, долго, через горы и до-



Под'ехав к хижине рыбака, король попросил воды.

лы, через леса и реки и пришел к синему морю. Там увидел он лодку и перевозчика

— Будь здоров, дедушка! — сказал он перевозчику.

— И ты также, прекрасный юноша. Куда держишь путь?

— К Деду-Всеведу, за тремя золотыми волосами.

— Ого! Такого посла я давно жду. Вот уж двадцать лет, как я служу перевозчиком и никто не идет освободить меня. Если обещаешь спросить Деда-Всеведа, когда кончится моя служба, я перевезу тебя.

Пловичек обещал, и старик его перевез.

Шел, шел Пловичек. Пришел к большому городу с темными, мрачными домами. И повстречал тут старичка. Тот едва передвигал ноги, опираясь на палку.

— Будь здоров, старый дедушка,— промолвил Пловичек.

— И ты также, молодой путничек. Куда путь держишь?

— К Деду-Всеведу, за тремя золотыми волосами.

— Такого посла мы давно ждем. Пойдем, я провожу тебя к его милости королю.

Вот пришли они к королю. Король сказал:

— Слышал я, что ты идешь к Деду-Всеведу. Так послушай о нашей беде. Была у нас яблонька, росли на ней дивные яблочки. Кто такое яблочко с'ест, сразу моло-

деет. Но вот уже двадцать лет, как яблонька не дает плодов. Спроси-ка ты Деда-Всеведа, как помочь беде, и я тебя награжу по-королевски.

Пловичек обещал, и король его отпустил.

Пришел Пловичек к другому большому городу. Был тот город наполовину разрушен. А поблизости от него сын хоронил отца, и слезы как горох падали на землю.

— Будь здоров! — приветствовал его Пловичек.

— И ты также, добрый путничек. Куда идешь?

— Иду к Деду-Всеведу, за тремя золотыми волосами.

— К Деду-Всеведу? Жаль, что не пришел ты раньше. Наш король давно ищет такого посла. Пойдем, я тебя провожу к нему.

Пришли к королю, король сказал:

— Говорят, у тебя есть дело к Деду-Всеведу. Слушай же, что я тебе скажу. Был у нас ключ живой воды: кто из него пил, тот, хоть бы и при смерти был, вставал; а если уже умер, то стоило умершего той водой покропить — и он оживал. Но вот уже двадцать лет, как этот ключ иссяк. Узнай у Деда-Всеведа, как нашей беде помочь, и я тебя щедро награжу.

Пловичек обещал, и король его отпустил.

Шел он долго и далеко дремучим лесом. И вот видит: среди леса широкий зеленый луг, весь в прекрасных цветах, а посреди луга золотой замок. Замок тот сверкал и вертелся. Это и было жилище Деда-Всеведа.

Пловичек вошел в замок и шел по комнатам, не встречая ни души. В самом отдаленном покое сидела старушка за прялкой.

— Здравствуй, Пловичек! — сказала она.— Вот рада-то я, что тебя вижу!

Это была та самая старушка, крестная Пловичека, у которой он ночевал, когда нес королевское письмо.

— Что же тебя сюда привело, милый?— продолжала старушка.

— Король не хочет, чтобы я был его зятем даром, и велел мне добыть три волоса Деда-Всеведа.

— Дед-Всевед — это мой сын — ясное солнышко,— сказала, улыбаясь, старушка.— Утром он младенец, днем — мужчина, а вечером — старый дед. Так и быть, я тебе достану три волоса с его золотой головы, ведь не даром же ты мне крестник. Только знай, что оставаться тебе навиду невозможно. Мой сын, хоть и добрая душа, но коль придет домой голодный, то может тебя зажарить и с'есть. Вон стоит пустой чан. Я тебя им прикрою.

Пловичек попросил, чтобы бабушка узнала у Деда-Всеведа, как избавиться от тех трех бед, о которых ему рассказали в пути.

— Ладно, я спрошу,— сказала старушка.— а ты внимательно слушай и примечай, что он скажет.

Едва успел Пловичек спрятаться под чаном, как вдруг страшный порыв ветра распахнул западное окно и в него вкатилось солнце, старичок Дед-Всевед, золотая голова.

— Кто у тебя тут, мать? — спросил дед.

— Никого нет. Если бы кто был, ты бы его видел. Целый день ты по белу свету летаешь, нанюхаешься человеческого запаха, немудрено, что он тебе и дома чудится.

Старичок ничего не сказал и сел ужинать. Поужинав, он положил свою голову матери на колени и задремал. Когда заснул он покрепче, старушка вырвала один волосок и бросила на землю. Волосок зазвенел как струна.

— Что ты делаешь, мать? — вскрикнул дед.

— Ничего-ничего, сыночек. Немножко задремала я и видела странный сон.

— Что же ты видела, матка?

— Приснилось мне, что пришла я к месту, где течет ключ живой воды. Как бы кто ни хворал, попьет водицы и выздоровеет. Даже мертвые воскресали, когда на них брызгали этой водой. И вдруг ключ иссяк. Можно ли этой беде помочь?

— Можно. В источнике, у стока воды, сидит жаба. Она и не пускает воду. Убить жабу — и вода потечет, как прежде.

Дед опять уснул, и мать вырвала у него еще волосок.

— Что ты делаешь, матка?

— Ничего, сыночек, ничего. Немножко задремала я, и показалось мне, что пришла я к месту, где растет яблоня с яблоками-молодилочками. С'ешь яблочко — и тотчас же помолодеешь. И вдруг яблонька перестала приносить плоды. Как этому горю пособить?

— Очень просто. Под яблоней поселилась змея и гложет корни. Убить змею — и яблоня оживет.

Дед опять уснул, и мать вырвала у него третий волос.

Когда заснул дед покрепче, старушка вырвала один волосок.

— Что это ты мне, матка, спать не даешь! — сказал сердито дед и хотел встать.

— Лежи, сыночек, лежи. Не гневайся на меня. И сама не рада, что разбудила тебя. Снова приснился мне странный сон. Будто везет меня перевозчик через синее море. Перевозит он двадцать лет, и никто еще не пришел его освободить. Когда же его работе конец?

— Перевозчик тот—глупой матери сын. Первому, которого он довезет до берега, пусть передаст весло, а сам выскочит на берег. Ну, уж теперь дай мне покой. Мне надо рано встать и осушить слезы прекрасной королевны: она плачет о своем супруге, сыне угольщика, а его послал король, чтобы добыть у меня три волоска.

Рано утром порыв ветра растворил восточное окно и на коленях у матери вместо старика проснулся прелестный, златовласый ребенок, солнышко. Поздоровался он с матерью и вылетел через восточное окно. Старушка подняла чан и освободила Пловичека.

— Вот тебе три волоса,—сказала она.— А про остальное ты сам слышал. Теперь иди своей дорогой. Мы уж больше с тобой не увидимся.

Пловичек поблагодарил старушку и ушел.

Чуть он пришел в первый город, король спросил его, какую весть он принес.

— Добрую весть,— отвечал Пловичек.— Вели убить жабу, что сидит в источнике, и вода потечет как и прежде.

Когда королю доложили, что жаба убита и вода забила живым ключом, король подарил Пловичеку двенадцать коней, белых как молоко, и на них серебра, золота и дорогих каменьев столько, сколько они могли увезти.

Пловичек пришел ко второму королю, и по его указанью убита была змея, а яблоня в ту же ночь покрылась цветами. Король обрадовался и подарил Пловичеку дюжину вороных коней, а на них столько богатства, сколько они могли увезти.

Дошел Пловичек до перевозчика.

— Исполнил ли ты мою просьбу? — спросил перевозчик.

— Исполнил. Только перевези меня на другой берег, тогда и скажу тебе.

Перевозчик перевез Пловичека и его две дюжины коней, а тот сказал ему:

— Первому, кого будешь перевозить, дай весло, а сам выскочи на берег.

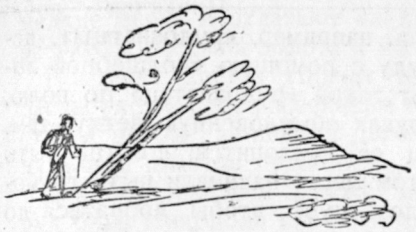
Когда Пловичек вернулся домой, королевна заплакала от радости. Король глазам своим не верил, увидев столько богатства.

— Где ты все это добыл? — спросил он.

— Заслужил! — отвечал Пловичек и рассказал про живую воду и яблочки-молодилочки.

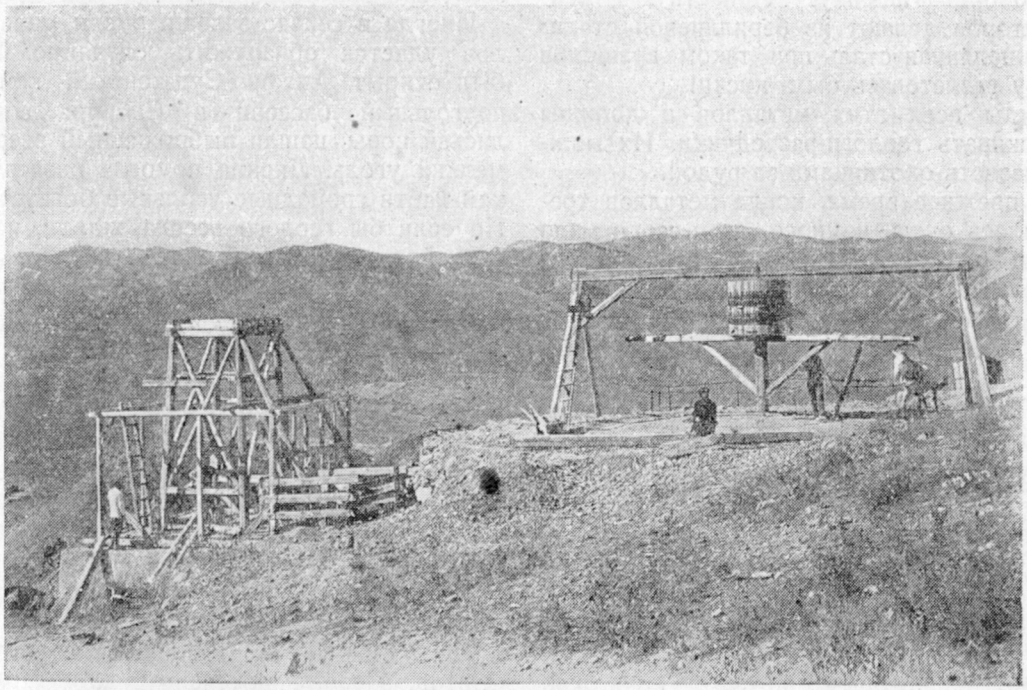
— Живая вода! Яблочки-молодилочки! — воскликнул король и захотел всего этого попробовать.

Он тотчас же поехал. Когда ехал он через синее море, то получил весло и стал перевозчиком. Сын угольщика стал королем, как и предсказала ему судьбичка. А король и до сей поры не вернулся.



ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО „КОМПАС"

Известия Географического общества читателей журнала „Пионер" № 24



Проходка шахты.

По следам рудных жил

Горный инженер Ф. Бублейников

Разведчики недр

Из году в год ранней весной геологи раз'езжаются на поиски руд, каменного угля, нефти и других полезных ископаемых.

Промышленность требует очень много металла, горы минерального топлива. Сколько нужно, например, одного железа для железных дорог, автомобилей, самолетов и тракторов!

Но одним железом не обойдешься. Многие части машин и приборов делают из меди или специальных сталей. А для того, чтобы их получить, нужно добавлять никель, молибден, вольфрам. Они придают стали еще большую твердость и упругость. На некоторых станках для обработки металла ставят резцы из вольфрамовой стали. Такие резцы, даже разогревшись до красного каления во время работы, все-таки не размягчаются и продолжают снимать стальную стружку.

Поэтому они могут резать металл с такой быстротой, какой ни за что бы не выдержал обычный резец.

Еще замечательней сплавы с бериллием. Карманные часы, сделанные из такого сплава, можно бросить об стену, и они будут идти: ни один винтик не сломается в них.

В современных самолетах есть особые вентиляторы, которые вращаются с огромной скоростью: больше двадцати тысяч оборотов в минуту. Лопасти этих вентиляторов делают из бериллиевой стали: обыкновенная сталь при таком вращении сразу разлетелась бы в куски!

Руды всех этих металлов и должны отыскивать геологи-разведчики. Их можно назвать охотниками за рудой.

В прежнее время, когда металлов требовалось очень немного, да и люди мало знали о строении земной коры, — руды искали наугад. Лет триста тому назад существовали, например, «рудознатцы», искавшие руду с помощью «волшебной лозы». Ходит такой «рудознатец» по полю, держа в руках обыкновенную ветку: там, где конец ее наклонится, должна быть руда. В этом месте начинали рыть глубокий колодезь-шурф, чтобы добраться до нее. Конечно, таким способом найти руду можно было только случайно. И «рудознатцы» на самом деле руководились в своих поисках не столько «волшебной лозой», сколько всевозможными приметами.

Иногда и сейчас залежи руд и минералов удается обнаружить случайно. Так был открыт Анжеро-Судженский каменноугольный бассейн в Сибири: возле лисьей норы нашли выброшенный зверем мелкий уголь. Лисица помогла разведчикам найти громадные угольные богатства. Но если бы геологи всегда ждали, пока случайно встретится руда или уголь,— немного бы они нашли.

Охота на руду

Есть целая наука, как искать руды. Геологи отлично изучили их «привычки» и «повадки». Известны законы, по которым руды образуются и залегают в земле. У геологов-разведчиков, знающих эти законы, есть много примет, по которым они судят, возможно ли встретить в той или иной местности залежи руды.

Часто уже на далеком расстоянии от рудной жилы заметно осветление горных пород: это полевые шпаты превратились в белый каолин или заместились квасцовым камнем — алунитом. Там, где горные породы замещаются светлым камнем — кварцем, также можно ожидать руду.

Если на поверхность выглянет тонкая кварцевая жилка, — значит, в глубине может быть рудная залежь. Цветные «примазки», цветная окраска камней тоже указывают на близость залежей руд.

Пласты горных пород по берегам реки Саксагани недалеко от Кривого Рога окрашены в красноватый цвет. Значит, догадывались геологи, где-то близко должна быть железная руда. И действительно, в недрах земли, на берегу этой реки, пятьдесят лет назад открыли богатейшие залежи красного железняка.

Земля в степях Казахстана местами кажется разноцветной. Когда-то на месте этой холмистой равнины были горы. Воды рек и ручьев в течение миллионов лет размыли горы и открыли много жил. Желтые следы свинцовой охры, синие и зеленые—медных руд встречаются там на каждом шагу. Не даром степи Казахстана называют «русским Колорадо» по имени одного из Североамериканских штатов. Первые поселенцы дали этому штату имя «Колорадо» (что значит по-испански «цветной») за удивительную раскраску горных пород.

Разведчики недр отыскали по таким следам в Казахстане немало свинцовых, цинковых и медных руд.

Но иногда рудные жилы прячутся глубоко в земле.

Ни один признак на поверхности не указывает на их присутствие. Так бы они и остались неизвестными нам, если бы не помощь ручьев и рек. Вода и воздух разрушают горные породы. От резкой смены нагревания днем и охлаждения ночью скалы покрываются трещинами. Дожди наполняют щели водой, мороз превращает воду в лед, раздвигает трещинки и превращает постепенно скалы в груды щебня. А весенние потоки смывают щебень в русло ручьев и рек.

И вот ручьи и реки уносят далеко вниз по течению обломки руд, мельчат их на

мелкие зерна и отлагают на дне. Так образуются россыпи золота и платины.

Протекая среди горных пород, вода растворяет в себе рассеянные в них вещества и потом где-нибудь далеко отлагает их ввиде пластов руды.

Так образовались залежи марганцевых руд близ Никополя и в Чиатури (Грузия).

Размывая верхушки жил, вода окисляет железо в нерастворимый бурый железняк и уносит с собой растворимые соединения меди и других металлов.

Оставшийся на месте бурый железняк образует так называемую железную шляпу рудной жилы.

Если в жиле есть медные руды, в ноздреватой бурой «железной шляпе» мы найдем еще зеленые и синие примазки.

Если есть руды кобальта, «железная шляпа» украшается синими «кобальтовыми цветами».

Найти «железную шляпу»— большая удача для разведчика: под ней всегда окажется жила руд, цветных металлов.

Часто узнают о рудных жилах по кускам руды, разбросанным ручьями и реками в долине.

Разведчик идет вдоль русла речки или ручья, собирая камни. Вот встретился кусок кварца со следами руды. Потом они попадаются все чаще и чаще. Разведчик отмечает места находок на карте. Сперва куски кварца были окатаны водой, значит, принесены издалека и обтерлись о другие камни. Потом они становятся остроугольными и вдруг совсем перестают попадаться.

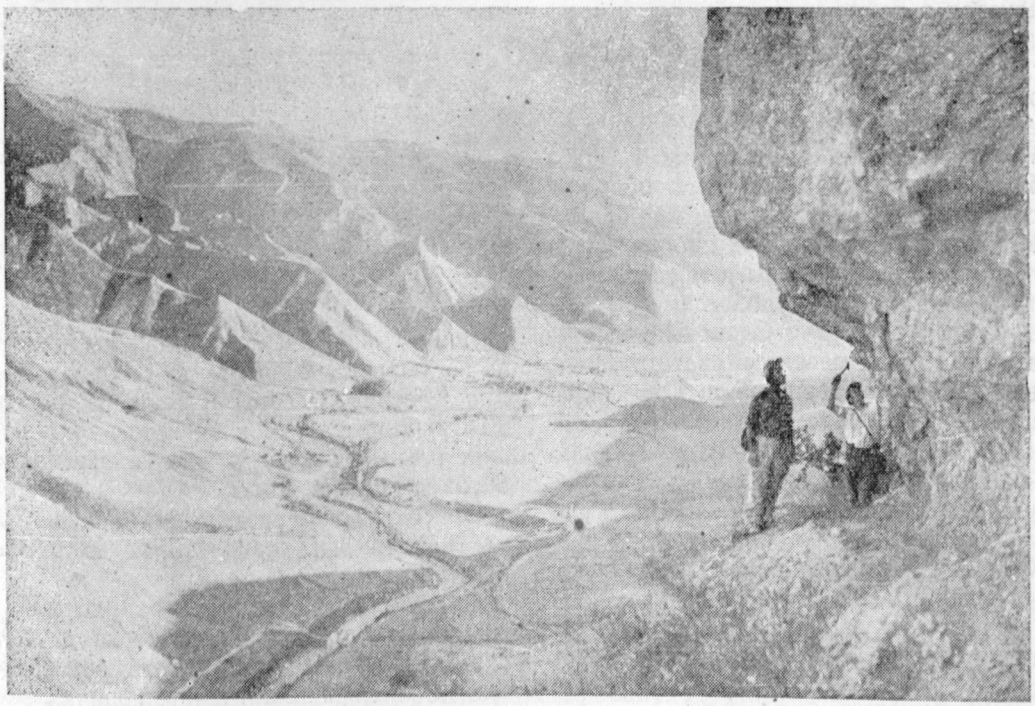
Разведчик проходит еще немного вверх по течению — нет больше рудных обломков. Это значит, что из этого района они уносились течением воды и здесь нужно искать размытую рудную жилу.

Начинается настоящая облава на руду. Поперек выходов пластов роют канавы, углубляя их до самых коренных пород.

От пластов разведчик отбивает молотком образцы, чтобы сделать анализ. Анализ покажет, есть ли в них металл. Если наносы очень толсты, то вместо канав роют шурфы. Шурф — это колодезь. Только им ищут не воду, а руду.

Стенки шурфа закрепляют деревянными венцами. Наверху устанавливают ручной вороток для под'ема земли и камней на поверхность. Обычно шурф прорезает несколько пластов, но если они стоят очень круто, то это не удается: каждый шурф покажет только один пласт.

Тогда из шурфа проводят поперек выходов горных пород подземные галерейки. Такая галерейка прорежет несколько пластов.



Геологическая партия в горах Таджикистана отбивает образцы пород.

У колыбели металлов

Но бывает и так, что руда залегает настолько глубоко, что шурфами до нее не добраться. Тогда ее нащупывают глубокими скважинами.

Бурильный станок вращает стальную трубу. На нижнем конце ее коронка, усаженная алмазами. Алмазы, завернутые в листочек свинца, плотно загоняют в гнездо на поверхности коронки.

Кусочки алмазов при вращении коронки сверлят каменные слои.

Коронка прогрызает в горных породах узкую кольцеобразную щель. А внутри трубы остается столбик. Он называется керном. Его обламывают особым инструментом — рвателем — и поднимают на поверхность. Керн показывает разведчику, какие горные породы прорезаны скважиной.

Такие разведки стоят очень дорого. Если делать их наугад, то можно истратить много денег и времени напрасно. Поэтому нужно было изучить, в каких местах встречаются руды и где следует делать разведки.

А для этого надо было узнать, как руда образуется в земле.

Оказалось, что рудные жилы почти всегда залегают вблизи гранитных массивов.

Земная кора сверху сложена из пластов глин, песков и известняков, а на глубине — из слоистых горных пород — кристаллических сланцев.

Но среди слоистых пород иногда встречаются громадные куполы и массивы гранитов. Вблизи таких куполов и залегают руды разных металлов. Слоистые породы вблизи гранитных массивов часто разбиты многочисленными трещинами. Они образовались в те времена, когда пласты изгибались и изминались в гигантские складки — горы.

Руды заполняют такие трещины и образуют рудные жилы.

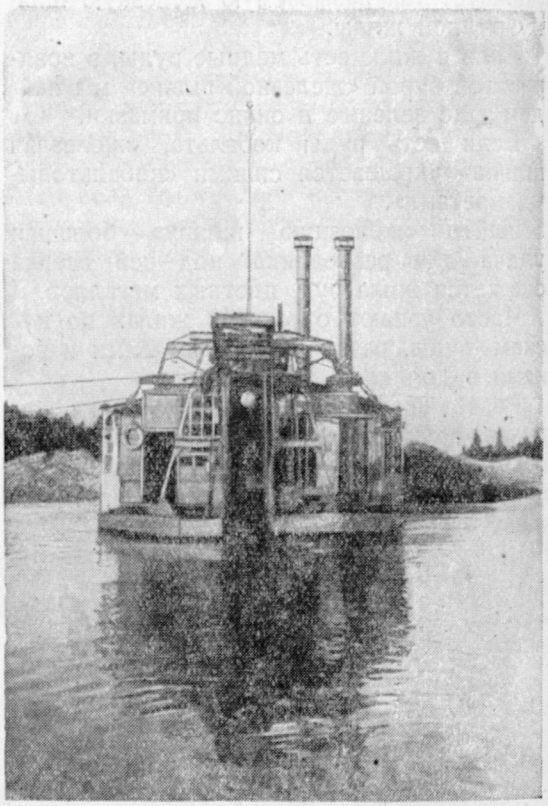
Жилы руд ветвятся среди твердых каменных пластов как корни дерева в мягкой почве.

Только эти «корни» бывают длиной по нескольку сот метров.

Металлы этих руд были вынесены из глубин земного шара огненно-жидкой магмой: на глубине около ста километров ведь так жарко, что все вещества там находятся в расплавленном состоянии. Из них и состоит магма.

Если земные пласты сминались в складки и над магмой образовалась пустота, магма заполняла ее, внедряясь в земную кору.

Среди холодных каменных пластов она начинала остывать и затвердевать. Туго-



Драга добывает золото в реке.

плавкие минералы первыми выделялись из застывающей магмы и опускались на дно массива, а пары и газы разных веществ прорывались в трещины окружающих горных пород и там охлаждались, образуя рудные жилы.

Они окружают застывшие массивы магмы как брызги, разбросанные вокруг кипящего котла.

Дальше всех от массива уходили по трещинам горных пород пары ртути и сурьмы. Вблизи поверхности земли они охлаждались и текли ввиде горячих растворов, осаждаясь в трещинах красной ки-

новарью (руда ртути) и блестящими черными иглами сурьмяного блеска.

Глубже, ближе к застывающему массиву отлагались руды свинца, цинка и меди.

Последние «выжимки» из застывающей магмы — олово, вольфрам и редкие металлы — образовывали жилы очень близко от застывшего гранитного массива.

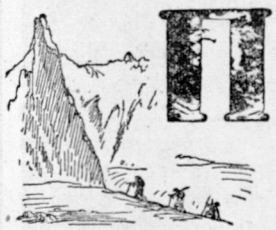
Иногда трещины в горных породах заполнялись легкоплавкой магмой, застывающей снежнобелым кварцем. В нем нередко вкраплены зерна чистого золота.

Белый кварц с зернами золота похож на сдобную булку с изюмом.

А если в такой жиле была пустота, в ней вырастали «цветы земли»—самоцветы и драгоценные камни: винно-желтые топазы, фиолетовые аметисты и малиновые шерлы. Это кристаллизуются оставшиеся в пустоте и сгустившиеся газы редких веществ.

Так рождались руды и минералы в глубоких недрах земной коры.

Рудные поясы



Поисковые партии выезжают туда, где когда-то поднимались горы, где ломались и гнулись пласты земной коры и огненно-жидкая магма заполняла трещины вынесенными из недр земли металлами.

Руды металлов часто встречаются не по одиночке, а целыми группами. Где есть олово, нужно искать вольфрам и редкие металлы. Вместе с цинком и свинцом может оказаться медь и серебро, с никелем — кобальт.

Поясы с рудными жилами тянутся на сотни километров, окружая застывшие очаги когда-то огненно-жидкой магмы.

Огромный размытый гранитный массив известен к югу от озера Байкал. Этот район ученые называют «теменем Азии». Он окружен поясом залежей редких металлов и золота.

Громадное кольцо рудоносных пород окружает Сибирскую равнину: длинные полосы медных месторождений Урала, пояс свинцовых и цинковых руд за озером Балхаш, рудоносные полосы Тянь-Шаня, Алтая и Восточного Забайкалья с месторождениями золота, сурьмы и ртути.

В эти районы, где заранее можно предсказать нахождение рудных залежей, направляются наши разведчики недр в поисках необходимых Советскому Союзу металлов.

Много следов рудных жил отыскали советские разведчики в Таджикистане. Эта страна покрыта высокими горами: на севере ее протянулись Карамазарские горы и хребет Могол-тау; южнее — цепи Туркестанских, Гиссарских и Зеравшанских гор; а юговосточная часть занята нагорьем Памира.

В далеком прошлом на месте этих гор была равнина. Сжимавшаяся земная кора поднялась здесь складками и образовала высокие горные хребты. На глубине нескольких километров среди пластов внедрилась огненно-жидкая магма. Она застыла и образовала гранитные куполы. От них по трещинам в пластах залегли рудные жилы. Вода размыла толщи приподнятых пластов и обнажила залежи руд.

По склону громадного известнякового хребта Яхак-тау нашли жилы сурьмянистого блеска. Это руда металла сурьмы. Сурьма входит в особый сплав, называемый типографским металлом; из него отливают шрифт для типографий. Из сурьмы же приготовляют сплавы для подшипников — баббиты.

В соседней долине, по другую сторону высокого хребта, разведчики отыскали на склоне горы рыжие пятна — следы мышьяковой руды. Разведчики указали на гнезда чистого мышьякового колчедана. Обжигая эту руду, получают белый мышьяк. Он служит для борьбы с насекомыми — вредителями в сельском хозяйстве.

В поисках за рудой наши разведчики спустились на канате по отвесной стене в издавна известную пещеру Кан-и-Гут. Подземные переходы этой пещеры протянулись больше чем на километр. В некоторых залах ее можно было бы поместить десятиэтажный дом.

И в этой пещере удалось на месте древних разработок отыскать жилу серебряно-свинцовой руды.

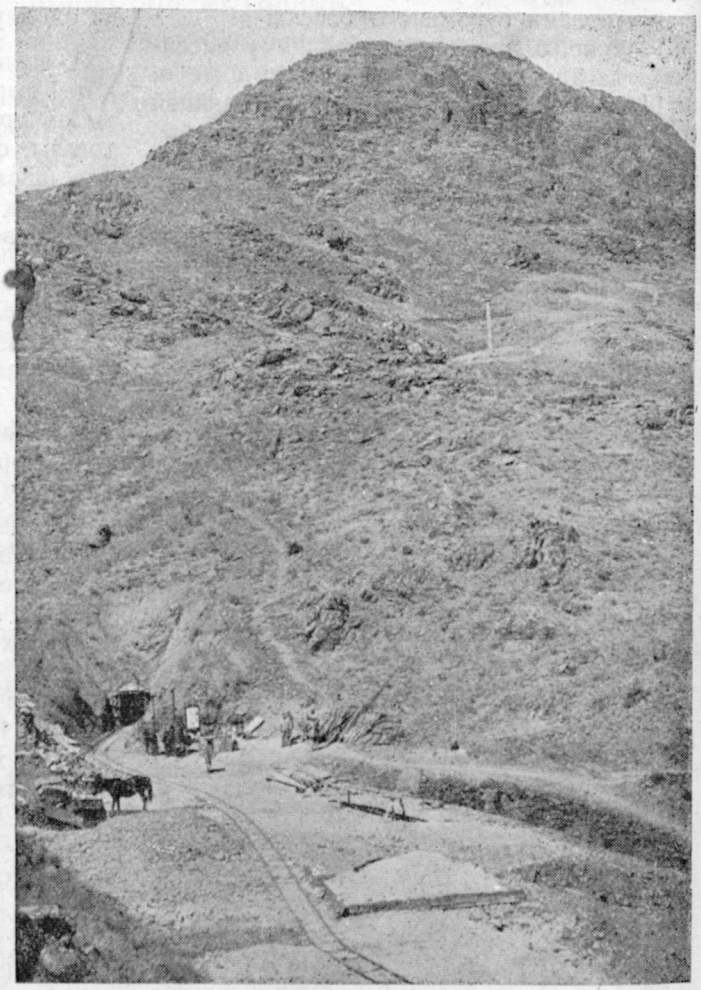
Между Ловозером и озером Имандра тянутся высокие дугообразные горные хребты — Хибинские и Ловозерские тундры («тундр» на языке саами-лопарей значит хребет).

В этот северный, еще недавно пустынный горный район отправились несколько лет назад советские разведчики недр.

Они шли без дорог, по пояс в снегу, переходя вброд быстрые ледяные реки. Они несли на себе инструменты и продовольствие, жили в палатках, часто проводили холодные ночи у костра под елью.

Только на одном небольшом гребне Куэльпора были найдены десятки богатейших жил эвдиалита. Этот неизвестный ранее вишневокрасного цвета минерал содержит в себе редкий металл цирконий. Добавка циркония в сталь делает ее необычайно твердой и вязкой. Из такой стали в наше время отливают броню для военных морских судов.

В Ловозерских тундрах обнаружены большие залежи черного лопарита. Этот минерал также не был известен раньше. В нем содержится редкий элемент ниобий. Добавка ниобия в сталь делает ее устойчивой против ржавления.



Разведки штольней в горах Таджикистана.

В южной части Хибинских тундр открыли чуть не целые горы апатита. Он был известен раньше в Норвегии, но в небольших количествах. А в Хибинах нашли громаднейшие запасы этого минерала. В апатите содержится фосфор, и из него можно вырабатывать ценные фосфористые удобрения.

Наконец, к западу от озера Имандра, в Монча-Тундре, оказались огромные залежи никелевой руды.

Теперь в Хибинах, у горы Кукисвумчорр, построена величайшая в мире обогатительная фабрика для обработки апатита, а недалеко от нее, на берегу озера Вуд'явра, раскинулся новый город Кировск.

В Монча-Тундре выстроен большой никелевый завод и вырос новый город Мончегорск.

Пустыня Заполярья огласилась свистками паровозов и гудками автомобилей.

Промышленность и культура пришли в этот край по следам рудных жил, найденных разведчиками-большевиками.

□ □ □

История Дубенского озера

Ответ на задание „Как узнать историю озера“ в № 5 „Пионера“.

В северной части Борисовского района, БССР, среди плоских холмов расположено небольшое озеро. Однажды я со своим товарищем Петей Галушко, захватив с собой лот-линь (веревку, разбитую на деления, с грузом на конце), поехали на озеро. Улучив минуту, когда озеро успокоилось, мы выехали на лодке на середину и начали свои промеры.

От стариков я слыхал, что в 1893—1894 году управляющий Староборисовским имением бывшего великого князя Романова решил построить на озере мельницу. Весной, когда уровень воды в озере повышается, часть воды уходит по болотистой долине и по реке Наче в Березину. Хитрый управляющий задумал, прокопав канаву от озера к реке Наче, спускать в реку воду из озера круглый год и, построив на канаве мельницу, извлекать доход для своего кармана из выгодного природного расположения озера. Однако присланные на озеро инженеры рассеяли его мечты: разница уровней реки и озера была небольшая, затраты на прорытие канала должны были быть велики. И интересно, что эти инженеры при измерении озера неожиданно нашли в нем глубину в 36 метров. Стоило им взять немного в сторону, как глубина менялась чуть ли не на 16 метров.

Мы долго искали, ездя на лодке, эту 36-метровую пучину, пока поднявшийся ветер и загулявшие по поверхности озера волны не заставили нас прекратить промеры.

Старики рассказывают, что в 1887—1889 годах на озере произошел случай, взбудораживший всю деревню. Дело было зимой. Однажды утром люди, вышедшие к прорубям за водой, зачерпнули с водой массу рыбы, которая стремилась к проруби, к воздуху. В это время настала оттепель и верховодка тонким слоем покрыла лед озера. И сейчас же слой воды заполнился косяками рыбы, которая шла из прорубей, массами устилая лед и задыхаясь. О количестве рыбы можно судить хотя бы по тому, что одна семья натягала за день 25 пудов ее. Ловить рыбу не стоило никакого труда: вялая и беспомощная, она сразу заполняла опущенные в прорубь мешок, решето, ведро. А весной, когда растаял лед на озере, к воде нельзя было подойти: на поверхности кучами плавали мертвые рыбы, наполняя воздух зловонием. Старики недоумевали: такое явление они видели впервые в своей жизни, да и от предков не слыхали ничего подобного. И с тех пор озерная рыба стала дохнуть зимами каждые 5—6 лет.

Собрав эти материалы об озере, его подводных обитателях и глубинах, я попробовал об'яснить его происхождение. Сначала это мне показалось очень простым делом: окружающие озеро моренные холмы, лежащие на берегах озера валуны, болотистая долина, тянущаяся от северного конца озера на ссверозапад,— все это говорило о его чисто ледниковом происхождении. Я решил сделать проверку своего предположения на основании теории Дэвиса, о которой рассказывалось в 6-м номере «Пионера».

Последнее оледенение кончилось 26 тысяч лет назад. К этому следует добавить еще и рыхлость грунта берегов. Следовательно, озеро должно иметь форму, которую имеет любое озеро в старости и которую имеют все ледниковые озера Борисовского и прилегающих к нему с севера районов. Все они очень мелки, с постепенно понижающимся дном, с пологими берегами. Береговой обрыв у них отсутствует, пологий скат с возвышенности к озерной впадине расположен в некоторых случаях в 0,5—1 километрах от озера. Озера имеют круглую форму; береговая линия отличается отсутствием бухт и мысов. На эти озера похоже и Дубенское озеро, если рассматривать только лесной его берег или южный залив:

плавное изменение дна, отсутствие берегового обрыва. Восточный берег, где склон озерной впадины вплотную подходит к воде, спускается к ней хотя и полого, но довольно резко. От мелких ледниковых озер отличает его и подводный обрыв, находящийся вблизи этого берега, и 36-метровая глубина. Все это говорило о том, что кроме ледника, в образовании озера принимала участие еще какая-то другая сила, которая вмешалась в историю озера сравнительно недавно и обновила восточный берег и прибрежную полосу.

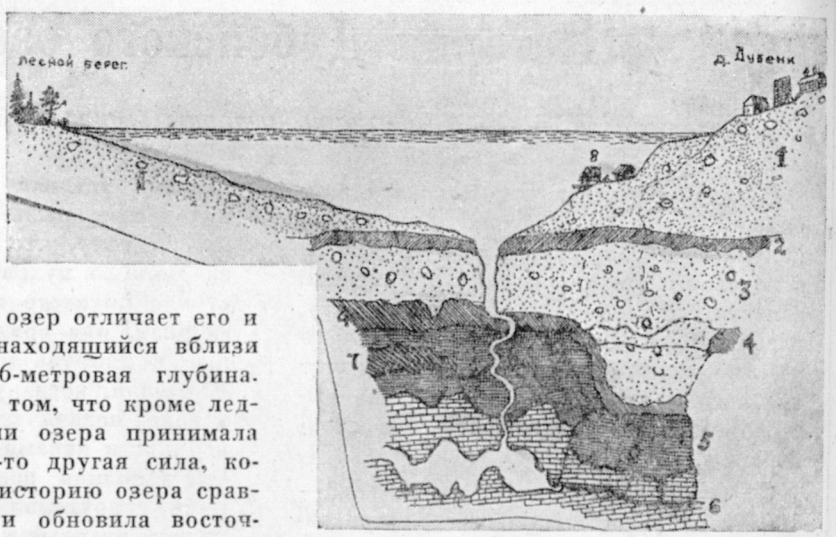


Схема строения озера и подводного прохода *(разрез озера и его дна в западновосточном направлении).*

Условные знаки: 1) отложения четвертого оледенения; 2) отложения межледникового периода; 3) отложения третьего оледенения; 4) отложения третичного периода; 5) отложения юрского периода; 6) известняки девонского периода; 7) скопления сероводорода; 8) затонувшая деревня; 9) обвалившиеся пласты; 10) положение слоев до обвала.

Масштаб —1:1000

Глубоко внизу, под полями, лесами и деревнями Борисовского района, на глубине 150—200 метров, под рыхлыми породами, залегает твердая порода— известняк. Из этой породы, простирающейся под рыхлыми отложениями Европейской части СССР на тысячи километров, состоит подземный хребет, проходящий под поверхностью Борисовского района. Этого хребта не видел ни один человек: над самыми высокими его вершинами залегает несколько десятков метров рыхлой породы, нанесенной ледником, но о его существовании ученые знают по колебаниям компасной стрелки, изменению силы тяжести и т. д. Ученые называют этот подземный кряж Скифским, или Полесским, валом.

Известняк — очень плотная порода, но он легко поддается размыванию. Вода вымывает в нем пещеры, извилистые ходы, гроты. Эти результаты химического воздействия воды на известняк называются карстом. Очевидно, карстовые явления проявлялись и в известняках Скифского вала, когда он возносил к небу свои плоские вершины в эпоху каменноугольного и пермского периодов. Потом, когда моря юрского и — миллионы лет спустя — третичного периодов заливали опустившуюся поверхность БССР, рыхлые глинистые отложения морей устлали вершины и склоны кряжа. Вместе с отступлением моря ушла и вода из залитых пещер, но через несколько миллионов лет продвинувшийся с севера ледник окончательно скрыл под своими отложениями известковый кряж с его карстовыми образованиями. Дубенское озеро, очевидно, оказалось как раз лежащим над одним из таких образований. Известковая поверхность кряжа находится, повидимому, на глубине 50—60 метров от уровня озера, то есть сравнительно неглубоко. И вот вдоль образованного ледником озера вода, просачиваясь через моренную глину, начала делать громадную, но кропотливую работу. Капля за каплей просачивалась она через пятидесятиметровую толщу отложений, попадая в карстовые пустоты. Капля за каплей вода проложила путь для струи, пока, наконец, в скрытые до сих пор подземелья не хлынул целый поток. Тогда образовался проход, начинающийся на дне озера и ведущий в затопленные озерной водой подземелья, а найденная в 1893 году инженерами глубина в 36 метров есть глубина озера плюс глубина этого прохода до его пер-

вого заворота. Этим и об'ясняется наблюдаемая резкая разница глубин на таком небольшом участке озера.

Но на этом тысячелетняя работа водяных капель, блуждавших в земных недрах и проложивших, наконец, путь к подземелью, не окончилась. Вода, попавшая в подземелье, стала продолжать прерванное было разрушение известняков. Правда, при отсутствии течения на большой глубине это разрушение шло очень медленно, но тем не менее оно вызвало обвалы подточенных известковых сводов. Эти подземные катастрофы вызвали отголосок на поверхности: берега озера стали оползать и проваливаться. Этим и можно об'яснить происхождение подводного обрыва возле восточного берега. Очевидно, в древности на берегу озера находилось небольшое селение, которое при подземной катастрофе провалилось в озеро. Резкие колебания глубины около этого берега, вероятно, об'ясняются тем, что лот попадает то на самое дно озера, то на какую-нибудь затонувшую постройку.

Для об'яснения гибели рыбы придется опять обратиться к подводному проходу, прорезающему на своем пути пласты зеленой третичной и черной юрской глин. В юрских глинах часто встречаются скопления ядовитого газа— сероводорода, который имеет запах тухлых яиц. Эти скопления образовались от разложения вымерших организмов, населявших юрские моря. Очевидно, в глинах, прилегающих к подводному проходу, имеются большие скопления сероводорода, выходы которых были вскрыты при каком-нибудь малозаметном на поверхности подземном толчке или путем оползания стенок прохода в год первого падежа рыбы. Зимою этот газ, не имея возможности благодаря ледяному покрову выделяться на воздух, скопляется под водой. Рыбы, вдыхающие вместе с растворенным в воде воздухом сероводород, отравляются и дохнут. Подводные источники сероводорода действуют периодически, о чем говорят регулярно повторяющиеся через 5—6 лет падежи рыб. Периодичность действия источников об'ясняется, очевидно, устройством выводных каналов.

Юра Мазинг

город Борисов, БССР.

Дикий козел и автобус

В окрестностях Свердловска расположено много холмов. На них водятся длинноногие рыжевато-серые польские (полевые) козлы (косули). Однажды огромный длинноногий козел лежал на проезжей дороге и грелся на солнышке. Вдруг на повороте дороги показался маленький автобусик. Он нисколько не испугал козла, так как тот продолжал спокойно лежать. Автобусик тонко-тонко загудел, но и тут козел не поднялся.

Машина медленно ползла вперед, прямо на козла. Наконец, козел вскочил. Стал посреди дороги, как статуя, и громко, пронзительно заблеял...

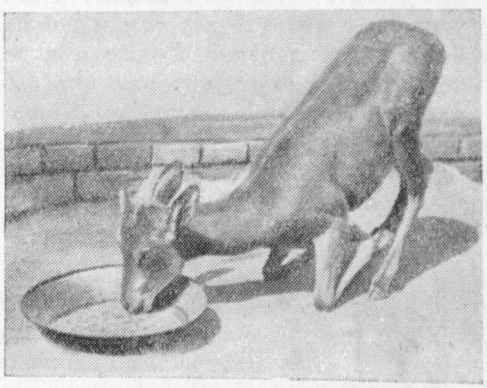
— Ах, ты, чорт бородатый! — рассердился шофер и стал вылезать из кабинки.

Козел отбежал в сторону.И вдруг со всего разбегу ринулся, наклонив голову, к автобусу. Козел подпрыгнул, как во время драки, раздался оглушительный звон стекла, и одно из окон автобуса было разбито.

Шофер неистово закричал и бросился за козлом, но его уже и след простыл...

С. Лялицкая

Архар за обедом



В горах Тянь-Шаня (Киргизия) живут быстроногие дикие бараны — архары. Они очень любопытно пасутся: становятся на колени передних ног и так щиплют траву. У них колени приспособлены к такому способу питания: кожа на них толстая и образует как бы плотные подушечки с прослойкой хряща. На снимке: пойманная охотниками молодая самка архара ест зерно из тарелки.

Фонд Географического Общества.

ГЛЕБ КАШУРОВ (Харьков) прислал странички из дневника.

— Я был на Азовском море, в селе Степановке. Там я вел дневник. Вот самое интересное...

— Лет 150 тому назад в Степановке жили нагайцы, одна из народностей Кавказа, о которых пишет Л. Н. Толстой в «Кавказском пленнике». Степановка называлась Янцыгур. Лет 30 тому назад находили их могилы. У нагайцев был такой обычай: если нагаец умирает — его кладут в гроб с кастрюльками, ложками, трубками для куренья и еще другими вещами. И сейчас недалеко от Степановки есть остатки кладбища, где похоронены нагайцы.

В Степановке очень крутой и высокий берег. Каждый день море подмывает землю. За месяц берег заметно уменьшается. По рассказам колхозников, лет 40 тому назад море было на расстоянии 700 метров, а теперь — 100 метров. Лет через 30 море проглотит то место, где сейчас находится большое село Степановка.

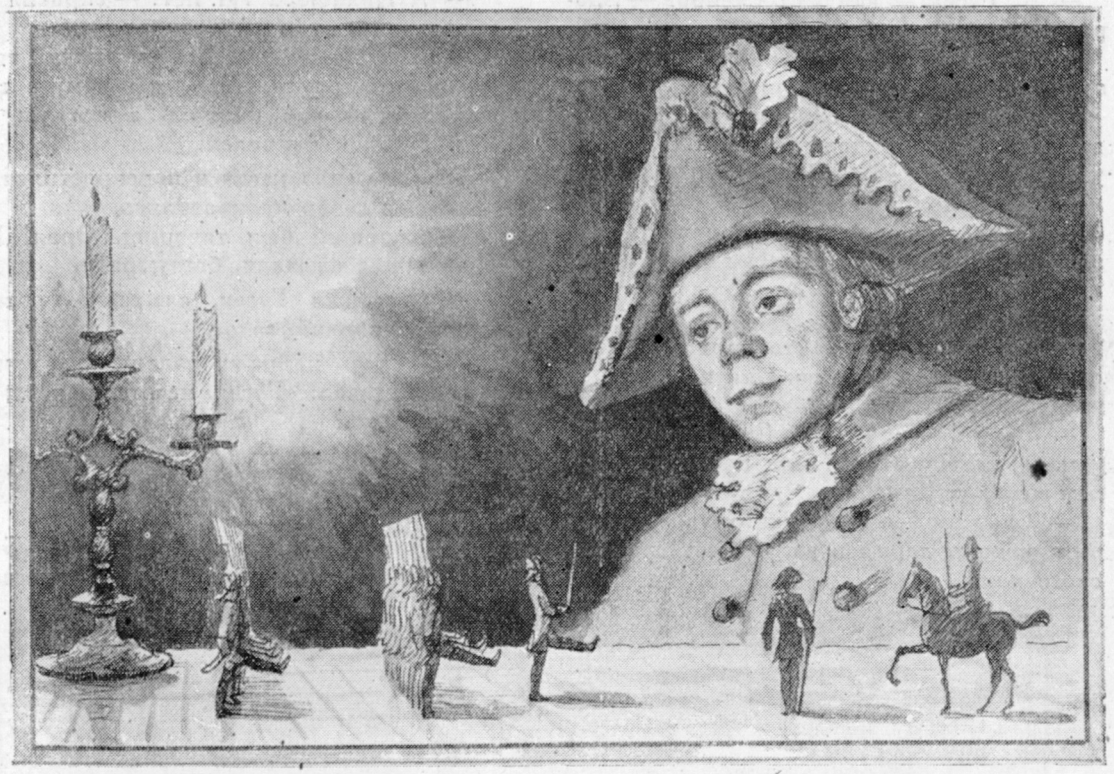
Во время одной прогулки мы заметили над землей какое-то желтое пятно. Когда мы подошли ближе, то убедились, что это стог сена. Мы пошли дальше и увидели в воздухе деревья и дома. Это была целая деревня. Также я видел в воздухе мельницу, которая как бы зачерпывала землю крыльями. Таких миражей в районе Степановки немало, но мне кажется, что это бывает, когда идешь в степь по направлению на восток.

ФЕДЯ БОРИСОВ (ст. Челюскинская, Московская область) прислал интересное наблюдение над птицами.

— Болота, которые были в лесу, все высохли. Даже росы по утрам не было. И вот птицы очень ловко вышли из этого «засушливого положения». Первыми открыли водоем «попрыгунчики» (я не знаю, как их по-настоящему зовут. Это маленькие птички, похожие на дятлов). Во дворе у нас стоял обыкновенный рукомойник. И вот эти попрыгунчики подлетят к нему, ткнут носом железку — и из умывальника вытекает несколько капель воды. Они ее пили. За попрыгунчиками стали летать пить воду синицы, чечетки и другие пернатые. Очень интересно было смотреть, как они порхали вокруг умывальника и поочередно пили.

ОЛЕГ ГРИБАНОВ И ЖЕНЯ ПОТЕМКИН (Евпатория) описали экскурсию на «Раковое поле», в 6 километрах от Евпатории, славящееся обилием морских раковин.

— В 5 часов утра с рюкзаками и фотоаппаратами мы вышли из дому. По берегу моря тянулась песчаная полоса метров 50—60 в ширину, сплошь усеянная множеством кремней и раковин. Идти было трудно: ноги проваливались в песок. Весь берег был завален мертвыми крабами и ракушками, которые выкинуло на берег прибоем. В некоторых местах были разработки кремня. На одной из заброшенных разработок мы нашли очень хрупкие кости какого-то травоядного животного. По такой однообразной местности прошли 6 километров. Мы выбрали место для купания среди камней, разбросанных во множестве в воде и обросших водорослями. Купаясь, мы занялись ловлей всяких морских животных, которых в этом месте было очень много. Мимо нас проплывали целые стаи рыб величиной с селедку. За рыбами охотилось множество чаек. Они с криком носились над нашими головами и вдруг, сложив крылья, падали на воду, подымая брызги, быстро хватали рыб и скоро скрывались из виду. Мы наловили крабов, креветок, бычков. Мы набрали также много раковин и поймали ящериц.



АЛЕКСАНДР СУВОРОВ

Сергей Григорьев *Рис. П. Кузьмичева*

Часть третья

Глава десятая. Павел

В 1794 году поляки еще раз сделали попытку восстановить Польшу. Фаддей Костюшко поднял восстание. Мелкопоместный дворянин Фаддей Костюшко знал причину неудач прежних восстаний, когда против России сражались одни шляхтичи. Он выпустил воззвание к польским крестьянам, обещая им облегчение панского гнета. Это позволило Костюшко собрать и выставить в поле почти стотысячную армию. Война предстояла долгая и упорная. Назначенный главнокомандующим Румянцев призвал Суворова. Наступала осень. Обе воюющие стороны уже готовились к зимним квартирам. Суворов приказал своим войскам не брать зимней одежды и сам облачился в парусиновую куртку, что говорило всем о намерении неукротимого и стремительного вождя закончить войну к зиме.

Поход пришлось сделать длинный: целью назначался Брест-Литовский, а Суворов стоял со своими войсками в Немирове-Подольском. В походе Суворов все время был на коне. Прохор ехал за войсками в кибитке, которой сам Суворов не воспользовался ни разу. Суворов то обгонял батальоны краем дороги, приветствуемый криками солдат, то останавливался, пропуская их мимо. Иногда он присоединялся в походной колонне к одному из батальонов и вступал с солдатами в разговоры. Завидев старых знакомых, Суворов в'езжал в самые ряды. Солдаты на марше теснились к нему — это вождь их очень любил.

Однажды — было это уже после Варковичей, где Суворов усилился еще несколькими батальонами — ему послышалась позади коня какая-то возня. Солдаты хохотали и кричали:

— Не пускай! Не пускай его, ребята!

Суворов оглянулся и увидел, что к нему отчаянно пробивается солдат, а товарищи его со смехом оттирают. Суворов сразу узнал старого знакомого.

— А, Гусек! — крикнул Суворов.— Здорово! Экой ты стал матерый!

— Что, слыхали?! — радостно воскликнул Гусек.— Я говорю, он меня узнает!..

Гусек пробился к самому коню Суворова. Товарищи его пропустили. Схватив за уздечку, Гусек закричал:

— Ура! Моя уздечка!

— Экой ты какой! — Суворов рассмеялся.— Да ведь я ее у тебя за три рубля в Измаиле купил, а ты — «моя». Отнять хочешь?

— Да нет! Слыхали, товарищи? Ты им скажи, ваше сиятельство. Они поверить не хотят...

— Верно! — крикнул Суворов солдатам.— Уздечку эту он мне подарить с конем хотел в Измаиле.

— Слыхали? — сияя повторил Гусек и шел, крепко держась за уздечку суворовского коня.

— А Никифора тут нет? — спросил Суворов.

— Кукушкина-то? Его туркиня тогда ножиком пырнула. Ходил я к нему в лазарет. Второй раз пришел, а его уж там нет: должно, кончился!

Суворов снял каску и перекрестился.

Смех и говор прекратились.

— Хороший был товарищ. Орел! Про Кукушкина слыхали, богатыри?

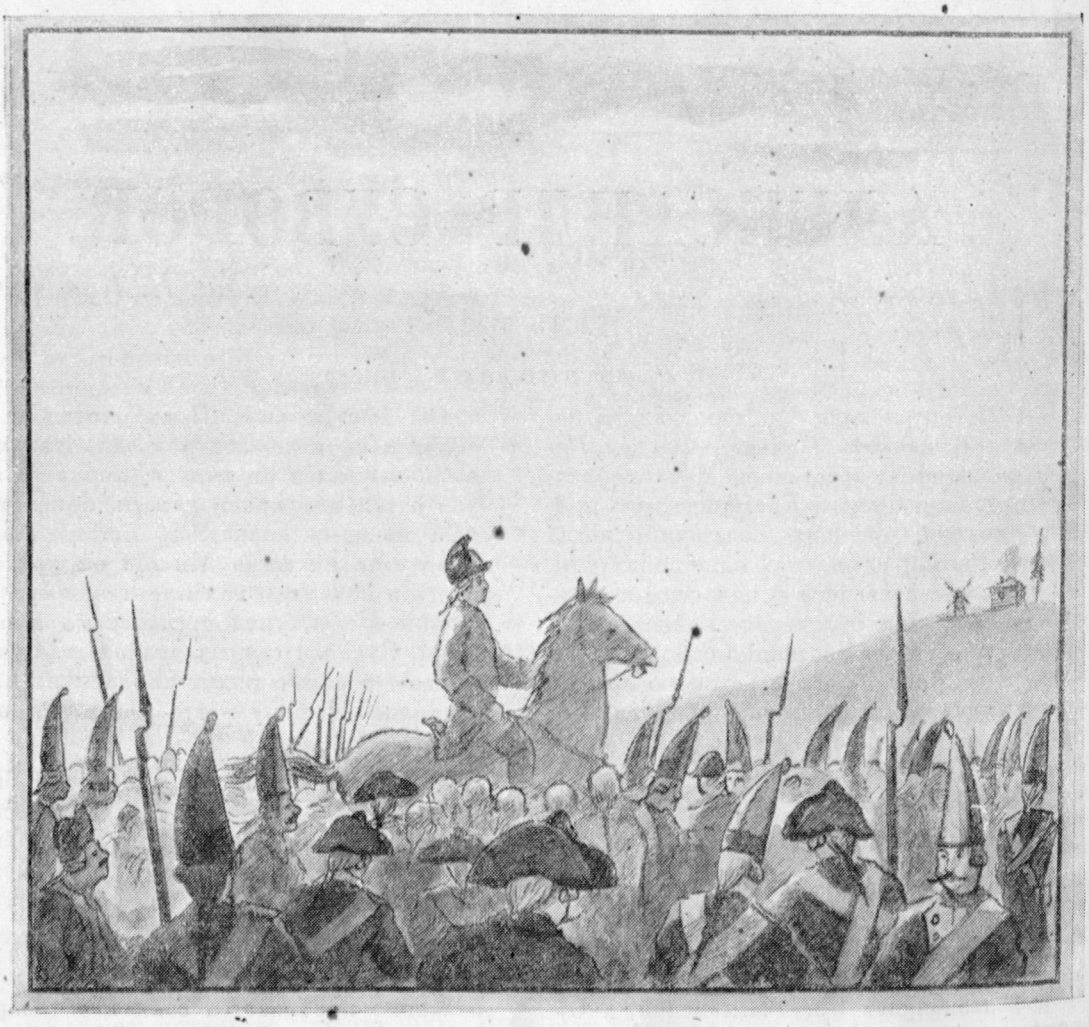
— Сказывал Гусек, слыхали,— откликнулся одинокий голос.

— Я ведь не из-за уздечки. Помнишь, ты мне сказал: «Гусек, не отставай от старых гусей»...

— Вижу: не отстаешь...

— Да нет! Ты им скажи. Все я Гусек, да Гусек. Обидно мне...

— Братцы! — крикнул Суворов.— Больше Гуськом его не зовите. Я ему классный



Суворов в'езжал в самые ряды. Солдаты на марше теснились к нему.

чин даю: отселе он Сокол! А Варшаву возьмем — в Орлы произведу...

— Виват! — крикнул Гусек, выпуская уздечку, и поднял ружье вверх штыком...

— Виват! Виват! Виват! — прокатилось по всей колонне, от того места, где ехал Суворов.

Он сжал коленями коня и выбрался из рядов.

Места, где проходили войска и где ожидались боевые встречи с неприятелем, не были новыми для Суворова и многих из его солдат: они шли по дорогам, им знакомым еще с конфедератской войны.

Заняв Брест, Суворов потребовал от генералов Ферзена и Дерфельдена, чтобы они присоединились к нему, намереваясь идти на Варшаву. Ферзен только что разбил самого Костюшко у Мацеевич. В этом бою раненый Костюшко попал в плен. Ферзен и Дерфельден присоединились к отряду Суворова. Поляки пытались остановить движение Суворова у Кобылки и были разбиты.

Чтобы овладеть Варшавой, надлежало сначала взять ее предместье — Прагу, превращенную в сильную крепость. На защите Праги поляки сосредоточили все свои надежды. Суворов решил взять Прагу штурмом. Суворовские войска двинулись к Праге с развернутыми знаменами, барабанным боем, музыкой и песнями.

Ранним утром 24 октября начался штурм. Он был ожесточенным. Поляки оборонялись с мужеством отчаяния. К полудню Прага пала. Суворов приказал зажечь мост через Вислу, чтобы спасти Варшаву от ярости своих войск.

К Суворову в его палатку явилась депутация от Варшавы. Суворов, встречая депутатов, обнажил шпагу и, бросив ее на землю, воскликнул «Покой!», что на польском языке значит «Мир!»

Уверенный в том, что с восстанием покончено, Суворов об'явил полную амнистию польским войскам, если они сложат оружие, сдадут амуницию и пушки. Собственность — при них. Командиры остаются при оружии. Из пленных поляков Суворов велел отпустить 500 офицеров и унтерофицеров.

Екатерине Суворов послал коротенькое сообщение:

«Ура! Варшава наша!»

Екатерина ответила:

«Ура, фельдмаршал Суворов!»

В январе 1795 года Суворов получил фельдмаршальский жезл.

Наконец, Екатерина удостоила Суворова той награды, которую он заслуживал давно. Ни королевское имение, подаренное ему Екатериной, ни орден Красного и Черного орла, присланный ему прусским королем, ни украшенный бриллиантами портрет австрийского императора не обрадовали Суворова в той мере, как получение фельдмаршальского жезла. Готовясь служить по этому случаю торжественный молебен, Суворов приказал поставить в церкви в ряд несколько стульев, явился в церковь в простой солдатской куртке и начал перепрыгивать один стул за другим:

— Салтыкова перепрыгнул! Долгорукова перепрыгнул! Каменского перепрыгнул! Репнина перепрыгнул! Где вы, красавцы? Позади! А Суворов впереди! — приговаривал он, называя имена генерал-аншефов.

Свидетели этой церемонии — попы и Прохор Иванович Дубасов — смотрели молча.

— Что теперь, Прошка, скажешь?

Дубасов ответил с угрюмою насмешкой:

— Распрыгался! Надумал в храме божьем бесовское скаканье. Фельдмаршала мы давно заслужили, а получили за что, подумай?!

Суворов, вспыхнул, велел убрать стулья и ушел переодеваться. Прохор обрядил его в генеральский мундир, увешал всеми орденами, бриллиантами царских и королевских подарков. Напомадив голову Суворова, Дубасов тщательно заплел в тугую косичку его седые волосы. Надо лбом взъерошил упрямую холку. Опрыскав фельдмаршала с головы до ног лавандовой водой, которую набирал в рот из бутыли, умиленный Дубасов оглядел Суворова и сказал:

— Ну, иди! Все генералы уж собрались в церкву, ждут. Покрасуйся!

Суворов важно проследовал в церковь. Генералитет встретил его учтивыми поклонами. Став впереди всех, Суворов за молебном усердно молился и часто клал земные поклоны, делал это он по-своему: расставив ноги в стороны, он нагибался до полу, стукал громко о пол лбом и так замирал на минуту; стоя на трех точках, Суворов зорко смотрел назад между расставленных ног: все ли чинно стоят, не смеется ли кто над ним. Генералы и офицеры стояли с благоговейно опущенными головами.

Польское восстание окончилось. Большая часть польских войск положила оружие и воспользовалась амнистией. Не-

сколько тысяч бежало в Пруссию, где тут же их обратили в прусских солдат. Отряд Домбровского с оружием пробился во Францию и перешел на службу республике. Когда польские дела устроились, Екатерина пригласила Суворова в Петербург.

Екатерина встретила фельдмаршала очень ласково. В ее покоях оказались завешены все зеркала в угоду Суворову, который с детства не любил смотреться в них. Царица вручила Суворову золотую табакерку с изображением Александра Македонского. С первых же слов Екатерина предложила Суворову начальствовать войсками в персидском походе, задуманном ею с Платоном Зубовым. Суворов ответил загадочно:

— У нас, матушка, на улице мороз, а в Персии, поди, и нынче жарко!

Для житья Суворову определили потемкинский Таврический дворец. Здесь когда-то Потемкин справлял свой последний праздник как победитель Измаила, отослав Суворова смотреть крепости в Финляндию. Суворов отпустил свиту, прошел пустые залы.

Фельдмаршала провели в приготовленную для него спальную. В углу высился ворох сена, покрытый простыней. На полу стояли серебряные тазы и огромная яшмовая чаша — произведение уральских гранильщиков — с прозрачной желтоватой невскою водой. В углу пылал камин.

Суворов разделся и уселся в яшмовую чашу с ногами, расплескивая воду на паркет. Дубасов начал лить ему на плечи из ковша ледяную воду.

Два камер-лакея внесли на подносе полное ведро с пенистым солдатским квасом, а на другом — два высоких стакана, и дворецкий налил в них из ведра через край квасу.

— Я квасу пить не буду! — сказал Дубасов дворецкому.

Суворов выпил квасу и прыгнул на сено. Дубасов накрыл его простыней и синим плащом.

— Ну, фельдмаршал! Спи спокойно. А ты со мной ступай,— обратился Дубасов к дворецкому.— Наверно, для нас с тобой и кроме квасу что найдется!

***

На следующее утро в Таврический дворец начали съезжаться разные персоны для представления фельдмаршалу. Между прочим, приехал Гавриил Романович Державин.

— Они хотят из меня опять сделать мартышку, чтобы я таскал каштаны из огня?! — говорил Державину Суворов.— Для кого? Довольно я таскал их для Потемкина! А мальчишки Зубовы? Расцветили царице азиатские лавры, персидский поход задумали. Не туда глядят!

— Государыня больна. Ее великий разум угасает,— ответил Державин,— Вы обратили, граф, на то внимание — она приняла вас в плисовых сапогах. У ней пухнут ноги. Приближается конец.

— А цесаревич? Что он? — быстро спросил Суворов.

— Да все так же, Александр Васильевич: в своем унылом замке. Своя маленькая гвардия. Свой двор. То мрачен, то весел. Сейчас ласков, сейчас сердит. То играет, мальчику подобно, в растопчинскую игрушку, то муштрует свое войско и недоволен тем, что нет в нем той стройности...

— Что еще за игрушка? Не слыхал!

— Презабавная история, граф! В бытность свою в Берлине Федор Васильевич Растопчин обыграл в картишки одного прусского майора. Тому нечем платить. Позвал майор Растопчина к себе надом и показывает чудесную коллекцию оружия и среди нее стол с игрушечным войском. Покрутишь ручку, солдаты маршируют, вздваивают ряды, заходят плечом,— словом, делают все не хуже чем живые у короля на потсдамском разводе. «Платить вам, сударь, мне нечем,— сказал майор,— возьмите мою коллекцию, я ее собирал всю жизнь». Растопчин согласился, все забрал, вернулся в Россию домой, расставил, созвал друзей. Все дивятся. Почитай, вся гвардия у Растопчина побывала. Дошло до его высочества. Он попросил показать и ему чудесную игрушку. Конечно, Растопчин согласился с радостью. Цесаревич приехал. Смотрит — глаза горят. «Не продашь ли мне?» «Ваше высочество, позвольте мне ее вам поднести в подарок! Я это давно хотел сделать, но не смел!» Его высочество обнял Растопчина со слезами радости. И теперь, на горе себе, Федор Васильевич слывет в Гатчине за первого знатока прусского военного искусства. Ему, говорят, поручено составлять прожект нового военного устава. Что-то будет? Ведь государыня плоха...

— Мне должно видеть Павла Петровича! — сказал Суворов.

— Едва ли это будет приятно ее вели-

честву,— заметил Державин,— и Зубовым...

— Вздор, сударь! Я лучше знаю государыню чем вы... А Зубовы!..— Суворов презрительно махнул рукой.

Державин умолк.

Павел Петрович предупредил намерение Суворова: в Таврический дворец явился верхом гатчинский офицер с письмом от цесаревича: в письме, простом и дружески кратком, Павел приглашал Суворова в Гатчину.

Суворов, прочитав письмо, приказал седлать коня. Гатчинец удивился поспешности сборов: выехав немедленно, они поспеют в Гатчину только к ночи. Фельдмаршал обрядился в «потемкинский» мундир из солдатского сукна, надев на шею только один анненский орден, любимый Павлом. Накинув поверх мундира свой синий плащ, Суворов вскочил на коня. Гатчинскому посланцу заседлали вместо его усталого коня другого.

В сумерки они достигли Гатчины. Все время Суворов молчал, гатчинский офицер не смел начать с ним беседу, хотя держался «голова в голову», не отставая.

— Вот и Гатчина! — офицер остановил коня у опущенного шлагбаума заставы.

Он сказал пароль. Солдат поднял шлагбаум.

Среди темного елового бора, на поляне, взору Суворова предстал в снегах мрачный замок. На фоне пламенного январского заката дворец Павла, серый днем, теперь казался совершенно черным. Окруженный рвом и валом с пушками, с часовыми на мосту, замок являлся прямым контрастом веселому и светлому, беспечно раскинутому Таврическому дворцу.

У рогатки на мосту офицер опять сказал пароль. Рогатка сдвинулась. Под копытами коня застучал настил моста. Отворились ворота. Суворов с офицером в'ехал во внутренний двор замка, замощенный квадратами путиловской плиты, очищенными от снега догола. Рейткнехт принял коней. Спутник ввел Суворова через небольшую одностворчатую окованную железом дверь в сумрачные сени. Явился кто-то в цивильном[1] платье, молча поклонился и исчез. Через минуту тот же человек появился снова и пригласил Суворова в приемную. Здесь Суворов оставался несколько минут один. Комната, освещенная канделябром о пяти свечах, своим простым убранством, узкими, подслеповатыми окнами, белой штукатуркой стен и низким сводом напоминала кордегардию.

Послышался громкий раздраженный голос и оборвался. На пороге двери во внутренние покои замка появился Павел. Он мгновение стоял в дверях, как в раме, и неподвижностью натянутой позы показался Суворову похожим на портрет, а не на живого человека.

Суворов отвесил цесаревичу земной поклон. Павел быстро подошел к нему и, поднимая, сказал раздраженно:

— Оставь это! Мы и так хорошо понимаем один другого...

Суворов выпрямился. Павел положил ему руку на плечо:

— Я рад, что ты тотчас приехал. Ничего, что ночь. Садись.

Он указал Суворову на кресла, обитые темною кожей, сам сел по другую сторону стола и беспокойно оглянулся на дверь, через которую вошел: дверь была уже плотно затворена невидимой рукой...

— Боже! Что творится! — воскликнул Павел, прижав пальцы к вискам...— Этого нельзя вынести!

Он опять взглянул на дверь, на окна, вскочил с места и начал ходить перед Суворовым из конца в конец приемной, бросая отрывистые фразы то по-немецки, то по-русски, то по-французски.

— Вы с Потемкиным, сударь, распустили войска. Гвардия? Читал, что пишут берлинские газеты? «Знамена гвардии скроены из юбок императрицы». Война с Персией? Азиатские лавры! Легкие победы над дикими ордами! Пугачев? Вздор! Всю Россию надо покрыть сотнями, тысячами рыцарских замков, как в Пруссии. Эту сволочь надо держать в железных перчатках!

Очевидно, великий князь продолжал разговор свой с кем-то другим, прерванный приездом Суворова.

Павел остановился перед Суворовым и потряс по-детски сжатым кулаком...

Суворов тихо рассмеялся. Павел нахмурился, вспыхнул, погас. Кулак его разжался, он махнул рукой и в молчании начал ходить из конца в конец приемной, топая по каменному полу сапогами и звеня шпорами: не ожидая так скоро гостя, он собрался на вечернюю верховую прогулку и был сообразно с этим одет.

— Какой ты немец! — заговорил Суворов добродушно, как старик говорит с пылким мальчиком.— Немца в тебе самая

[1] Невоенном.

малость. Рядиться нам с тобой не к чему... Ты вот думаешь: нарядишь русского солдата в прусский мундир, так он тоже немец будет. Нашел образчик! Пруссию, государь мой, я лучше тебя знаю. В Берлине был. В Потсдаме гвардию видел. Нет вшивее пруссаков! Плащ их так и зовется «лаузер», сиречь «вшивень». Головы их от прически с клеем прокисли: хоть в обморок падай. Ты своих гатчинцев в казармах держишь. На ночь запираешь? Будешь царем — всех солдат в казармы запрешь? Тюрьма!.. Так ведь у прусского короля солдаты нанятые. Вербовщики сулят прусскому рекруту офицерский чин, а привезут — пожалуй в строй. Как их не запирать? А наш солдат вольный. Я в Семеновских светлицах вырос! В походе, в строю, в сражении — солдат. А дома, в светлице,— житель. Наш солдат с обывателями провиантом делится! Ты нашел опыт военного искусства в руинах древнего замка на пергаменте, об'еденном мышами, и переводишь на немецко-российский язык...

Павел остановился и застыл перед Суворовым в гневном изумлении:

— Фельдмаршал! — воскликнул он.

— Да, ваше высочество, фельдмаршал! Выслужил наконец. Не стой, ходи, ходи! Тебе же легче!

Лицо Павла озарилось быстрой, как молния, улыбкой, и он снова начал мерять приемную преувеличенно широкими шагами.

— Строгость! Великое слово! — продолжал Суворов.— При строгости и милость! Милосердие покрывает строгость. А строгость по прихоти — тиранство. И я строг, да как?! В чем истинное искусство благонравия: милая солдатская строгость, а за сим общее братство! В титле строгости прицепка для тирана. Валленштейн [1] строг был, не давал себе времени размыслить, скор и краток: «Вели бестию повесить!» А солдат — не бестия, а человек...

Павел молча продолжал шагать, звеня шпорами. Казалось, что странная беседа его с фельдмаршалом, не имев начала, и оборвется без конца. Суворов встал, чтобы откланяться. Павел его удержал, сделав знак рукой. Суворов начал ходить рядом с Павлом, но скоро их шаги разошлись, и вскоре они уже ходили навстречу один другому из разных концов зала. Глядя в глаза друг другу, посредине комнаты они встречались. Павел бросал несколько отрывистых слов:

— Туртукай! Кинбурн! Рымник! Измаил! Все счастье!

Затем они шли каждый в свою сторону, повертывались и возвращались. Суворов в лицо цесаревича отвечал:

— Раз счастье. Два счастье. Помилуй бог! Надо же когда-нибудь немного и уменья!

Они разошлись. При следующей встрече Павел сказал:

— Варварское искусство против дикой орды!

— Мы и Фридриха с нашей простотой бивали, да еще как! — ответил Суворов.

Несколько раз они встретились молча.

— Ты можешь у меня заночевать. А завтра я тебе покажу своих солдат,— сказал Павел.

— Благодарю, ваше высочество. Хотел бы очень посмотреть вашу игрушку, да не могу: меня спохватятся... Прикажите подать мне коня. Думаю, он выстоялся.

— Я провожу тебя... Я все равно собирался проехаться верхом.

Павел вышел и вернулся в плаще, подбитом мехом. В сенях он поспешно сорвал с вешалки плащ Суворова и накинул ему на плечи.

Им подали коней. Они выехали из замка. Эскорт конных егерей сопровождал их издали.

Вызвездило. Стояла тишь. Мороз крепчал. Павел ехал шагом, поникнув головой, не думая о том, что с ним рядом едет старик шестидесяти пяти лет в легоньком суконном плаще и ему предстоит еще скакать тридцать верст до Петербурга...

— Помилуй бог, как хорошо! — воскликнул Суворов, любуясь небом. — Велика слава звездная!

И Павел поднял голову. Фосфорной спичкой чиркнула по песку Млечного пути падучая звезда...

— Чья-то звезда скатилась! — задумчиво проговорил Павел.— А чья-нибудь восходит! Ты слышал, граф?! Да нет, не мог слышать: ведь курьер из Парижа с депешами только что прибыл. В Париже загорелось было восстание сторонников короля... Какой-то молодой генерал, звать его Бонапарт, выставил против роялистов артиллерию и смел их в один час картечью.

— Отменно! — похвалил Суворов.

— Как, фельдмаршал?! Вы говорите

[1] Знаменитый полководец.

Скрипнула дверь, и на крыльцо вышел солдат с фонарем в руке, босой, в плаще, накинутом на плечи.

«отменно»! Ведь это республиканский генерал!

— Да, это генерал! Он знает, чего хочет, и умеет хотеть. А королевские слуги? Те и не знают и не умеют. С такими генералами республика выстоит!

Павел оглянулся назад и поднял коня рысью, но тут же опустил поводья. И всадники снова поехали голова в голову шагом...

— Да вы не якобинец ли, фельдмаршал? — насмешливо спросил Павел.

— Суворов — слуга отечества и государыни, ваше высочество. Римом правили цари. Рим был империей... Рим был республикой! Царства рождаются, цветут и гибнут... Все движется. Вечно вращается колесо бытия!..

Суворов поднял руку, указывая ввысь. Павел, приняв это за прощальный жест, приложил руку к полям шляпы. Суворов поднял коня в галоп. Павел остановил своего, посмотрел вслед Суворову и повернул обратно...

Наскаку Суворову сделалось еще холодней. Ветер, раздувая плащ, забирался под куртку. Руки без перчаток коченели. Стыли ноги. Заныли старые раны. Суворов, дико вскрикивая, поощрял коня...

Не успев отдохнуть в Гатчине, конь выбивался из сил, храпел и кашлял. Добраться до тепла прежнею дорогой казалось трудно. Вернуться? Невозможно!

Конь перешел с галопа на рысь, потом пошел шагом, тяжело водя боками. Суворов, припоминая дороги, выехал на Московский просек. Уже рассветало, когда он добрался до перекрестка у «Четырех рук», где в бору стояла караульня.

В замерзшем окошке караульни мерцал огонек. Часовой под грибком с колоколом стоял, обняв мушкет. В тяжелом тулупе солдат напоминал медведя на часах.

У Суворова едва хватило сил сойти с коня...

— Камрад! Вызови подчаска, будь добрый,— обратился Суворов к часовому.

— А ты кто будешь таков? — сонно спросил часовой.

— Служивый, как и ты, братец. С дороги сбился... Гоняют по ночам! Замер-

заю совсем. Пустите в караульню обогреться...

— Зачем же подчаска? Иди так, у нас не заперто...

— Не по уставу без подчаска. Да и конь-то как же?

— Для твоего коня денника тут не построено. Привяжи к столбу...

— Да гляди, он весь инеем покрылся, дрожит... Надо бы укрыть, выводить...

Скрипнула дверь, и на крыльцо вышел солдат с фонарем в руке, босой, в плаще, накинутом на плечи:

— Что за разговор?

— Да вот старичок служивый замерз, просит погреться.

— Поди сюда! — крикнул солдат и осветил фонарем лицо Суворова.

— Ахти мне! — по-бабьи крикнул солдат, едва не выронив из руки фонаря.— Да это кто же? Ты ли это, батюшка-свет Александр Васильевич? Государь мой... Погляди ты на меня орлиным своим глазом! Признаешь ли?

Солдат поднес к своему лицу фонарь дрожащей рукой.

— Никифор? Кукушкин? — с радостным изумлением воскликнул Суворов.— Да это ты ли? С того, что ли, света?..

— И на том свете был, ваше сиятельство! Входи, входи, государь мой! А ты,— грозно крикнул Кукушкин в сторону часового,— фельдмаршалу честь не отдал? Суворова на морозе держишь? Что надо было? «Караул, с абвахты вон!»

Часовой мгновенно вылупился из тулупа и взял мушкетом на караул...

— Опоздал, брат! — с горестью проговорил Кукушкин.— Накрой коня тулупом, води!

Часовой накинул на спину коня свой тулуп, вскинул мушкет на плечо и взял из руки Суворова повода.

— Не по уставу, Кукушкин! — сказал Суворов.

— Для тебя, ваше сиятельство, у нас свой устав. Иди в тепло!

Кукушкин пропустил Суворова в дверь, светя фонарем.

В обширной низкой караульне, куда вошел Суворов, натоплено было до духоты. На топчанах храпели, раздевшись, караульные солдаты... Суворов опустился на скамью и принялся растирать костенеющие руки... Кукушкин стянул с Суворова сапоги и с укоризной сказал:

— Портяночки-то надо бы суконные носить, ваше сиятельство, не лето! Такой мороз, а ты в холщевых... Стой-ка! У тебя и руки с пару зашлись. Сем-ка я принесу снежку.

Кукушкин схватил ведро и, как был босой и раздетый, выбежал вон и вернулся со снегом в ведре.

— Три руки снегом! Во-во! А ноги не застыли? Ну-ка, шевели пальцами! Шевелятся? Так. Сем-ка я их водкой разотру...

Кукушкин достал фляжку с водкой.

— А может, лучше внутрь примешь? Ну-ка? Пользительная вещь!..

Кукушкин налил водки в крышку фляги, поднес Суворову и подал сухарик — закусить. Растирая ноги Суворова, Кукушкин приговаривал:

— Портяночки я тебе, так и быть, свои дам: в печурке сохнут... Ахти мне! Осрамил мой часовой Кукушкина! Вот вы изволите говорить, ваше сиятельство, устав. Какой тут устав?! Караул спит, раздевшись, и я. Был герой — стал «кисла шерсть». Какой устав? Что за караул? Елки сторожим...

— Да ведь тебя, Никифор, под Измаилом зарыли?..

— Кукушкина зарыть? Ну, государь мой, не таков был твой капрал Кукушкин, чтобы зря его закопали! Верно: кольнула меня туркиня одна кинжалом, я Гуську для форсу тогда сохвастал, что и кишки вон... Лежу в богадельне, гляжу: того выносят, другого и помереть, как надо, не дают. Думаю: «Плохо дело, Никифор, так и до тебя, старичок, карачун доберется». Выполз ночью на волю. Попробовал — ноги идут. Пошел... Да и свалился. Подобрали меня какие-то неведомые люди. Ничего по-нашему не знают. Какой-то молодой за мной ходил и все молчал... Ни одного слова от него я не слыхал. Немой, что ли! Поили, кормили неизвестно за что. Добычу-то я всю Гуську отдал в артель и ни пиастра у меня, ни лея[1] не осталось.

— Гуська нету. Я его в Соколы произвел,— тихо сказал Суворов.

— В Соколы? Того Гусек стоил.

— Под Прагой лег...

— Вечная память!

— Как же ты до России добрался, Никифор?

— Да очень просто: христовым именем, с палочкой да сумой. Пришел в деревню. Моя измаильская доля в свое время дошла. Гусек-то, Сокол, верно сделал, что я ему завещал. Живут мои в деревне

[1] Пиастр — австрийская, лей — турецкая монета.

справно, мне и не рады. Старуху мою давно на погост снесли. Невестка большаку говорит: «Чего мы его кормить будем? У нас и так двенадцать ртов». Дали знать куда следует: пришел-де на деревню беглый солдат. Взяли. В Питер пригнали. Бить не стали. У меня медали, кресты! Сдали в инвалидную команду. И стал твой, ваше сиятельство, капрал Кукушкин гарниза, «кисла шерсть»...

Суворов слушал историю капрала в задумчивости.

— Ты бы прилег,— предложил Кукушкин.

— Да уж день на дворе, Никифор... У меня тоже служба...

— Служить нам с тобой, государь, по гроб жизни... Возьмешь от меня теплые портянки? Не забыл меня?

— Возьму.

— А в поход возьмешь, буде что?

— Да сколько тебе лет, Никифор?

— Года мои забвенные, государь, близко ста лет, пожалуй. Я, надо так, бессмертный! — говорил Кукушкин, обертывая ногу Суворова горячей, вынутой из печурки суконной портянкой.

Суворов натянул сапоги.

— Не тесно? Не жмет? — спросил Кукушкин.

— Хорошо. Спасибо, Кукушкин...

Суворов обнял Кукушкина и поцеловался с ним троекратно со щеки на щеку.

— Спит гарниза и не знает, кто у нас в гостях был. Скажу, не поверят! — говорил Никифор, провожая с фонарем Суворова на волю.

На дворе уже светило утро. Кукушкин задул огонь. Часовой подвел коня и снял с него тулуп. Суворов вскочил в седло и поскакал.

— Он это? — спросил часовой у капрала.

— Он! — ответил Кукушкин.

Туман уже свивался, открывая дали, когда Суворов достиг Потемкинского дворца.

Часовой, завидев фельдмаршала, ударил в колокол и крикнул:

— Караул, с абвахты вон!

Из караульни высыпали и выстроились семеновские солдаты. Выскочили барабанщик и мальчишки-флейтщики. Офицер скомандовал. Флейты засвистали. Грохнул барабан. Солдаты звякнули ружьями.

***

Триумф Суворова занял немного дней: фельдмаршал скоро прискучил Екатерине своими выходками, а главное, неумолчной критикой военных порядков. Екатерина второй раз прибегнула к тому же средству, чтобы отдохнуть от Суворова: послала его в Финляндию под предлогом осмотра крепостей.

Когда Суворов оттуда возвратился, заговорили о том, что Россия присоединится к военному союзу европейских государств против Франции. Суворова послали устраивать войска на юге, в чем он увидел знак, что не кого другого, а его назначат главнокомандующим армии, когда настанет время. Петербург фельдмаршал покинул охотно, а на месте с увлечением и страстью принялся за обучение войск «науке побеждать», избрав своей штабквартирой Тульчин на Днестре.

Глубокой осенью 1796 года, когда уже застыли и южные реки, курьер привез из Петербурга печальную для Суворова весть: умерла Екатерина. Царем русским сделался Павел. Вместе с тем курьер привез фельдмаршалу много писем, среди них несколько из-за границы, и пачку иностранных газет. Письма и газеты взволновали Суворова не меньше чем известие о смерти Екатерины и воцарении Павла. Австрийский генерал Карачай, друг и товарищ Суворова по турецкой войне, писал из Вены о вторжении французов под командой генерала Бонапарта в Ломбардию.

9 апреля 1796 года Бонапарт двинул свои войска через Альпы, одержал «шесть побед в шесть дней» над пьемонтскими и австрийскими войсками. Сардинский король сдался на милость победителя. Бонапарт отбросил австрийцев к реке По и продолжал их стремительно преследовать. Разбив австрийцев при Лоди, Бонапарт 15 мая вступил в Милан и написал в Париж: «Ломбардия отныне принадлежит республике».

На этом новости Карачая обрывались. Он прибавил льстиво, что не он один, а многие видят в Бонапарте достойного противника Суворову и надеются, что скоро, соединясь, русские и австрийские войска дадут урок молодому выскочке.

Делясь со своим штабом этими новостями, Суворов заметил с горечью:

— Для Фридриха я был молод чином, а для этого мальчика буду стар летами!

Из Петербурга прибывали новости и распоряжения, повергая в печальное уныние полевые войска. Павел отменил приготовления к войне с Францией. Гатчин-

ские войска об'единились с гвардией, отданной в распоряжение гатчинского капрала Аракчеева. Полицеймейстер Архаров со своими «архаровцами» вводил в столице гатчинские порядки. Екатерининских вельмож, привыкших нежиться в постели до полудня, заставили вставать пораньше: в 7 часов утра им следовало уже быть во дворце. А чиновники в 5 часов утра уже сидели за столами присутствий. Издали новые правила благочиния и благоустройства: что можно делать, чего нельзя, как вести себя на улицах и дома, кому и во что одеваться. На пышные наряды мужчин и дам об'явлено было гонение. Выработана форма цивильного платья. После десяти часов вечера в столице было приказано гасить все огни. Боясь расправы, люди остерегались в запретное время даже дома закурить трубку от огнива.

На одних людей сыпались от Павла неожиданные милости, другие подвергались опале — и те и другие часто не могли догадаться, за что.

Особенно круто и ретиво принялся Павел за военные реформы. Вводился новый военный устав, списанный Растопчиным с прусского устава 1760 года и исправленный самим Павлом. По новому уставу, сильно стеснялась власть полковых командиров, командиры дивизий — генералы — превращались в инспекторов, наблюдателей за строгим применением устава. Фельдмаршалы приравнивались к простым генералам. Чтобы еще более уронить значение этого высшего чина в войсках, Павел сразу произвел десяток рядовых генералов в фельдмаршалы.

На ежедневных разводах в присутствии царя учили не только солдат, но и генералов маршировать по-новому. Павел не скупился на жестокие наказания. Не угодившие ему генералы прямо с дворцовой площади отправлялись в крепость или в Сибирь, за малейший промах офицеры исключались из службы. Если так строго Павел обходился с начальниками, то каково же было солдатам? Палки на их спины сыпались с удвоенной щедростью. Аракчеев при Павле на плацу вырывал у гренадер усы, поправлял стойку солдат ударами палки. Одному полку, который на разводе сделал ошибку, Павел скомандовал: «Кругом! Равнение на середину. Дирекция[1] прямо! Шагом марш в Сибирь!» — и полк в полном составе прямо от Зимнего дворца пошел в Сибирь.

Все трепетало перед Павлом. Суворов не скрывал своего гнева и возмущался по поводу его реформ. Язвы армии Суворов знал не хуже Павла, но не соглашался с лечением. Он не торопился вводить в своих войсках павловские порядки, которые шли вразрез с его взглядами и с его испытанной системой воспитания боевых воинских сил. Сначала Павел, услыхав про это, писал Суворову ласковые письма, упрашивал его: «Приводи своих в мой порядок, пожалуй».

Суворов упорствовал. Гроза не замедлила разразиться. На Суворова посыпались замечания, выговоры, которые неукоснительно об'являлись в Петербурге «при пароле» столичным войскам. Суворов просил отпуска. Павел отказал. Суворов просил об отставке. Павел его предупредил: прошение Суворова еще не дошло до Петербурга, когда Павел на разводе отдал приказ:

«Фельдмаршал граф Суворов, относясь к его императорскому величеству, что так как войны нет и ему делать нечего, за подобный отзыв отставляется от службы».

Простясь с войсками, Суворов написал родным в столицу письмо:

«Я команду сдал и, как сельский дворянин, еду в Кобринские деревни».

Глава одиннадцатая. Бонапарт

Зимой на караульню у «Четырех рук», под Петербургом, пришел с тощей котомкой за плечами и с железной ложкой за голенищем сапога солдат, еще не старый. Кукушкин допустил солдата с его железной ложкой к артельному котлу.

Про себя солдат говорил путано, чего-то таясь: назвал себя небывалым именем Иван-да-Марья, сказал, что пришел из Тульчина от Суворова.

— Самовидец я, как он с войском прощался.

— Об этом, если видел, после каши скажешь.

Поев каши, старики облизали ложки, стряпка убрала со стола. Солдаты закурили. Один из них взялся подшивать валенок. Кукушкин обратился к Ивану:

— Ну, говори, что видел, чего не видел.

— Явился, господа старики, у французов генерал Бонапарте. Человек молодой, горячий, взбунтовал Бонапарте народ. Ко-

[1] Направление.

ролю и королеве головы срубил: «Станем, говорит Бонапарте, без царей жить». А другие генералы отвечают: «Станем без царей, на нас весь свет подымется! Все цари против нас восстанут...» «Короли да императоры нам нестрашны, лишь бы Россия не пристала к ним. Хоть и старый Суворов, говорит Бонапарте, беда нам, если он свой штык завинтит! Он уж своим солдатам говаривал: «Французишки-де у нас штык переняли, бьются колоннами, и мы их будем бить колоннами». Прочие французы — генералы — не долго думали: «Да что, говорят, не подкупали мы, что ли, катерининых министров? И павловых купим, да и самого царя! Царь-то русский скорбный главою. Он Суворова и прогонит». Так оно и вышло. Начался у Суворова с его величеством сурьез. Не переводит армию Суворов в прусский порядок, да и ну! Павел Петрович велит, Суворов не слушает. Отослал Павлу все русские ордена: заслужил-де я их на войне, а теперь сижу без дела. И написал Павлу тайное письмо. Ждали мы, ждали, какой будет ответ, вдруг — бац! — извольте, фельдмаршал, идти в отставку, коли по-моему служить не хотите. Собрал Суворов армию. Пришел к фронту фельдмаршалом, в мундире, в иностранных лентах, в чужих орденах, звездами, королевскими портретами увешен, в радуге весь! И начал все складывать с себя и класть на барабан. «Все это,— говорит он,— богатыри, я заработал с вами — вам оставлю. Прощайте, увидимся скоро. И меня,— говорит,— опять увешают, как шута, бубенцами, и вы будете с деньгами». А сам заплакал. И мы тоже, которые слезами облились! В последнее скидывает он фельдмаршальский мундир, обряжают его в потемкинскую куртку, родительский плащ на плечи, сел в кибитку и был таков. Поехал в Кобрин. За ним туда господа офицеры, говорят: «Если так, и мы выходим в отставку!»

У нас, в смоленских войсках, тоже господа офицеры оскорбились за Суворова. Приехал из тайной канцелярии чиновник, разобрал, кого куда. Генерала Ермолова — слыхали? В Костромские леса сослали! Не знает конца-краю Павел. Ну да: «Баю-баюшки-баю, не ложися на краю, со краюшка упадешь, головушку расшибешь!»

— Чего это он говорит-то, господин капрал? — подмигнув Кукушкину, спросил старик, отрываясь от работы над валенком.— Ведь за подобные слова его связать да к Архарову свести.

Иван-да Марья не испугался:

— Стоит вам, господа старики, себя беспокоить! Архарову с меня взять нечего, я не житель! Да что молчать?! Это пускай господа с кляпом во рту ходят! У нас, как сойдутся солдаты в сборную избу за приказами,— крику, шуму! Инда стены гудят. И все о нем, все о нем! «Это уж — не дело!» — думает Павел и посылает в жалованное имение к Суворову от тайной канцелярии коллежского ассесора: «Приказываю вам, граф, немедля ехать в свои Боровицкие деревни». Раз такая есть монаршая воля, недолго сбирался Александр Васильевич: подписал жалованных кобринских мужиков тем офицерам, катерининых бриллианты на триста тысяч рублей покинул невзирая. Посадил его коллежский асессор в кибитку и привез в село Кончанское...

Прибеглый солдат помолчал, а потом заговорил снова:

— И что это, господа старики, кого захочет гвардия, того в цари и ставит! Не люб царь-младенец Иван, смахнули все семейство, Елисавету поставили. Не люб Петр Федорович, Катерину поставили. Теперь сговорятся, пожалуй, и Павла Петровича по шапке, да Александра и поставят. Все гвардия, все гвардия!

— Им ближе. В гвардии-то половина солдат из господ. Гвардейские-то солдаты полевым офицерам и честь не отдают!— об'яснил солдат, который подшивал валенок.

— А полевые войска? Кто кровь свою проливает? Полевые войска. Ведь вот нашелся же у французов генерал — тоже не из гвардии, без дела ходил. А учредил-таки рекс-публику? А? Эх, товарищи! Ближе бы нам к Питеру, да сговориться! Что там Бонапарте! У нас...

Кукушкин в гневе встал со скамьи:

— Это ты что же, любезный! Тебя приютили, обогрели, кашей накормили, а ты вон что... Ну-ка давай сюда свою котомку. Погляжу, что у тебя там есть... Вижу я давно: ты по углам глазами шныряешь да вкось глядишь.

— Я у тебя ничего не взял!— ответил прибеглый солдат, тоже вскочив со скамьи.

— Не у меня, в другом месте взял... Вытряхивай все из котомки.

— Изволь. Ты капрал, а я чином тебя постарше...

Солдат вытряхнул мешок на скамью. Кроме запасной смены белья, портянок, пары опорок, бабьего платка да сборных

нищенских сухарей ничего в котомке не оказалось. Кукушкин застыдился и спросил, сердя себя нарочно:

— А паспорта, стало быть, нет?

— Есть!— спокойно ответил прибеглый солдат и достал из-за полы завернутый в тряпку паспорт...

Читая паспорт, Кукушкин усмехался недоверчиво.

— Сержант... Иван Сергеев Пескарев... Какой же ты сержант? Явно, паспорт подтибрил. Тебе пяти десятков нет, а сержант. А я тебе дед, да только капрал!..

— Стало быть, я тебя проворней! И в паспорте писано пятьдесят семи лет. С лица-то я моложавый. Меня, быть может, Суворов к офицерскому чину представлял да отказали: «Подлого-де сословия».

— Бывает. Что же нам, камрады, с господином сержантом делать?

Кукушкин оглядел свою команду. Инвалиды молчали, но по лицам было видно, что они за Пескарева...

— Пусти его с богом, Никифор,— сказал за всех инвалид, что чинил валенок.— Пускай по земле ходит, из сказок быль слагает...

Пескарев собрал в котомку свою рухлядь.

— Куда пойдешь-то, сержант?—спросил Кукушкин.

— К нему!..— ответил Пескарев.— Прощайте, братцы. Счастливо оставаться!

— Счастливого пути,— ответил Кукушкин,— коли вправду к нему пойдешь, скажи ему от Кукушкина поклон. Что в горести Кукушкин, скажи! Кукушкину осталось «угольки подгребать», а то бы и он...

Кукушкин отвернулся к стене и прикрыл глаза рукой...

Пескарев хотел идти. Кукушкин остановил его:

— Погоди!

Старый капрал порылся у себя в сундучке, достал оттуда три креста и медали, завязал в платок и подал Пескареву:

— Снеси ему, отдай. Скажи: коли он орденов лишился — и Кукушкин все знаки с себя слагает...

Голос Кукушкина пресекся. Он справился с собой, со смаком выругался и прибавил:

— А буде ты жулик, в кабаке пропей! Мне все едино!..

— Спасибо, Кукушкин! Спасибо, братцы!— кланялся во все стороны прибеглый солдат.

Инвалид достал запечатанную косушку вина и протянул ее Пескареву:

— Поклонись от солдата Чуйкина Прохору Ивановичу Дубасову, он меня знает: немало попили с ним винца!

Со всех сторон к раскрытой пасти солдатской котомки тянулись руки стариков. Один совал туда картуз с курительным табаком, другой — фунтик рафинада, третий — пару новых портянок, четвертый — необкуренную еще пенковую трубку, пятый... да всего не перечтешь, что надавали солдату старики...

— Стойте, братцы,— наконец, взмолился он,— не унести будет!

Он устукал котомку о скамью, как мельник утрясает куль с мукой. Котомка утряслась. Солдат завязал ее, похлопал и закинул за плечи.

Инвалиды гурьбой вышли на крыльцо провожать гостя. Солдат пошел, не оглядываясь. На перекрестке Четырех рук остановился, посмотрел на все четыре стороны, поднял голову к небу и зашагал на полдень, прочь от Петербурга.

— К солнцу пошел!— сказал Кукушкин.— Видно, не все врал...

На пятые сутки, расспрашивая у крестьян дорогу, сержант Иван Сергеевич добрался до бедного карельского села Кончанского и спросил Дубасова. Ему показали идти в крайнюю избу, где живет Суворов. Встретил Пескарева Дубасов, трезвый и потому злой.

— Ступай, братец! Здесь не подают...— сказал он, как будто не узнавая камрада.

— Да я, Прохор Иванович, не побираюсь. Принес я вам поклон от Чуйкина солдата. Кланяется он вам косушкою вина,— отвечал Пескарев, не обращая внимания на недобрую встречу.

Достав косушку, тщательно запечатанную сургучом, сержант подал ее Дубасову. Прошка, приняв подарок, смягчился:

— Не за этим одним ты к нам пожаловал?

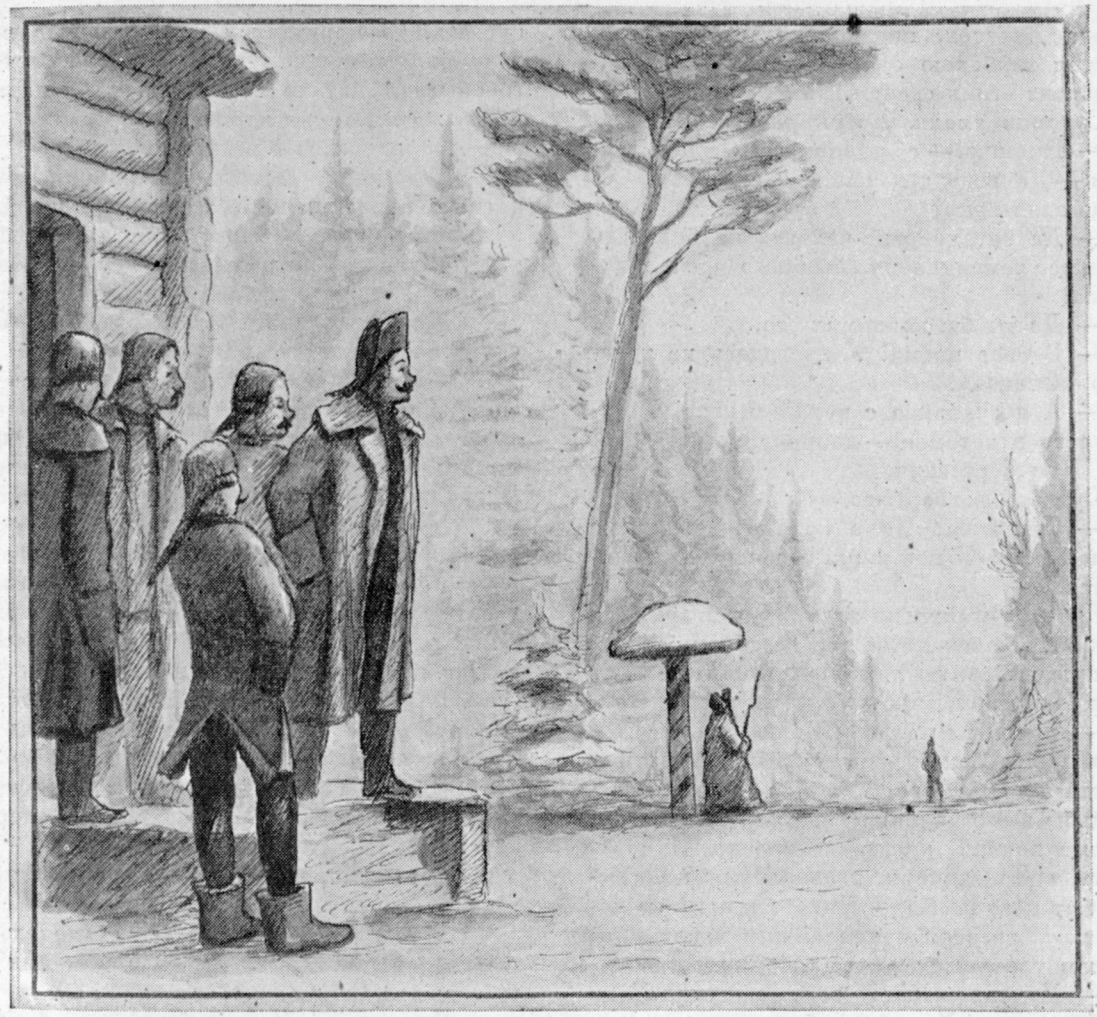
— Пришел повидать е г о, да дельце к н е м у есть небольшое. Доложите, Прохор Иванович, будьте столь любезны...

— Да ступай без доклада в горницу, чины на нас теперь невеликие,— ответил Дубасов, выковыривая пробку из косушки шилом,— развесели е г о, чем можешь; без дел, только лишь по картам карандашом чертит...

— Бонапарте?

— Бонапарте...

Пескарев отряхнулся, поправил штаны,



Солдат зашагал на полдень, прочь от Петербурга.

достал из котомки узелок с орденами Кукушкина, открыл дверь и, войдя в соседнюю комнату, стрелкой стал у порога.

Суворов поднял голову от карты, разостланной перед ним на столе.

— А! Пескарев? Иван Сергеевич. Здравствуй...

Пескарев ответил, как полагается.

— Что, друг, дело имеешь ко мне или так?

— Камрад Кукушкин велел вашему сиятельству низко кланяться и прислал вам знаки, кровью своей политые...

Пескарев шагнул к столу и высыпал перед Суворовым из узелка кресты и медали.

Суворов поворошил медали пальцем, взял один крестик и, поднимая его в сложенных вместе ладонях над столом, сказал:

— Крест солдатский! Ой и тяжел ты, крест солдатский...

Он бережно положил знак на карту и прибавил:

— Куда идешь, Иван Сергеевич, что по дороге слыхал?

— Шел к тебе, отец родной... А по дороге слыхал: все твое имя твердят.

— Ну что же, раз пришел, погости. Невелики мои хоромы, видишь, да солдату место найдется. Ступай, скажи Прошке, коли голоден, он тебя накормит...

— Премного благодарен, ваше сиятельство! — ответил Иван Сергеевич и, тихо ступая, вышел из горницы.

Суворов запел громко басом:

— «Тайно! Тайно! Тайно образующе!»

— Скудно живете, — сказал Пескарев, садясь против Дубасова за стол.

— Живем, не тужим. Слышишь: то пели Марсом[1], а ныне поем басом...— и

[1] Марс — бог войны у римлян.

вдруг Дубасов, передразнивая Суворова, пустил глубокою октавой, от которой затрепетал огонь свеч: «Тайно, тайно!»

Суворов умолк. Дверь раскрылась.

— Прошка!— с укором сказал Суворов.— Да ведь ты сейчас был трезв? Откуда взял вино?

— Да вот добрый человек на бедность поднес камердинеру бывшего фельдмаршала!

— Да ты бы накормил его.

— В свое время! У нас здесь не трактир «Очаков»!

— А я сухарика с водой пожую. У меня есть в котомке,— добродушно отозвался Иван Сергеевич.

Суворов затворился.

— Сухарика? Не в походе — сухари с водой есть. У нас и щи для камрада найдутся.

Дубасов вынул из печи горшок горячих щей. Пескарев достал из-за голенища луженую железную ложку. Пока он ел, Прохор Иванович, впав в грусть, рассказывал:

— Вот и ты пришел. Волю дать, все бы под него собрались цыплятами под клушу, когда ястреб летает... Что за мучительство судьбы в его невинности! Суди сам: писем, кроме дочери, писать не велено. И получать, кроме дочери, нельзя. Чтобы рассылок от него не было. Никого к нему не допускать, за всем наималейшим наблюдать: в чем упражняется, что говорит...

— Мучение какое!—вслух подумал Иван Сергеевич. — Уж лучше бы отпустили е г о в чужие края. У нас в армии слышно стало, будто о н в австрийскую службу просился?

— Просился еще, когда в Тульчине был. А теперь, говорит, одно осталось — в монастырь идти. Родные в беспокойстве: вдруг да он и все имение в монастырь откажет.

— А сын, Аркадий, поди взрослый уж? Видал ты его, Прохор Иванович? Похож на родителя?

— Был он у нас в гостях с сестрицей, когда привозила она фельдмаршалу своего младенца показывать. Аркадий ничего — веселый парень. Больше в мамашу. Рослый. С лица приятный. Только ничему не учен. При мамаше рос. Униженная личность!

— А бриллианты кому же? Тоже в монастырь на иконы навесят? На архиерейские шапки пойдут?

— Бриллианты Красовский из Кобрина привез, а как не велено никого к н е м у пускать, то приставник наш Николев велел бриллианты нам отдать, а Красовского обыскал, нет ли тайных писем, и назад приказал в Кобрин воротиться.

— Обрадовался о н бриллиантам?

— Незаметно. «Поставь, Прохор». Так и стоит короб на полу нераспечатанный... У пристава теперь новая забота: как бы кто бриллианты не украл. А кому они нужны? Все одно за долги пойдут!

— У него-то долги? Да когда же он успел долгов наделать?

— Да ведь как? Конь упал в поле — еще живой лежит, бьется, а уж воронье слетелось. Насчитала на графа казна по провианту — три тысячи рублей. Павел Петрович, не разбираясь, приказал — плати! А с тем вместе и казна графу должна, по провианту же, д в е н а д ц а т ь тысяч. Пока в чести и славе, все молчало! А ныне все, кому не лень, на графе ищут, чего и у самих не было. Супруга Варвара Ивановна долгов наделала под т р и д ц а т ь тысяч— граф плати. У польского пана в городе при войне от гранаты хибарка сгорела— Суворов плати с о р о к тысяч, а у пана все, что было, ш е с т и не стоит! Кобринское имение по клочкам тащат. Останется скоро наш граф гол, как сокол!

Дубасов прислушался, повернувшись ухом в сторону горницы:

— Чего это он затих? Надо поглядеть...

Дубасов приоткрыл дверь и поманил к себе Ивана Сергеевича:

— Вот гляди! Уснул над своим Бонапартом.

Пескарев заглянул в горницу из-под руки Прохора: Суворов спал, уронив голову на сложенные на столе руки... Прохор хлопнул дверью и горестно вскричал:

— Укатали сивку крутые горки! Раньше с ним того не бывало, чтобы над книгой уснуть. Сон книгой прочь гнал. Годы что делают с человеком!.. Ноги пухнуть стали. Видно свое отвоевал. Мне еще достанется, почему не разбудил. А жалко будить. Наверно, во сне Париж штурмом берет. «Вперед! Ступай! Чудо-богатыри! Коли! Руби!» С Бонапартом сражается! Ну пускай хоть во сне. Мало ты вина принес! — неожиданно закончил свою речь Дубасов.

— Думал ли я такое, Прохор Иванович, у вас всегда же вино в запасе было.

— Все выпил. Дай мне море — океан вина!— все теперь выпью! Слушай-ка, Иван, сем-ка мы с тобой сходим в гости к его благородию Юрию Николаевичу Ни-

колеву, он в крайней избе живет. У него вино всегда есть!

— Да как же я-то пойду — он, пожалуй, меня заарестует?

— По инструкции! Так и следует. Я тебя и поведу затем. Вот-де пришел солдат, как быть мне с ним, куда представить?

— Кхм!— задумчиво кашлянул сержант.

— Не бойся, Ваня, это будет вроде театра, понарошки! Идем!

На дворе стояла темень облачной зимней ночи. Избы карельской деревушки, построенной вразброс, чернели среди снегов. Только в одной избе светилось оконце. На огонек и направил шаги Дубасов.

Дверь избы оказалась не то что не запертой, а даже приоткрытой. Из нее пахнуло холодной банной гарью: избы карелы топили «по-черному».

Дубасов, а за ним, плотно прихлопнув дверь, Иван Сергеевич ступили в избу. Над лоханкой доторала лучина. От дверного хлопка огонек лучины дрогнул, она свалилась в лоханку и, зашипев в воде, погасла. Настала черная тьма. Иван Сергеевич при последней вспышке огонька только то и успел заметить, что в углу за столом сидит давно небритый человек в заячьем тулупе. Тусклым, стеклянным взглядом он встретил вошедших, и свет погас.

Через час из избушки вышли трое: Николев с одной стороны, Иван Сергеевич — с другой подхватили Дубасова под руки, вывели из избы, на волю. Дверь позади осталась распахнутой.

Путь до суворовской избы казался недалеким, но встречались на нем разные препятствия. Николев тянул Дубасова с дороги в сугроб и сам падал в снег. Дубасов пытался его поднять, крича: «Упал, благородная душа! Подыму!» — и падал сам, не выпуская руки Ивана Сергеевича, тот, в свою очередь, валился в сугроб. Долго барахтались в снегу, выбирались на твердую дорогу, но тут Николев начинал уверять, что они идут не туда, что он один знает пути правды вообще, а эту дорогу в особенности. Не слушая Ивана Сергеевича, Дубасов поворачивал за Николевым. Так они уже дважды оказывались неожиданно для себя снова перед распахнутой дверью избы, которую только что покинули, и отсюда снова начинали свой трудный путь.

Иван Сергеевич заметил, что в деревне кой-где засветились оконца. Слышались голоса. У суворовской избы Иван Сергеевич увидел тройку.

— А у вас гости, Прохор Иванович!

Прохор взглянул вперед, размахнул руками так, что и Николев и сержант отлетели на сажень в снег, и твердою походкой направился к дому...

— Гости?!— кричал Николев, барахтаясь в снегу.— Гостей не могу допустить и по инструкции и по справедливости! Сержант, поддержите меня! Я буду строг, но справедлив...

В окнах суворовской избы прибавилось свету, мелькали чьи-то тени. С большим трудом сержант довел Николева до избы. У пристава хватило сил добраться до передней, но тут он упал, и сержанту пришлось посадить его на пол, прислонив к стене. Дубасов у печурки деловито дул на огонь под медным чайником, в печурке пламя гудело, словно в кузнечном горне... На лавке сидел бородатый старик, затянутый по кафтану кушаком.

— Не позволяю!— закричал Николев.— Гости вон! По высочайшей инструкции! Матвеич, это ты, мошенник? Ты как староста обязан оказать мне всемерное содействие...

— Ай, барин, нехорошо. Прибыл по высочайшему повелению...

— Кто?— спросил Николев, поднимаясь на ноги и охорашиваясь.

— Его превосходительство князь Андрей Горчаков, флигельадъютант его величества...

— Ага!— завопил Николев, направляясь к двери.— Племянник приехал! Не разрешаю!

Он открыл дверь в горницу и вошел туда.

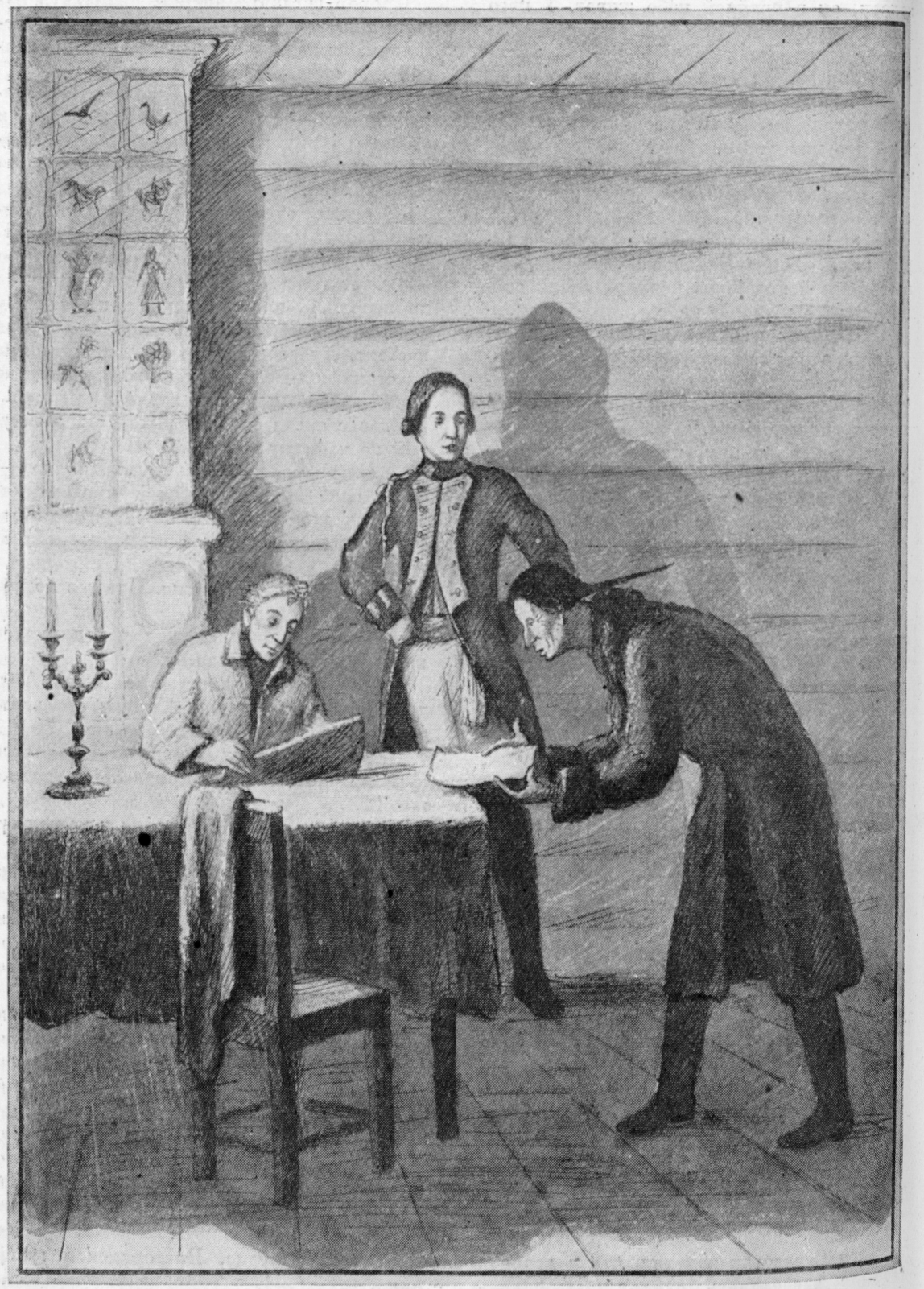
Суворов сидел за столом, на карте перед Суворовым лежала какая-то бумага. Вдоль горницы ходил быстрыми шагами молодой офицер в гвардейском мундире нового образца, в прическе с буклями и с прямой, как палка, косичкой.

Приставник учтиво поклонился и сказал:

— Честь имею поздравить ваше сиятельство со счастливым прибытием. По высочайшему повелению и равносильно инструкции господина генерал-прокурора князя Куракина, я не имею права вас сюда допускать. И, сколь мне ни прискорбно, я почтительнейше прошу ваше сиятельство сию же минуту оставить это помещение и немедленно покинуть село Кончанское, Боровицкого уезда, Новгородской губернии...

Горчаков выслушал Николева и сказал:

— Очень рад, что вы явились тотчас, сударь. Имею об'явить вам словесное при-



Николев подошел к столу, держа бумагу в обеих руках так, словно нес на подносе чашу, до краев налитую водой...

казание князя Куракина: генерал-прокурор находит ваше пребывание здесь более ненужным и предлагает вам немедля отправляться домой, в Москву.

— Не имея письменного приказания...— начал было Николев.

— Чего вы еще хотите!— закричал Горчаков и, взяв со стола бумагу, подал ее Николеву.— Вот читайте!

Николев прочел:

«Князю Андрею Горчакову. Повелеваю ехать вам, князь, к графу Суворову; сказать ему от меня, что если что было от него мне, я сего не помню; что может он ехать сюда, где, надеюсь, не будет повода подавать своим поведением к наималейшему недоразумению.

ПАВЕЛ».

Николев на цыпочках подошел к столу, держа бумагу в обеих руках так, словно нес на подносе чашу, до краев налитую водой, боясь ее расплескать. Суворов сидел, склонясь к карте Италии. Положив рескрипт на стол, Николев сказал:

— Скверными устами не смею коснуться слов, начертанных рукой монарха. Лобызаю мысленно. Волю монаршую исполняю. Граф Александр Васильевич, вы вольны поступать, как угодно вашему сиятельству. Но осмелюсь вашему сиятельству почтительнейше доложить,— обратился Николев к Горчакову,— служа безвозмездно, не имею ни малейшей возможности покинуть сии места...

— Вам пожаловано пять тысяч рублей, кои вы в свое время получите,— сказал Горчаков.

— Пять тысяч! Господи боже мой! Не смею верить! Безмерна милость монаршая! — воскликнул Николев и покачнулся.

— Фомка!— крикнул Суворов.

Вошел староста Фома Матвеич.

— Отведи, Фомка, Николева домой — у него от монаршей милости ноги подкосились...

— Пойдем, ваше благородие, отдохни,— сказал Фомка, взяв Николева под руку.

Фомка вывел Николева. Тот не сопротивлялся.

— Какой негодяй! — воскликнул Горчаков.— И вы, дядюшка, осуждены были его терпеть!..

— Несчастный человек! — тихо сказал Суворов.

Дубасов внес чай и ром. Суворов с племянником снова обратились к предмету своей беседы. Горчаков пил чай, щедро разбавляя его ромом, убеждал дядю все горячей и горячей и, наконец, предложил ехать с ним в Петербург немедленно: государь нетерпелив, скор и в милости и в гневе, переменчив, надо ловить мгновения Фортуны. Суворов слушал племянника равнодушно и, наконец, спросил:

— А что слыхать у вас о Бонапарте? Где он? Что творит?

— Ах! — воскликнул Горчаков.— Как это я мог забыть! — он выбежал из горницы и тотчас вернулся с пачкой газет, перевязанных пестрым шнурком.

— Его величество, зная ваш интерес, дядюшка, просил передать вам... Тут вы, кроме газет венских и берлинских, найдете несколько запретных парижских, полученных из Берлина с курьером... Бонапарт продолжает дивить Европу своим проворством...

Не слушая племянника, Суворов поспешно развязал шнурок и начал просматривать газеты. Читая, он словно вернулся домой после долгой отлучки, когда из поспешных слов близких людей остается догадываться, что многое переменилось, но не знаешь еще всего, что же случилось, а сразу пересказать невозможно.

Газеты разрозненно сообщали, что французы готовятся, сохраняя все в тайне, к какому-то большому походу. Во главе армии, наверное, встанет Бонапарт. Ионические острова захвачены французами. Англичане опасаются за остров Мальту. 7 декабря Бонапарт вернулся из Италии в Париж. Директория встречала его торжественно в Люксембургском дворце. Толпы народа стояли на пути триумфального шествия Бонапарта на улицах Парижа, бурными криками и рукоплесканиями приветствуя завоевателя Италии...

— Завоевателя Италии! — воскликнул Суворов.— Он с Италией покончил?!

— И это для вас новость, граф? — удивился Горчаков.— Бонапарт добирался — что там Италия! — до самой Вены! Австрийцы решили мириться. 17 октября[1] в Кампо-Формии подписан мир между Австрией и Францией. Бонапарт вел себя в Италии не генералом, а монархом. Попросту, он ее дотла ограбил: все из Италии — и золото и ценности — свезено в Париж. Голоштанники Бонапарта и сам он обогатились.

— Войны не миновать, иначе Павел

[1] 1797 год.

Петрович меня не звал бы! — сказал задумчиво Суворов.

— О войне еще нет речи, дядюшка...

— Зачем же он меня зовет?

— Это нетрудно понять. Сделав комплимент, скажу, он вас, дядюшка, немножко боится, нет, не персоны вашей, а самого звука имени вашего трепещет. Оно поднимает все русские сердца! Вас любят в полевых войсках. Гвардия сейчас только о вас и говорит. Держать вас в унижении долее опасно для самого принципа царской власти. Остается одно — сделать великодушное движение, протянуть вам руку примирения. Он это сделал. Вам надо ехать!

— Стало так, я ему ненужен. Почему он написал «графу» — он мог написать «фельдмаршалу».

— Ах, дядюшка... граф... Александр Васильевич! Да вы, ваше сиятельство, знаете его, ведь он педант. Форма — для него все! Поверьте, он вам вернет жезл фельдмаршала при первом разговоре.

— Не поеду! Ты, дружок, сосни, а мне пора на колокольню к заутре звонить...

Горчаков всплеснул руками в отчаянии и крикнул:

— Прохор Иванович!

Вошел Дубасов.

— Вот царь зовет, а он ехать не хочет! Прохор Иваныч, уговорите хоть вы его.

— Саша,— заговорил Дубасов,— по старой дружбе скажу: не упрямься, уважь Павлу Петровичу — все-таки царь. Пускай Андрей назад скачет, скажет, что «Суворов едет». И поедем мы с тобой в Питер на долгих, потихоньку, помаленьку, что нам старые кости трясти на курьерской тройке!

— А ухабы-то, Прошка? Большак-то ведь уж черепком покрылся.

— А зачем нам ехать большой дорогой? Мы проселочками по мягкому снежку до Питера доберемся.

— Дядюшка! Могу я с таким ответом ехать? Вы согласились?

— Поезжай. Скачи! Скажи: «Суворов едет»...

Горчаков простился с дядей и умчался обратно в Петербург.

Прискакав в столицу, Горчаков поехал прямо во дворец. Павел встретил его вопросом:

— А что, граф приедет?! Как он, здоров?

— Приедет, ваше величество. Граф принял приглашение вашего величества с истинной радостью. Но он слаб здоровьем и скакать на почтовой тройке не может: дороги очень плохи. Он, полагаю, уже выехал на своих лошадях.

— Когда же он будет здесь?

— Послезавтра к вечеру! — наугад назначил срок Горчаков.

— А где он остановится?

— Полагаю, ваше величество, у Хвостовых.

— Лишь только он приедет, дайте, сударь, мне знать...

Простясь с Иваном Сергеевичем, который остался «домовничать», Суворов сел с Дубасовым в возок с лубяным верхом, очень похожий на тот, в котором полвека тому назад Александр Суворов ездил с матерью на поклон к боярину Головину на Икшу.

Веселый и довольный, ехал Суворов проселочной дорогой, покрикивая встречным:

— Вороти! Постарше тебя в коробу сидит!

В'езд в столицу Суворов приноровил к ночи. Зная его обычай, в дом Хвостовых, на Крюковом канале, три дня подряд по вечерам собирались все родные. Неизменно дежурил Андрей Горчаков, держа во дворе наготове оседланного коня. У ворот сторожили люди.

— Приехал! Приехал! — донеслось с улицы.

По двору забегали огоньки фонарей... Наташа выбежала навстречу отцу в сени. Камер-юнкер Аркадий Суворов с криком «Приехал, приехал!» метался по залу, поджигая пороховые нитки канделябров, кенкетов и люстр. Огонек бежал по нитке — свечи загорались одна за другой. Зал наливался теплым сиянием. Все заблистало.

Родня Суворова: Хвостовы, Горчаковы, Зубовы, Олешевы — двинулась в переднюю встречать гостя. Андрей Горчаков выбежал на двор другим ходом, вскочил на коня и поскакал во дворец.

Павел ждал Суворова с нетерпением, справляясь у Горчакова каждый день, выехал ли дядя, уж не заболел ли он. Когда Горчаков явился во дворец, Павел уже разделся на ночь, но вышел, накинув шинель.

— Я принял бы его сейчас, да уже ночь. Скажите графу, что я рад его приезду и жду его завтра утром в девять часов.

— Ваше величество! В какой форме прикажете ему быть?

Павел подумал и ответил:

— В общей армейской...

Горчаков поскакал обратно на Крюков канал, озабоченно гадая о том, привез ли дядя мундир и какой.

Вбежав в комнату, где семейные Суворова сидели с ним за чайным столом, Горчаков кинулся обнимать дядю, лепеча:

— Государь рад... В девять часов... В общей армейской форме... Захватили вы, дядюшка, мундир?

— Захватил. Потемкинский.

Горчаков схватился за голову:

— Пропал! Пропал! «Потемкинский»?! И больше никакого? Дядюшка, да вы делаете все нарочно. Государь ненавидит все потемкинское. Он придет в ярость, увидев вас в потемкинском мундире! Что мне делать? Пропал!..

Все заговорили разом, подавая советы. Искали среди знакомых подходящего генерала, чтобы занять мундир, но один генерал оказывался хоть и худ, да высок ростом, а другой низок, да тучен. Хвостов предложил позвать немедленно портного: пусть хоть ночь сидит, да сошьет мундир к утру. Хвостову возразили, что интендантское сукно надо мочить, сушить, утюжить раньше, чем кроить и шить: мундир никак не поспеет к сроку.

Суворов слушал все эти споры безучастно. Недопитая чашка чая стыла перед ним. Разбитое дорогой тело ныло, ломило поясницу, загорелись саднящим огнем места старых ран.

Наташа сидела рядом с отцом, прильнув к его плечу. Суворов гладил ее, как гладят по привычке ласковую кошку, не думая о ней. Напротив Суворова сидел Аркадий, не спуская с отца неподвижного взгляда. Суворов взглядывал на сына, и бледные губы отца змеились слабой улыбкой.

— Андрюша! — обратился Аркадий к Горчакову.— Ты дай батюшке свой мундир, он придется ему как раз...

Предложение Аркадия всем показалось блестящим разрешением трудной проблемы. Андрей Горчаков ростом был выше Суворова, но сухощав и в свои восемнадцать лет выглядел мальчиком. Он поспешно снял мундир. Суворова заставили встать, снять куртку и надеть мундир племянника. Мундир пришелся впору, даже, пожалуй, несколько широк в груди. Суворова осматривали со всех сторон, поворачивали, как куклу. Он едва стоял на ногах от усталости.

* * *

Наутро, задолго до девяти часов, весь дом Хвостовых был на ногах. Суворова обрядили в мундир племянника. Примеряя плоскую, «павловскую» шляпу, Суворов тряхнул головой: шляпа свалилась. Горчаков проворно нагнулся, поднял и нахлобучил на голову дяди. Суворов тряхнул головой, шляпа снова упала.

Горчаков выругался, поднял шляпу и с поклоном подал дяде.

— Не сердись, Андрюша! Я буду сми-и-рный!

— Ой, дядюшка, боюсь... Страшно!

— А ты не бойся, и не будет страшно.

Они вышли из дому. Горчаков открыл дверцу кареты, они уселись, карета тронулась. Суворов начал часто креститься, бормоча:

— Помяни, господи, царя Давида и всю кротость его... Помяни, господи, царя Давида...

Горчаков, искоса поглядывая на дядю, начинал думать, что и он боится предстоящей встречи: выражение лица Суворова быстро менялось: то оторопелое, то униженно-подобострастное, то вдруг гордое и надменное, то просительное, то гневно-повелительное. Изможденное, но без морщин лицо, обтянутое туго кожей, играло каждой жилкой. Суворов походил на лицедея, который перед выходом на подмостки примеряет разные личины.

Из кареты у дворцового под'езда Суворов вышел просто и спокойно. Часовой узнал Суворова и лихо сделал ему накарауул, на что генерал ответил ласковым поклоном, и шляпа у него не свалилась с головы.

Павла не было: он совершал обычную утреннюю прогулку верхом. В приемной его ожидали министры, сановники, генералы, придворная челядь. Появление Суворова заметили: говор на минуту смолк, чтобы тут же возобновиться. Многие Суворову поклонились так, словно виделись с ним вчера. Суворов отвечал учтиво.

— «Вот бы так удержался!»— подумал Горчаков, а вслух сказал: — Ваше сиятельство, не угодно ли вам будет занять эти кресла...

Суворов послушно опустился в кресла. К нему подошел граф Воронцов и, садясь рядом, заговорил:

— Счастлив видеть вас, граф Александр Васильевич, в добром здоровье... Безбородко просил меня предварить вас...

Горчаков скромно отступил. Выйдя из приемной, он проворно сбежал по лестнице. У под'езда Павел сходил с коня. Горчаков выскочил наружу.

— Суворов здесь? — на ходу спросил Павел, и на лице его изобразилась радость, когда Горчаков ответил: «Да».

Быстрым шагом Павел взошел в приемную. Говор пресекся. Павел нашел глазами Суворова, взял его за руку и повел в кабинет. Все головы низко склонились.

Разговор с глазу на глаз между Суворовым и Павлом продолжался больше часу. Постепенно разговоры в приемной умолкли. Все поглядывали на двери кабинета, по бокам которых застыли в каменной неподвижности кавалергарды. Издали, приклоняя ухо в сторону двери, а глаза скосив на выход, как бы готовясь убежать, прислушивался Горчаков: он каждую минуту ждал, что Павел начнет кричать.

Дверь кабинета растворилась, оттуда вышел Суворов. Все взоры устремились на него: лицо Суворова хранило важное спокойствие.

— Ну, гувернер, вези меня на развод! — сказал Суворов племяннику.

— Ура! Ура! Ура! — шептал Горчаков, усаживая Суворова в карету.

Они поехали на Дворцовую площадь.

Сухая и крепкая с утра, петербургская погода внезапно изменилась. Дохнула сырью с моря. Повалил крупными хлопьями липкий, мокрый снег. На площади стояли плотными квадратами батальоны. Явился Павел со свитой. Соскочив с коня, царь подошел к Суворову и весело сказал:

— Вот ты увидишь, что я сделал из гвардии... Вы не узнаете ее, граф!

Суворов поклонился, и шляпа слетела у него с головы, упав к ногам Павла. Суворов кинулся ее подымать и сердито нахлобучил на голову задом наперед. Павел отвернулся, но смолчал и скомандовал к параду.

Взводы шли до нелепости правильными рядами. Звук шагов сливался в тупой грохот, словно в огромной ступе толкли толокно гигантским пестом. Снег усиливался и залеплял амуницию солдат. По красным лицам рядовых стекала талая вода. Ветер с моря крепчал. Солдаты шли навстречу ветру, ослепленные, но не теряли равнения...

Павел любовался парадом, забыв про Суворова, переступал на месте ногами, как это делает барабанщик, выбивая палками на барабанной шкуре шаг.

Суворов внезапно сорвался с места, выбежал перед проходившим взводом на средину и, взмахивая в такт марша руками, пошел перед взводом задом, подражая капралу во время учения на плацу. Он молодецки поглядывал то вправо, то влево, то в лица солдат, то на их сапоги, указывал то правой, то левой рукой, как бы отмечая ошибки... Карикатура вышла столь уморительной, что не мог не улыбнуться сам Павел. Каменные лица солдат расплылись в улыбках. Глаза их загорелись. Ветер сорвал с головы Суворова шляпу. Взвод втоптал ее в снег сапогами. Суворов отступал перед взводом, изнемогая. Строй солдат надвигался, казалось, что они сомнут и растопчут Суворова, как растоптали его шляпу... Суворов оступился и упал бы навзничь, но высунулся вперед гренадер, чтобы его подхватить. Взвод, пропустив Суворова, сомкнулся. Надвигался второй.

Суворов подбежал к Павлу. Лицо Павла гневно дергалось. Сияя взором, Суворов воскликнул:

— Что за молодцы! И *что* вы из них сделали, ваше величество!

Павел не захотел или не мог понять язвительной насмешки. По лицу его мгновенно разлилась глуповатая улыбка...

— Я еще тебе покажу, как они у меня в атаку ходят! — хвастливо крикнул Павел.

Суворов подошел к Горчакову, тяжело дыша:

— Не могу больше, уеду! Доведи меня, дружок, до кареты.

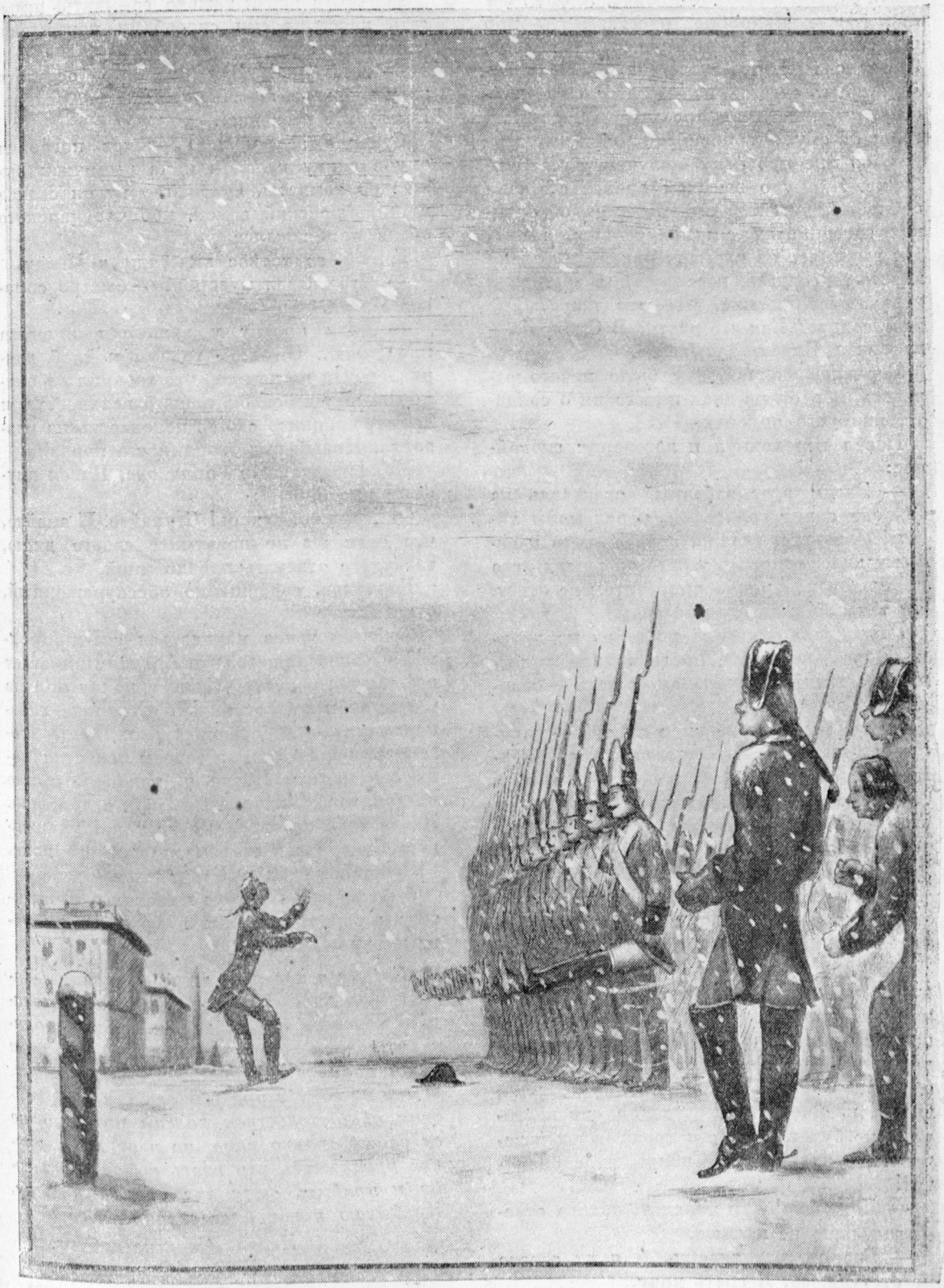
— Дядюшка, граф, ваше сиятельство! — стуча зубами, в ознобе бормотал Горчаков. — Эт-то соввершен-но не мыслимо... Не все еще потеряно. Оставить развод, когда здесь государь?! Эт-то в высшей степени неприлично!..

— Не могу. Брюхо болит.

Суворов сам отыскал карету и уехал.

После пароля Павел потребовал во дворец Горчакова.

— Что все это значит, сударь? — гневно спрашивал Павел молодого человека. — Об'ясните мне поступки вашего дяди. Я говорил с ним больше часу. Я намекал ему, чтобы он просился вновь на службу. Говорил ему про наши переговоры с Англией, что Бонапарт готовит флот для де-



Суворов выбежал перед проходившим взводом на середину и, взмахивая в такт марша руками, пошел перед взводом задом.

санта на Британские острова... А он?.. Он начал мне подробно рассказывать про штурм Измаила. Я его слушал. Он замолк. Я ему сказал, что испытанные вожди армии могут оказать новые услуги государству, он мне начал про штурм Праги! Я говорил ему о европейских обстоятельствах, он мне про рану, полученную в Кинбурне. Я ему о высокой оценке его способностей римским императором, об орденах австрийских, им полученных, а он?! Он вынимает из кармана ордена и медали какого-то солдата, завернутые в тряпку, и возвращает их мне. Что это такое? Где этот солдат? Как его звать? В Сибирь!..— закричал Павел, задыхаясь.

Горчаков молчал, ему было нечего ответить, ибо он не знал ничего ни о солдате, ни о его орденах.

Павел передохнул и заговорил спокойнее:

— Засим этот забавный спектакль на разводе перед солдатами, перед моим лицом! Извольте, сударь, сейчас ехать к вашему дяде, спросить у него об'яснения его поступков и немедля привезите мне ответ. До тех пор я за стол не сяду.

Горчаков опрометью поскакал из дворца в дом Хвостовых. Здесь ходили на цыпочках, говорили шопотом, у всех — огорченные лица.

«Боже мой! Уж не умер ли он? — подумал Горчаков.— Вот еще выкинет коленце!»

Суворов лежал на диване под синим своим плащом, поворотясь к стене.

— Дядюшка!

— Что, племянничек?

— Государь разгневан... Он просил меня вам передать свою волю: он желает, чтобы вы вновь вступили на службу.

— Поди скажи ему без экивоков и энигм [1]: Суворов служить согласен с полной властью екатерининского времени, с правом награждать, производить в чины до полковника, увольнять! Солдаты будут одеты так, чтобы «встал и готов». Букли, пудру, клей — долой! Суворов «инспектором» не будет. Лучше я поеду назад в деревню, в крепость, в Сибирь, куда он хочет!

— Дядюшка! Я и передать такого ответа государю не посмею.

— Говори, что знаешь. А я от своего не отступлюсь. Я спать хочу.

— Дядюшка, милый, ваше сиятельство!

[1] Экивок — уклончивость, энигма — загадка.

Горчаков начал тяжело вздыхать, шмыгать носом, всеми способами показывая, что плачет:

— Дядюшка! Вам недолго осталось жить, пожалейте меня, Наташу, Аркадия! Вы губите всех нас!!

Суворов захрапел. Горчаков погрозил ему в спину кулаком и на цыпочках вышел из комнаты. Сломя голову он скакал в Михайловский замок, ибо час царского обеда приближался.

Горчакова тотчас впустили к Павлу.

— Что сказал Суворов? — быстро спросил Павел.

— Дядя просит у вашего величества прощения... Он ветх годами и слаб здоровьем. Он не помнит, что говорил от смущения перед особою вашего величества, и просит извинить его за неловкость на разводе... Новый вид гвардии его поразил.

Молча выслушав Горчакова, Павел внушительно бросил:

— Хорошо, сударь! Ступайте. И знайте, что если вы не вразумите своего дядю, то будете отвечать передо мной.

Горчаков, совершенно обескураженный, откланялся.

Суворов успел повидаться с Безбородкой и узнал от него, что Англия прилагает все усилия вовлечь Павла в войну против Франции и желает видеть Суворова главнокомандующим союзных сил. После этого разговора Суворов совсем перестал понимать намеки Павла и, наконец, прямо сказал, что хочет ехать домой, в деревню. Павел сухо ответил, что не хочет удерживать Суворова в столице против его воли.

Суворов уехал в Кончанское.

6 февраля 1799 года приехал в Кончанское генерал Толбухин и вручил Суворову письмо Павла:

«Сейчас я получил, граф Александр Васильевич, известие о настоятельном желании Венского двора, чтобы вы предводительствовали его армиями в Италии, куда и мои корпуса Розенберга и Германа идут. И так по сему и при теперешних Европейских обстоятельствах долгом почитаю не от своего только лица, но и от лица других предложить вам взять команду на себя и прибыть сюда для от'езда в Вену. Пребываю к вам благосклонным.

Павел. Санктпетербург.
1799 г. Февраля 4».

Через час, не дав Толбухину отдохнуть, Суворов послал его обратно с ответом о своем согласии. Сам быстро собрался, сел

с Дубасовым и Иваном Сергеевичем в почтовую кибитку, не боясь на сей раз растрясти кости. 8 февраля Суворов явился к Павлу. Встреча прошла гладко. Павел с церемонией возложил на Суворова цепь мальтийского ордена, тем самым посвящая его в рыцари. А потом, когда они остались вдвоем, Павел достал узелок с орденами Кукушкина:

— Верните эти знаки тому солдату, который их заслужил. Если бы я помнил его имя, я приказал бы тогда сослать его в рудники... Но я забыл имя, названное вами, граф. Я его прощаю. Это преданный вам человек? Уверен, что и в Италии с вами он украсит себя новыми лаврами.

Известие, что Суворов возвратился на службу и в милости, широко разошлось по столице. Снова, как после Измаила и Праги, за суворовской каретой бежали люди, у его дома собирались ликующие толпы, в приемной теснился разный люд с приветствиями, поздравлениями, просьбами.

Явился к Суворову и Кукушкин.

— А я тебя заждался, Никифор,— встретил его Суворов,— натворили мы с тобой бед. Его величество не принял твоих крестов и велел взять тебя в поход. Заслуживай! А если не заслужишь, в Сибирь! Пойдешь со мной бить Бонапарта?

— О том просить явился, ваше сиятельство.

— Стары мы с тобой, Кукушкин, для похода. Будешь при мне!

— Это что ж?! Судно после тебя выносить?! — обиделся старый капрал.

— Добычи в Италии, Никифор, не будет: Бонапарт все под метлу выгреб.

— Много ли нам с тобой, ваше сиятельство, нужно? Кто малым недоволен, тому и большого мало.

— Поедешь с Прохором и Сергеичем моим передовым.

— Воле вашего сиятельства не перечу.

Глава двенадцатая. Никифор Кукушкин

Чиновник казенной палаты во Владимире на Клязьме губернский секретарь Первозванский (видимо, из поповичей) записал в первой четверти XIX века рассказы о Суворове сержанта Никифора Кукушкина. Сержант служил при председателе Владимирской палаты вахмистром и умер, перевалив далеко за сто лет.

«Замечали,— пишет Первозванский,— что сей весьма разумный и исполнительный воин имел одну слабость. Он был помешан на рассказах о Суворове, Измаиле, Праге, Италии, Швейцарии. Стоило его лишь «завести», он до того увлекался этим делом, что не слыхал ни звонка, ни зова начальника».

Первозванский, записывая рассказы Кукушкина, кое-что, наверно, присочинял, но зерно воспоминаний Кукушкина — живое. Вот что рассказывал сержант о последнем годе суворовской жизни.

Кукушкин говорил: «Фамилию его верно сказать Суровов, а не Суворов. А это у нас язык заскакивает — легче сказать и говорим «Суворов»...

Ой, суров же он был, когда мы в италийский поход шли! Из последних сил бился, видим: никому не уступит ни в чем.

В Вене австрияки хотели его опутать — дают ему инструкцию: дальше речки Адды не ходи, на правый берег реки По не переправляйся. Суворов отвечает: «Мне Павел Петрович сказал: воюй, как знаешь. Я фельдмаршал двух империй — Российской и Римской. А на реке Адде я полагаю начать, а не кончить».

Мне, Кукушкину, он сказал персонально: «Только бы нам Бонапарта из Египта выманить. А его выучеников бить будем!» Бонапарт тогда сильно в Египте завяз. Услыхал Бонапарт, какая над Францией гроза собралась: Суворов ведет через Италию солдат. Сажает Бонапарт в Египте на корабль тысячу самых испытанных старых гренадеров, оставляет с армией верного генерала сторожить Египет от турок, а сам хочет ехать с гренадерами к Франции. Не тут-то было! Адмирал Нельсон со всем английским флотом на море караулит— Бонапарта во Францию не пускает. А твердой землей из Египта целый год идти.

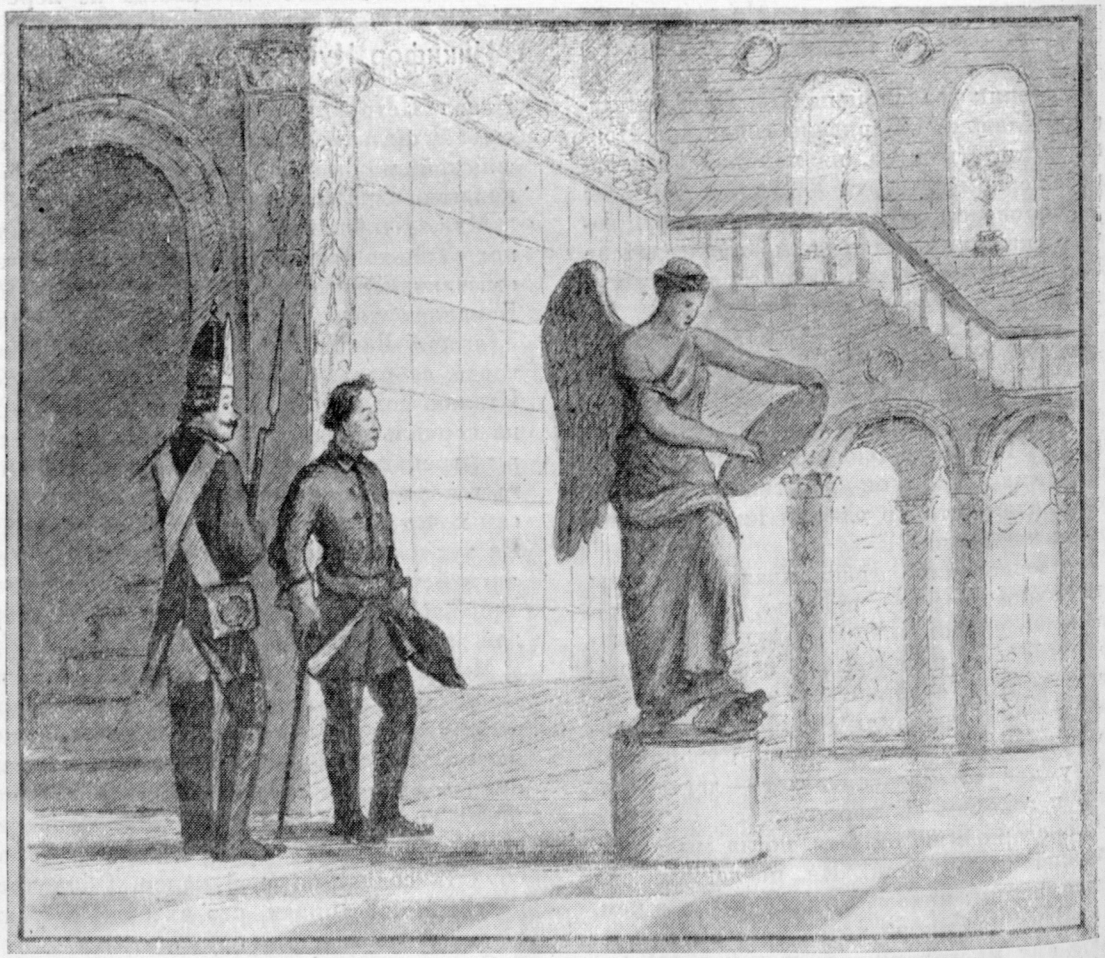
Мы тем временем не сидим без дела. Прибыли в город Верону, и только про это французы услыхали, сейчас же на попятный двор. Фельдмаршал сделал австрийцам смотр и сказал: «Шаг хорош, победа! Только надо подучиться». И послал в австрийские полки русских офицеров обучать солдат на свой манер. Обиделись несколько австрияки, что их русские учат, да пока что молчать приходится.

Суворов сообразил, что года его уже не те, и выбрал себе в главные помощники храброго, молодого генерала князя Петра

Ивановича Багратиона, а второго — Милорадовича, он звал его попросту Мишей. Я Суворову говорю: «Позвольте мне, ваше сиятельство, к Багратиону в строй. Должон я свои ордена вернуть. Где Багратион, там и ты, Александр Васильевич, будешь, стало быть, я у тебя всегда на глазах!» «А сдюжишь, Никифор, за молодыми?» «Увидишь сам!» «Тогда ладно!» Пошел я с Багратионом в авангарде. Подошли к крепости Брекчия.

Итальянцы нам рады: надоели им французы своим грабительством,— отворили жители Брекчии ворота, опустили мосты, а сами кинулись грабить дома господ, которые за французов стояли. Багратион вошел в город, прекратил грабеж и велел нам цитадель взять. Пострелял генерал французский из цитадели — понял: надежды нет,— сдался безусловно. Досталось нам пушек пятьдесят да полторы тысячи пленных. А у нас ни одного убитого не было. Походили мы по городу, по дворцам. Я Суворова по городу провожал вроде телохранителя... В одном дворце у них множество статуев собрано. Подвел меня Суворов к одной и говорит: «Гляди, Кукушкин. Ай, хороша! Это Венера Виктория, она нам победы возвещает! И как это Бонапарт ее оставил, не увез!» И я полюбовался: стоит женщина с крыльями, из меди слитая, в круглый щит перстом ударяет, а ногой попирает неприятельский шлем. Живо сделана до того, что кажется, звон слыхать!

Выдали нам за взятие Брекчии по рублю на брата. Камрады мечтают: «Если за каждую победу нам по рублю, мы казну разорим!» Я отвечаю: «Хоть по рублику за победу и то хорошо, а то ведь добычи не будет: кого можно ограбить, сами итальянцы, по первому судя примеру, оберут». Да и строго не приказал Суворов грабить, чтобы нас от французов перед народом отличить. Они-де грабители, а русские нет.



«Гляди, Кукушкин. Ай, хороша! Это Венера Виктория, она нам победы возвещает!»

Глядя на нас и австрийцам неповадно грабить мирных жителей. И за это австрияки нашим фельдмаршалом недовольны: дограбить итальянцев не дает!

Постояли мы в чудесном городе недолгое время. Багратион пошел вперед. Идем, французов догнать не можем. Убрался их генерал за речку Адду и тут решил бой принять, собрался с силами. Багратиону приказано взять город Лекко. Город весь каменный. Пошли. И я пошел с молодыми. Ворвались в город. Французы нас выгнали. Второй раз — французы ретируются за реку по мосту. Мы за ними. Французы кричат: «Пардон! Пардон!» Мы поверили, что они сдаются, подошли, а они залп! Мы рассердились. Никому пардону! Я вперед выбежал, батальонного у них сколол. Тут к нам Милорадович подошел с батальоном, и прогнали мы французов за реку. До ночи бились. Пошел я к Суворову, говорю: «Пожалуй, Кукушкин за такое дело одну медаль заслужил». Суворов согласился и выдал мне одну медаль из моих. Так я первый из всех украсился. Все дивуются: «Откуда у Кукушкина медаль взялась?»

Тут мы узнали, что прибыл к французам генерал Моро и взял армию в свои руки. Генерал храбрый, смелый. Войско его любит. Суворов говорит: «Вот и хорошо. Мастер лучше подмастерья». Выбрал Суворов место для переправы через речку Адду самое неудобное. Берега в утесах. Дно каменное. Теченье быстрое. Моро и думать не мог, чтобы мы в таком месте решились, да еще ночью, мост ставить. А Суворов-то ведь кончил инженерский класс. Сам лично и место выбрал и научил, как понтоны спускать с кручи, якоря на каменном дне крепить. За ночь поставили мост, а к свету мы уж на том берегу, отрезали французам отступление к Милану, наступаем, минуты не теряя. «Минута—победа. Час — кампанию выиграл. День — царство покорил!» Моро уступил не без боя. Хватски бились французы, да не устояли. Наши перешли Адду в разных местах. Осталось Моро одно — ретироваться на город Турин, а мы вошли в ломбардскую столицу Милан. Весь город вышел Суворова встречать. Остановился Суворов в том доме, где раньше Бонапарт стоял. Итальянцы нам «Виват!» кричат. Плошки вечером по улицам зажгли — иллюминация! Прошло чуть две недели, а мы у французов всю Ломбардию отняли.

Австрияки сразу взялись в Милане свои порядки заводить, а меж тем к Моро чез за гор из Южной Италии спешит с другой армией ему на помощь генерал Макдональд. Суворов повел войско ему навстречу и так встал, чтобы можно было и вперед идти и против Моро обернуться. Ни Моро, ни Макдональд не идут нам навстречу. Макдональд в горах прячется, не зная, где с Моро соединиться. «Почему бы нам, в таком случае, еще одну столицу не завоевать?» — думает Суворов. И ударили мы на Турин. Столица Сардинского королевства — это само собой, а главное, там у Моро депо находилось: множество провианта, амуниции, артиллерийский парк, арсенал. Нас же об эту пору австрияки уж начали голодом подмаривать. Павел Петрович ошибку допустил: отдал провиантское дело австриякам. Своих, понятно, они лучше снабжали, и стали мы вроде пасынков, а их солдаты любимыми сынками. Плохого не скажу — солдаты-австрияки с нами, чем можно, делились, да мы-то от них все вперед уходили. «Обозы-де за вами, — говорят цесарские провиантмейстеры,— не поспевают». Муки дают мало, вино разбавляют пополам с водой, сухарей по-нашему насушить не могут, а в котел норовят вместо быка осла пихнуть. Ей-ей, не вру!

Ехал раз Суворов по-над рекой. Смотрит: сидят наши гренадеры у самой воды, хлеб жуют да прямо из речки ложками воду прихлебывают.

— Что вы, братцы? — придержал коня Суворов, спрашивает.

— Да вот, ваше сиятельство, итальянский суп хлебаем.

— А хорош?

— Надо бы лучше! Хочешь, попробуй.

Суворов с коня долой. Взял у солдата ложку, повозил воды из речки...

— Спасибо, братцы, накормили досыта. Помилуй бог, хорош суп. А вот Турин возьмем, там у французов всего много.

Раз подает он такую надежду, надо Турин брать.

Ай и город же, ай и земля итальянская! Не даром ее тысячу лет разные народы кровью поливали. Листья на деревах темные, с синевой. Апельсины, лимоны, груши, яблоки — чего только нет: это все по долам. А выше серые оливы в желтых цветочках сладко пахнут, кипарисы, сосны на камнях, совсем разные от наших. И воздух — бальзам! Кой-где ручеечки бегут со сладкой водой, а то и фонтаны по-

настроены: по трубам вода, с гор проведенная, бьет вверх для прохлады. А в общем воды маловато. Местным жителям воды на варку, скотину напоить хватает, а войску мучение. Один пьет, а сто человек ждет. Зной такой, что мы и красоте земной не рады. Да и пылит войско. Устали солдаты, вот тут бы и отдохнуть в прекрасной столице — выпить коньяку, закусить белою галетой из французского депо. Но надо еще в город войти и цитадель взять. Это у них везде: город возьмешь, а гарнизон в цитадель уберется и сидит. Или подвози осадную артиллерию или штурмуй, а как штурмовать, если стены из камня дикого сложены толщиной в сажень, а высота где и двадцать сажен! Иному замку чуть не тысяча лет. Еще древние римляне делали. Мы так поступали: войдем в город, цитадель в блокаду берем. Рано ли, поздно ли, гарнизон от голода, от скуки порасстреляет порох и сдается на нашу милость. Окружили мы Турин, поставили пушки. Началась пальба, и французы тем же отвечают. Генералу их Суворов посылает приказ сдать город, француз не отвечает. «Будет ответ или нет?» — второй раз спросил Суворов. Комендант отвечает: «Атакуйте и получите ответ. Будьте уверены!»

Настала ночь. Повеяло прохладой. Вот что значит, братцы, война! Целый день шли, почитай, без воды, в зной, в пыли. Кажись бы, лег костьми и не встал. Так нет, ведь, не спится! Месяц поднялся, побелел. И сделалось кругом все синее. Сверчки запели. Где тут уснуть? Не спим, и Суворов не спит. Пошел к городу с Горчаковым, с донским атаманом Денисовым пешком, и меня взяли. Идем мы как бы в разведку, а на деле прогуляться... Заметил я это за фельдмаршалом, чего раньше не было, сделался он вроде путешественник. Остановится, смотрит, любуется, не оторвать, и есть на что! Ведь раньше где мы воевали? По скучным, бедным местам.

Идем так при лунном сиянии. А тут как ударит пушка с нашей стороны, и француз в ответ ударит — мы по цитадели, а он бьет по той самой дороге, где мы идем. Ударит ядро: слышно, камень посыпался, зашуршало. «Небезопасно, не пойти ли, ваше сиятельство, обратно?» — говорит атаман Денисов. Суворов не слушает, идет дальше. По дороге встретили в роще белый дом богатый. Все расперто. Пусто. Хозяева убежали в город. Суворов и мы за ним вошли во двор. И видим: посреди каменного двора сделана из белого камня женщина, головой поникши, без одежды, а у ней в руке кувшин, на бок поваленный. Из кувшина широкою струей бежит вода, звенит и плещет. Месяц светит ярко. И цветы кругом. Суворов стал перед фонтаном, как зачарованный, и говорит:

— Здесь моя родина!

Непонятные слова! В то время ударяет пушка. Бомба завизжала. Дым, огонь. Запах серный! Глядим: от статуи остались одни кусочки. А Суворов стоит на месте, хоть бы что.

— Зачем! — кричит.

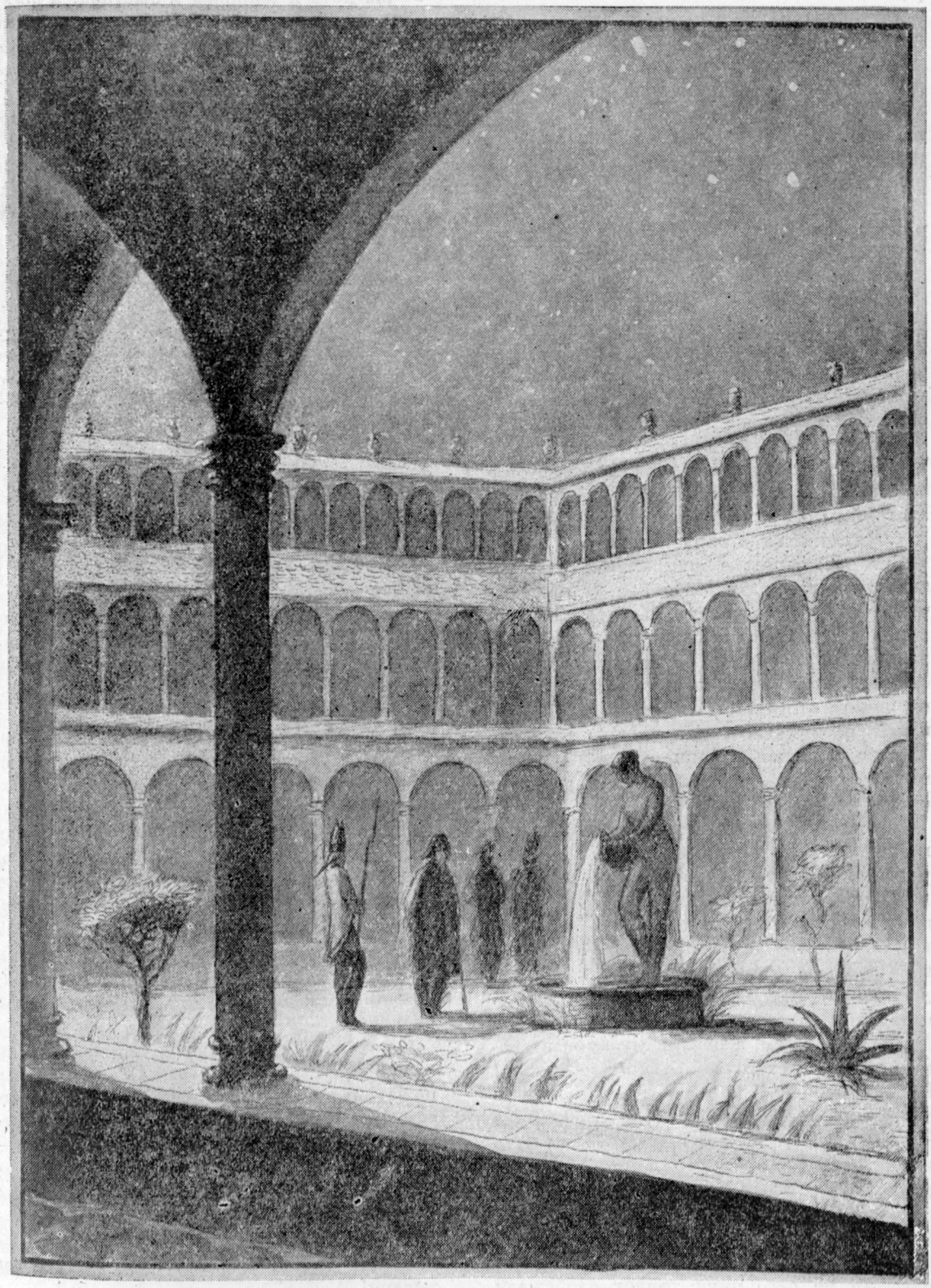
Атаман Денисов подбежал к нему и зовет. Граф упирается. Тут Денисов схватил Суворова в охапку и потащил с опасного места. Фельдмаршал барахтается, за чуб атамана дерет, бранится. «Ах ты, проклятый!» Атаман дюжий. Вытащил Суворова со двора, в канаву, и мы туда за ним. А тут опять пушка с их стороны бухнула, и камень посыпался...

— Видите, ваше сиятельство, неприятель дорогу обстреливает,— говорит Денисов,— дальше я вас не пущу.

Горчаков тоже. Я молчу — я за ним, куда поведет — мне что говорить...

Отдышался Суворов. «Спасибо,— говорит,— пойдем теперь домой, я все видел». «Домой» сказал, а дому никакого и нету. Пришли мы к бивачному огоньку. Накопали камрады в огороде луку, на угольках пекут. Лук там крупный, больше репы. С'ел Суворов луковку с хлебцем и велел, чуть рассветет, его взбудить.

Рассвело. Суворов велел Горчакову написать коменданту еще раз: «Сдавайся!» Ответа нет. «Бомбардировать город из всех орудий!» Началась канонада. Жителям своего города жалко, отворили ворота, впустили наше войско. Едва французский генерал успел в цитадель вобраться. И пишет оттуда: «Буду сам город бомбардировать, если русские не выйдут». Чужого города ему не жаль. И начал. Бьет по крышам — черепица летит. Каленными ядрами мечет, а гореть нечему. Даром губит народ: тут женщину убило, старика, здесь — малого младенца. Суворов в'ехал в город и лег в одном дому поспать. Французы узнали, где. И давай из всех пушек по этому дому жарить. На дворе несколько казачьих коней убило да одному казаку оторвало руку. Денисов к Суворову—в спальню, разбудил. «Ваше сиятельство! Французы метко целят в этот дом». «Оставь меня,



Суворов стал перед фонтаном, как зачарованный.

Карпыч! Я спать хочу!» — и к стене оборотился.

Одумался и послал дежурного генерала сказать французам: «Национальная гвардия на нашей стороне, народ тоже. Огонь по мирному населению сию минуту прекратить, а то я выведу на эспланаду всех пленных французов и буду их держать под вашим огнем!» Перестали французы стрелять: своих бить жалко.

Пока мы в Турине стояли, наши войска одну крепость за другой берут. К Суворову со всех сторон курьеры скачут, докладывают о победах.

Суворов думал в Турине учредить прежнее правление сардинского короля и усилить свои войска, вооружив народ. Национальную гвардию — хоть ее и Бонапарт учредил — Суворов не велел распускать: оставил при оружии.

Австрийский император несогласен. Турин город считает своим. Апетит у австрийцев разыгрался. Видит Суворов, что австрийцы свою линию гнут, а воевать надо: Макдональд с гор спускается.

Суворов споры с австрияком отложил, велел войскам идти Макдональду навстречу. Пошли мы заведенным порядком: кашевары с котлами и мясом впереди. Останавливаются, варят. Войско подошло к своим котлам. Кушанье готово, вино там, ни одного отсталого. Пей, ешь, веселись — играй песни! Палатки, ступай впереди! Солдат подоспел к ночи — палатки поставлены — ложись, отдыхай, а на рассвете снова поход.

Идем по пятьдесят верст в сутки. Дожди пошли. Дороги испортились. Велел Суворов, чтобы на походе офицеры учили солдат французским словам. Сам будет спрашивать! Едет ротный командир на коне, кричит: «Жете ле зарм!» и прочее, поневоле солдаты за ротным бегут, слова твердят, не отстают. Прискакал гонец: Макдональд попятил австрияков. Помощь нужна. Мы уже не идем, а бежим. Суворов на коне в одной расстегнутой рубашке: «Вперед! Вперед скорей! Скорей!» — вдоль колонн скачет. Прискакал еще гонец от старика Меласа: «Беда: поляки нас обошли — чуть держимся!» Суворов берет четыре полка донцов, два полка австрийских драгун и поскакал вперед с ними и Багратиона с собой взял. Французы и не поймут: катится по дороге облако пыли, гремит, стучит, ревет, а из него пики торчат. Побежали французы. Тут и пехота наша подоспела и прямо в бой пошла.

Макдональд убрался за речку Требию. Речка хоть и широкая и быстрая, а неглубока, вроде нашей Кубани, почти везде брод, но все-таки препятствие. Отдохнули мы ночь, а с утра опять пошла боевая потеха.

Бились то на том берегу, то на этом три дня и две ночи, настала третья. На этом берегу наши огни, на том — французов. Утром огни у них погасли. Тихо. Казаки слетали туда и говорят: «Да неприятеля нет, одни головешки от костров остались». Обманул Суворова француз — всю ночь жег огни, а сам тем временем ретировался. Послал Суворов конницу гнать и добивать неприятеля, а по деревням трубачей трубить победу. Гнали Макдональда сильно: в боях он за три дня шесть тысяч потерял, а побежал — двенадцать тысяч. Вся армия его рассеялась.

Получили мы опять по рублику на брата. А мне Суворов крест из моих старых повесил. И говорит: «Знаешь ли, Кукушкин, что на этой самой речке две тысячи лет тому назад Ганнибал победил римские легионы? Я еще об этом мальчишкой в отцовском доме читал. Мог ли я думать, что здесь и я одержу столь знаменитую победу! У французов на знаменах те же римские орлы. Ганнибал слонами римлян топтал, а я без слонов обошелся!»

— Чего проще!

— Теперь нам остается Моро «угостить», а потом пойдем на Геную, на берег синя моря, да там зазимуем и отдохнем, поправимся.

Моро шел со своей армией на помощь Макдональду, да не поспел и опять в горах спрятался. Нашли мы его у городка Нови. Стоит крепко, неприступно, Макдональд к нему с остатками своего войска берегом прокрался.

А меж тем сдалась нам неприступнейшая крепость Мантуя, сдалась и туринская цитадель.

С тех дней стали звать Суворова уже не «ваше сиятельство», а «ваша светлость» — пожаловал Павел Петрович Суворова князем Италийским. Сардинский король назвал Суворова «кузеном», двоюродным своим братом, это у них большой почет. Павел Петрович написал Суворову: «И мы с тобой через сардинского короля породнились: все монархи — родная семья». Крестов на армию выдал Павел Петрович тысячи!

Кто был больше всех рад, что Суворов в королевскую родню втерся, так это Иван

Сергеевич,— он так и брякнул прямо: «Теперь ему и до царя недалеко!» Мы с Прохором Ивановичем на смех Ивана Сергеевича подняли: «Чего доброго, говорю, об'явит государь Суворова наследником престола, на то воля монаршая». «А что же ты думаешь, Никифор,— отвечает мне Иван Сергеевич,— его светлость и на царских сыновей не поглядит. Как он Константина Павловича-то приструнил!»

Это верно. Прибыл к армии в Италию сынок государя под названием графа Романова, а с ним и камергер Аркадий Суворов. Павел Петрович Аркашу переименовал в генерал-ад'ютанты: ступай, учись у отца. А в дядьки им дал генерала Дерфельдена.

Прибыли мальчики да и сшалили тутже. Сунулся Константин Павлович, не слушая дядьки, сам в бою командовать, да чуть все дело и не погубил: зря положил чуть не целую бригаду. Хорошо, Суворов подоспел, поправил, а то бы нам беда!

Позвал к себе Суворов графа Романова на квартиру, заперся с ним и целый час гонял. Вышел от него Константин Павлович весь в слезах. Доподлинно никто не знает, что там говорено было, а наверно так в общем смысле: «Ты еще мальчишка, щенок! Тебе еще учиться надо!» Думаю, так. После гонки Константин Павлович присмирел, придет на военный совет, смиренько сядет в уголок, молчит, будто и нет его совсем. Скушно стало молодому человеку. Начал балы задавать, каруселя устраивать. Прекрасных дам к нему собралось — несть числа! «Ну, вот это дело по тебе! — говорит Суворов.— Прыгайте, да и я с вами когда на досуге попрыгаю!» И прыгал. Не хуже Аркадия барышень под музыку вертел.

Прыгать-то он прыгал, а дела не забывал. Еще армия у Моро осталась; раньше чем в Генуе на синем море зимовать, надо угостить Моро. Прибывают к нам из России новые войска, Суворов их спешит обучить, как надо. И как обучил, пошли мы против Моро. Стоял француз в горах, это я уж сказывал: у городка Нови.

Нови-то нам ново, а дело знакомо.

Суворов велел Багратиону атаковать Нови. Трудное началось дело. Бились целый день. Они с горы, а нам на гору. Сады, виноградники, заборы, овраги. Трудно было. Французы бились геройски. Наши силы слабеют. Неприятель держится. Суворов ужасно разгневался, пал на землю, катается. «Срам! — кричит.— Это ли мои богатыри?! Не перенесу! Заройте меня живым в могилу!» Рубашку на себе рвет... Ординарцы видят: дело сурьез! — поскакали во все стороны: «Атаковать!» У нас еще целый корпус в запасе. У Моро к ночи не осталось резервов. Французы начали отходить, побежали. «Гнать их сильно! Истреблять!» — приказывает Суворов. «Ваша светлость,— отвечает цесарский фельдмаршал Мелас.— В армии всего на два дня хлеба! Да и вьючной скотины нет за Моро в горы идти!» Суворов даже ногами на него затопал, шапку о земь, чуть не ударил старика. Да что с австрияка взять? Не добили Моро, дали ему в горы уйти.

Вяжет венский гофкригсрат Суворова по ногам и рукам. А гофкригсрат — это не человек, а военный совет при австрийском императоре. Папаша Мелас даже и слушать Суворова перестал. «Почему вот этого не сделано?» «Гофкригсрат не приказал». «Да нешто можно из четырех углов войском командовать; в военном деле что не час, то новость!»

Ничего не хотят знать австрийцы. Видно, что стараются они Суворова с рук сбыть. Гофкригсрат решил с князем Италийским разделаться. Выходит Суворову приказ — идти в Швейцарию и эту землю очистить от французов.

В Швейцарии с французами воевал австрийский наследник Карл. Что «воевал» — одно название: стояли австрийцы в Швейцарии без толку на одном месте. Французы усилились. Их маршал Массена решился Карла потревожить. Австрийцы — «Караул!», просят помощи. Павел Петрович посылает в Швейцарию корпус под командой генерала Римского-Корсакова. Им этого мало, им подавай Суворова.

Уверили австрийцы Суворова, что они и провиант заготовят и вьючную скотину дадут и выметки у них по картам сделаны, где и куда в горах можно идти. Одно лишь остается: приди и побеждай. Хоть и не верил Суворов австрийской лести, а видит, что войско домой уводить не той, так этой дорогой надо. Через Италию назад воротиться? Немыслимое дело. Французы скажут: Суворов отступает, ободрятся, а где же против них одним австриякам... И пошли мы на горы швейцарские. С гор назад оглянулись: прощай, прекрасная Италия, солона ты нам досталась! Пришли в сапогах, уходим босы. Сдал Суворов австрийских солдат Меласу, отправил наши обозы в Швейцарию далеким, кружным путем! Полевые и полковые пушки также

пришлось отправить, а взамен дали австрияки нам двадцать пять горных пушчонок на всю армию. Вы-де сами себе пушки достанете. И на том спасибо!

Двинулась армия. Суворов выбрал через горы путь самый короткий и прямой, зато трудный: через гору Сен-Готард. Ну да ведь он на все взирал с орлиной высоты. Что горы орлу? Да и нас он орлами, не иначе, называл.

Казаков с коней ссадили. У фельдмаршала Меласа вьючной скотины, мулов было довольно. Ни одного австрияк не дал: как до гор дойдете, говорит, там, в Белянцах [1], для вас полторы тысячи мулов приготовлено. Пришли — ни одного! И вьюков нет. И мешков для провианта нет. Довелось у тамошних жителей мешки покупать: насилу три тысячи мешков собрали. Ссадили пятнадцать сотен казаков с коней, по два мешка на лошадь. Так зря пять дней ушло, нам по диспозиции надо уж в Швейцарии быть. А что делает в Швейцарии Массена, неизвестно. Он-то уж, наверно, узнал, что Суворова австрийцы подкузьмили!

Вошли мы в самые крутые горы.

Внизу, в Италии, еще вроде бабье лето стояло, выше — настоящий костромской сентябрь: дождь ливмя льет, ветер насквозь прохватывает, а ночью сырой мороз. Под ногами то камень, то скользкая глина. Все косогоры. То и дело речки, ручьи — где по колено, а то и по пояс. Начались крутизны. Лошади срываются, ломают ноги и хребты. Много вьюков погибло. На ночь становиться, нет даже хвороста для костров.

Суворов вместе с нами едет на казачьем коне, в родительском плаще и на зло ветру на голове шляпа с широченными полями.

Выше идем — осень кончилась, зима настает. Тут круглый год, говорят, метели. Надо брать гору. Французы за камнями сидят, постреливают, а нам их и не видать. «Штурмовать!» В облако вошли, туман, ничего не видно. Лезем. Два раза атаковали французов — не сдаются. Уж и вечер близко. Суворов велел идти в атаку в третий раз. А в эту пору над французами на белом снегу показались, будто мурашки,— это Багратион прямиком провел гренадеров в тыл неприятеля да на него сверху свинцовым дождем брызнул. Французы ретировались. Вся армия русская собралась на горе, истинно верх над синими кафтанами взяли: французы внизу, а мы наверху. Неприятель засел в деревне на дороге под кручей. Кажется, рукой достать, а по дороге час ходу и все время под обстрелом. Что делать?

Тут на наше счастье облако накрыло и горы, и нас, и деревню. Я говорю Суворову: «Вели нам прямо с кручи, сберемся внизу да ударим». «А как с кручи?» «А на своих салазках». «Покажи пример!» Я сел да вниз и поехал. А за мной еще, еще. Только, ребята, не галдите, хоть оно и забавно. Собрались внизу. «Залп! Ура!» И пошли в атаку, на кого и куда не видим сами. Озадачили врага. Никак не ждали французы такой скорости, дали тыл.

Облако прошло. Французы к Чортову мосту бегут. Французский генерал видит, дело дрянь, побросал пушки в речку Рейсу, ночью перелез через гору и опять нам путь загородил. За это дело мне Суворов хотел еще один из моих крестов навесить, а я не захотел носить, спрятал: не такое время, чтобы перед товарищами величаться.

Утром пошли мы дальше вниз по речке Рейсе. Гремит река, по камням скачет, ревет, не слышно голосу. Чем дальше, тем ущелье глубже. Чортов мост близко. Невелик мосток: всего тридцать шагов длины, а от воды больше десяти сажен высотой. Французы на том берегу. И почему-то из пушек не бьют, идти не мешают. Идем. Впереди Милорадович ведет своих солдат. Остановились. Чудасия, братцы: уходит дорога в черную дыру, пробит в камне ход, с той стороны пушка стоит, фитиль на картечи. В лоб такую позицию не взять. Суворов велел обойти эту дыру, называлась она Урнер Лох, с обоих флангов. Да разве это возможно: справа гора крутая, слева в черной пропасти река ревет! Как быть? Очень просто. Один батальон в гору полез, другой прямо в реку с кручи покатился, впереди майор Тревогин. Вот тут-то я пожалел себя: ну, думаю, и костей не соберешь!.. Река-то неглубока, да уж очень быстра. Многих на том берегу не досчитались. Перелезли, надо из щели взбираться чуть не по отвесу. Другой батальон вправо за полковником Трубниковым в гору полез: срываются, валятся назад, опять лезут. Обошли Урнер Лох. Видят французы: лезут русские снизу, как черти, и с неба, как ангелы, валятся. Пушку скорей в реку сбросили, ни разу не выпалив, а сами через Чортов мост бежать.

[1] Белинцина.

Одну арку подорвали. Стоим мы перед сломанным мостом, а французы в нас с того берега на выбор бьют. Пришлось опять камрадам ноги промочить: в реку прыгать, вброд идти, средь брызг и пены на кручу взбираться. Видя это, неприятель перестал стрелять. Отходит. Мы разломали бревенчатый сарай, кое-как мост починили: хоть узко и зыбко, а все переправиться можно.

Неприятель отступает. Суворов за ними. Четыре раза дорога перебегала мостами через речку. Испортить их француз не успевал: шибко гнали мы врага. А думаете, много от Сен-Готарда прошли? Тридцать верст, не больше. Пришли в деревню Альторф. И уж видно, впереди меж гор лежит большое озеро Люцерн.

Тут открылся страшный обман. Австрийцы выметили на карте вдоль озера дорогу к городу Швицу, а не то что дороги, никакой тропки берегом нет! Отсюда только на лодках по озеру плавают. Французы всю флотилию угнали. Русской армии надо по диспозиции быть уже за озером, в Швице. Уж мы на сутки опоздали. А и часу опаздывать нельзя: в Швице с Римским-Корсаковым — рандеву[1], не подойдем вовремя, его одного Массена наверняка разобьет.

Возвратиться обратно в Италию? Срам вечный. Да, наверно, противник и в тыл зашел. Стоять на месте? Ждать некого. Идти, без дороги, без пути? Справа мох, слева «ох!» Впереди озеро, что море, позади одно горе!

При Суворове находился старый проводник Антон, пожалуй, одних с ним лет. Суворов стоял в Италии у него на квартире. Когда молод был Антон, по горам ходил коз стрелять. Суворов его призывает и говорит:

— Как же это ты, старый человек, меня обманул, не сказал, что дальше нет дороги?

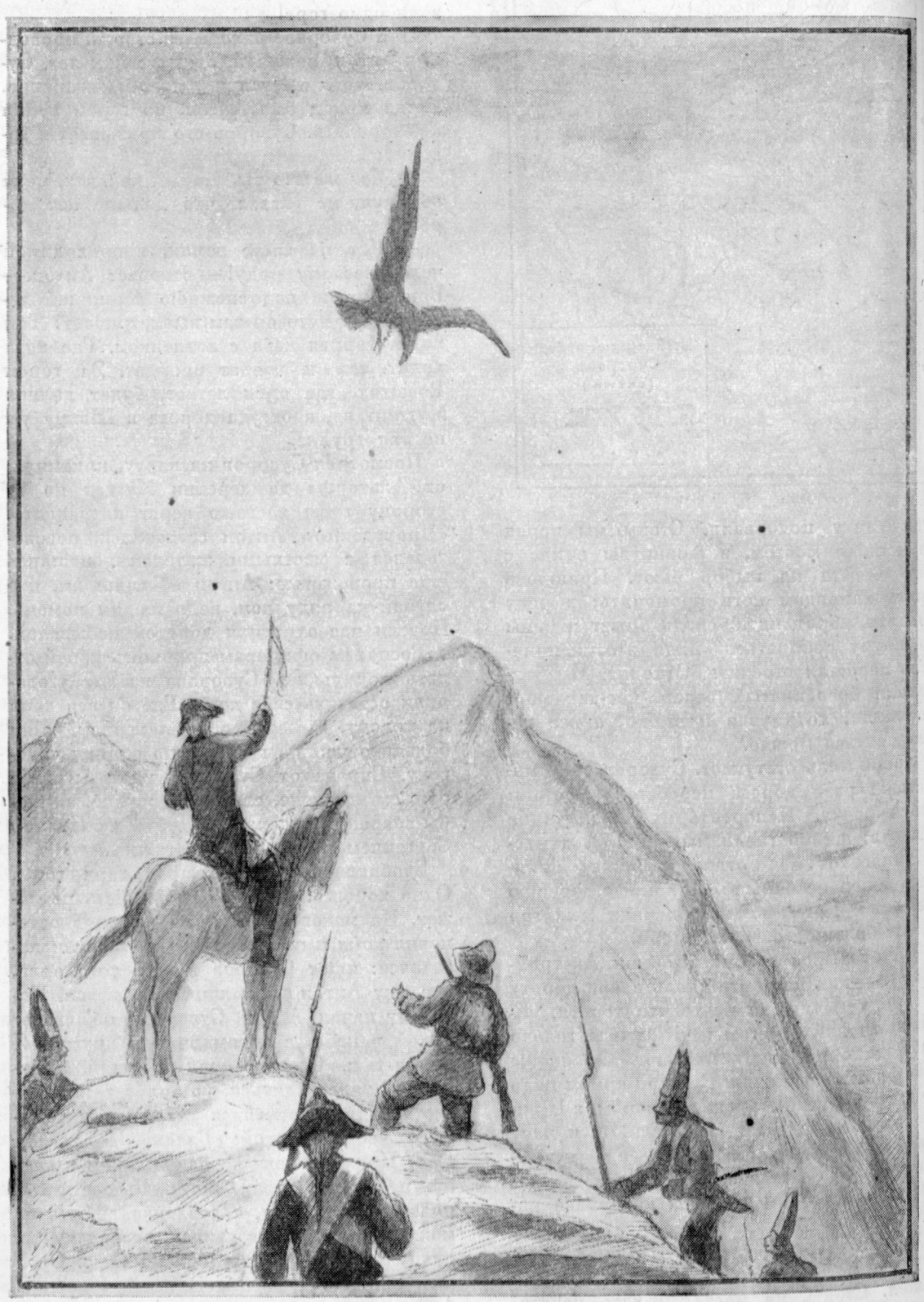
— Нет на свете земли, непроходимой человеческому роду! — отвечает Антон.— Вон, смотри, над снежною вершиной летает орел. Чего он там высматривает? Там ходит горная коза с козленком. Где коза ходит, там и солдат пройдет. За горой Росшток, где орел летает, будет долина Муттенталь, а оттуда дорога к Швицу уж не так трудна.

Посмотрел Суворов на карту, прикинул: от Альторфа до деревни Муттен по ту сторону горы всего-то верст пятнадцать. «Проведешь?» Антон согласился, посоветовался с местными жителями, нашлись еще провожатые: Антон об'яснил им, что случай из ряду вон, надо людям помочь. Повели нас охотники дорогой небывалой.

Господам офицерам пришлось коней отдать под вьюки. Суворова насилу уговорили оставить себе коня. Где он вел коня на поводу, где можно, ехал верхом. Шли большею частью гуськом, по одному человеку. Справа от Суворова идет Антон с ружьем на плече, слева, где можно, я, чтобы вовремя поддержать. Дубасов с Иваном Сергеичем при вьюках остались.

Взобрались так на самый верх горы. Одно хорошо: неприятеля тут быть не может. На маковке Росштока Суворов остановил коня и посмотрел в небо. Антон догадался: ищет Суворов в небе того орла, что ему Антон из долины показывал. Посвоему начал Антон Суворову об'яснять: рукой в небо, а потом вниз и кругом. Я понял так: «Сколько орел ни летай, а где-нибудь надо садиться. И орлов земля питает». Вдруг засмеялся старик и показывает Суворову рукой: «Гляди». Что же видим? Прижала коза козленка задом к камню и рогами орла бодает. Вьется орел, полетывает кругом, а козленка добыть не может. Суворов, как увидел, встрепенулся, чухнул коня да с нагайкой на орла. Орел взлетел. Коза бежать. За ней козленок. Антон приложился, выстрелил. Орел упал к ногам суворовского коня бездыханный. Веселый сделался Суворов.

[1] Встреча.



Антон выстрелил. Орел упал к ногам суворовского коня бездыханный.

— Знак хороший! — говорит.— Мои орлы облетают орлов французских!

Подбежали солдаты на выстрел, на убитого орла дивятся. А думали, что неприятель. Тут фельдмаршал насмешил нас: вдруг запел во весь голос:

«О чем, о чем
Ты плачешь и рыдаешь?
И слезы вытираешь
Кисейным рукавом?!..»

Солдаты повеселели: гору одолели! Запели и солдаты. Рожки заиграли, дудки задудели. А три дня не евши. И надо еще спуск одолеть. Внизу все черная туча покрыла. Из нее молнии бьют. Гром гремит, прямо канонада.

Пробились сквозь тучу, вниз покатились. Как встал я на зеленую траву в долине, себе не поверил, что жив. Не во сне ли вижу? Деревня. На крышах камни накладены, чтобы ветром не унесло. Коровы ходят со звонками. Народ стоит, разиня рот, задравши головы: валятся к ним из громовой тучи неведомые люди.

Пятнадцать верст от Альторфа до Муттена шли мы пятнадцать часов. Голова колонны пришла в Муттен к ночи, а хвост еще в Альторфе. На второй день к ночи и хвост подтянулся, а вьюки пришли на четвертые сутки.

Суворов послал казаков вниз по долине: они привезли новость, как по голове обухом! Австрияки ушли из Швейцарии, покинули корпус Римского-Корсакова на произволение судьбы. Массена напал на Корсакова у Цюриха, разбил и прогнал за Рейн. Остались мы с Суворовым в Швейцарии одни. Дорогу на Швиц занимают французы. Пришли мы, да поздно.

Массена думал в Альторфе нас прихлопнуть. Перевез озером войско на лодках, да не успел: уж и вьюки все были с нами. Хвастал Массена, что Суворову уйти некуда и возьмет он Суворова в плен со всей армией. А меж тем Суворов со своими орлами перелетел Росшток, и уж из Муттена к Швицу Багратион идет бить и гнать неприятеля, сколько сил хватит. Никак не ожидали нас французы с этой стороны. Гнал Багратион Массену до самого Швица. Бежали французы, бросая пушки, знамена, повозки.

Пока Багратион с Массеной расправлялся, Суворов повел армию вон из Швейцарии, обманул французов. Багратион к нам подтянулся. Нет слов на языке человеческом, чтоб рассказать про все наши бедствия. И Сен-Готард, и Чортов мост, и гора Росшток — все, что позади осталось, было сущим пустяком. С неприятелем биться, одни штыки остались. Патроны кончались. Пушечных зарядов нет. Большая часть коней погибла с вьюками. В мешках за плечами на день сухариков. Ноги босы, голо тело.

Выбрал Суворов в долине место и велел вырыть большую могилу. Схоронили в ней все пушки и поставили над ними крест... Жители сообщают: Массена долинами опять пошел и справа и слева, чтобы у Гларис нас доконать. В горах выпало много снегу, тропинки пропали. Высоки или нет те горы, не знаю. Сначала мы вязли в грязи, потом в сыром снегу, карабкались в горы на четвереньках, катились вниз, карабкались опять. То дождь, то снег — и так всю ночь. Идем, куда и сами не знаем. Ветер воет. Метель крутит. Камни валятся.

К утру ударил мороз. Лучше не стало. Ветер сдул с камней снег, они покрылись ледяным черепком, негде ногу утвердить, а надо вниз идти. Много народу тут погибло.

У Гларис Суворов дал французам последний бой. Французы уступили. Идти за нами дальше Массена не посмел.

Дошла армия до города Иланца. Обсушились, обогрелись, и бедствиям конец. Дальше, в Куре, выдали нам дрова, хлеб, мясные порции, вино. В Фельдкирхене стала армия лагерем. Подсчитались. К Сен-Готарду подходили в двадцати тысячах, у Фельдкирхена стали в пятнадцати. В боях, от голода и стужи в горах пропало пять тысяч человек. Много, но французы больше потеряли.

Тут я захворал горячкой. Всю зиму без памяти был. Когда у меня прояснилось в мозгах, товарищи сказали, что ко мне в лазарет приходил прощаться Суворов и велел мне отдать остатные мои знаки отличия. Развязываю тот самый платочек. Перебираю, считаю: не хватает одного знака! Воровства быть не могло: все бы украли. Загорелось у меня сердце: стало быть, один из знаков он при себе оставил и желает видеться со мной.

Поправился, все новости узнал. Павел Петрович из союза с Австрией вышел. Войну кончил. Приказал Суворову идти с армией домой... Бонапарт обманул Нельсона, проскочил на корабле во Францию и собирается отвоевать обратно Италию у австрияков. Как-то там себя чувствует без

Суворова дедушка Мелас, Бонапарта ожидаючи?! А уж Суворов, будьте уверены, после всех австрийских подлостей второй раз в Италию не согласится. Видно, не судьба ему с Бонапартом сразиться. А где же он-то сам, непобедимый предводитель? Говорят: Павел Петрович за спасение армии и чести России сделал его генералиссимусом. Выше такого чина в армии нет: генерал генералов. И велел Павел Петрович, чтобы Суворов ехал к нему в Петербург. Генералиссимус дорогой захворал; в Кобринском имении, дареном Катериной, лежит, умирает.

Подался я на Кобрин, где пешком, где почтой, где водой, через чужие страны. Добрался кое-как. Всю дорогу думал одно: застать его живого. Опоздал: прихожу в Кобрин, Суворова нет. Выздоровел будто, и повезли его в столицу.

Как это «выздоровел», а повезли? Да так, отвечают мне местные люди, положили его в дормез на пуховик и повезли. Уж очень хочет Павел Петрович с ним поскорее свидеться. Такую ему встречу готовит, что и в древнем Риме не видали: вся гвардия построится шпалерами по бокам дороги, будут барабаны бить, трубы играть, пушки палить, колокола звонить, а вечером по улицам плошки зажгут.

Эх, Кукушкин, Кукушкин, горькая ты птаха! К такому торжеству и опоздал! Спасибо, ехал из Кобрина по каким-то делам фельд'егерь Ряпушкин. За сто рублей согласился он меня подвести. Прытко скакала тройка фельд'егеря, будто он меня в Сибирь за какую вину везет, а все-таки к торжеству я опоздал. Да и не было никакого торжества...

Где, спрашиваю, пристал Суворов: в Таврическом? В Зимнем? Ступай, говорят, служивый, в Малую Коломну, на Крюков канал, дом графа Хвостова. Прихожу. Мостовая перед домом соломой устлана, чтобы колеса не гремели. Сразу я понял, в чем дело. Захожу со двора, спрашиваю, тихо: «Как?» «Помирает!»

Доложили про меня князю Италийскому графу Суворову-Рымникскому, Аркадию Александровичу. Велел меня до себя допустить. Обнял, поцеловал, заплакал. «Поминал,— говорит,— батюшка в бреду тебя, Кукушкин, в Геную звал, к синему морю. Нет его более в живых. Поди, поклонись ему».

Пал я на землю, как громом пораженный. Подхватили меня, внесли в комнату к Прохору Ивановичу. Очнулся я, Иван Сергеич тут же.

— Эка! Ослабел ты, Никифор! Гренадер, а как барыня в обморок упал!.. Срам! Что бы он сказал про такое дело?!

Мне и самому стыдно. Я молчу. Начали они меня разговаривать, рассказывают, что и как. Наговорили Павлу Петровичу на Суворова и то и это. Санкт-петербургский генерал-губернатор граф Пален, отявленный неприятель Суворова, прикинулся дурачком и спрашивает Павла:

— Не прикажете ли, государь, чтобы при встрече с Суворовым на улице все выходили из карет для приветствия, как это делается для особы вашего императорского величества?

Павел Петрович нахмурился. Отвечает:

— Как же, сударь: я сам, как встречу князя, выйду из кареты.

Ответил ловко, а сделал плохо. Капнул ему Пален купоросным маслом в самую душеньку.

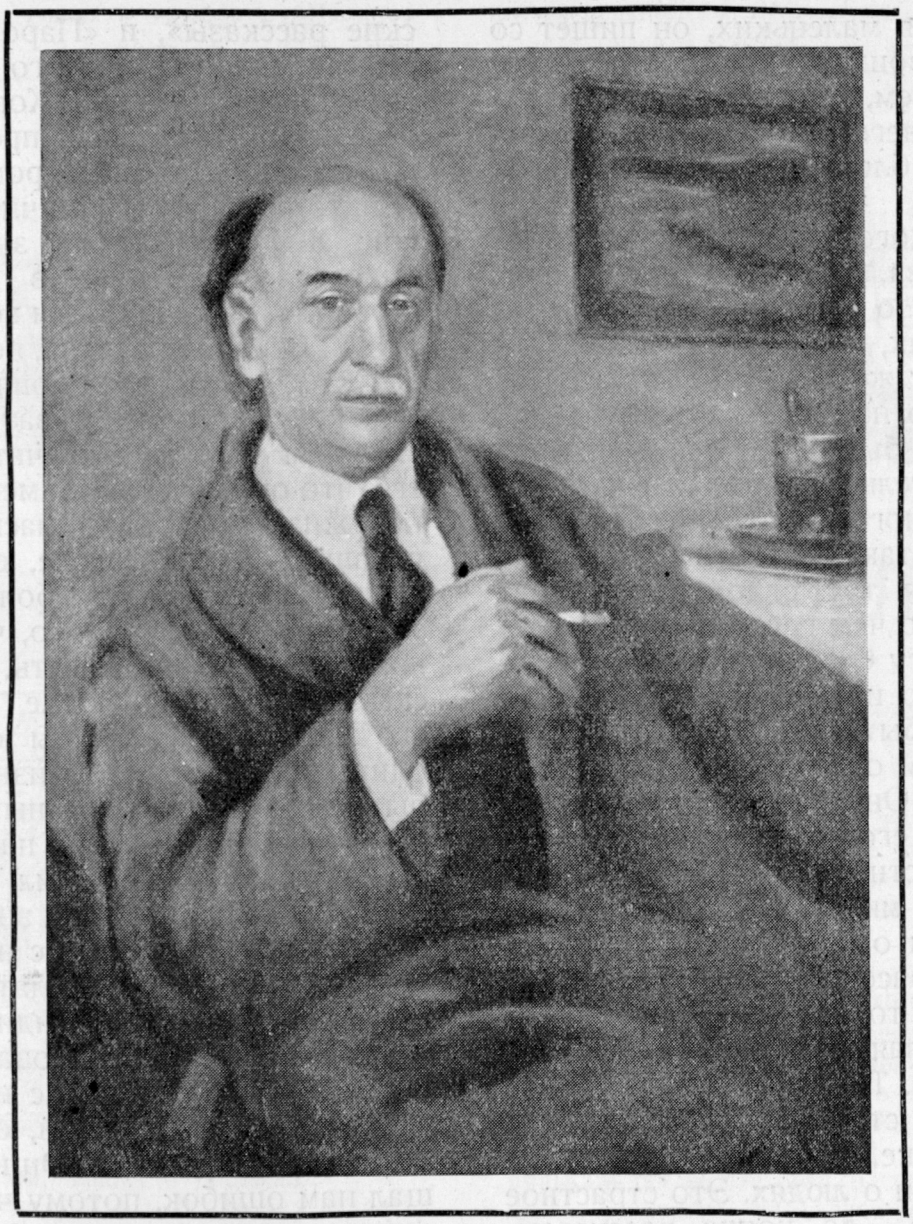
А тут покойник, не тем будь помянут, в остатный раз счудил. Узнал, какая ему приготовлена встреча, нарочно в Нарве задержался, чтоб в'ехать в столицу не утром, по церемониалу, а ночью. Уж так он привык на место к ночи приезжать. Прискакал из Нарвы фельд'егерь, доложил об этом царю. Павел Петрович велел весь церемониал отменить. И всамделе: не держать же гвардию с утра до ночи на улицах в ружье. Впрочем, ночи стояли уж светлые: месяц — май.

Ни на смертном одре, ни в гробу Суворова я не видал. И в похоронную процессию не пошел. Весь Петербург вышел на улицу, провожать Суворова к лавре Александра Невского. Павел Петрович выехал из замка на коне со свитой на угол Садовой улицы, когда процессия проходила, и снял шляпу перед гробом. «Жаль!»— говорит.

Похоронили Суворова. На могиле камень положили. Долго думали, что написать. Кто-то вспомнил, что он сам велел, и выбили на камне слова:

«Здесь лежит Суворов».

★ ★ ★



Борис Житков

Умер Борис Степанович Житков. Он был моряком, инженером-кораблестроителем, знал десятки ремесел, бывал во многих странах, и когда за его плечами была уже большая и интересная жизнь, он стал писателем. И в литературе он сразу стал мастером этого дела, как раньше был мастером множества дел.

Он стал детским писателем, но когда его спрашивали, для какого возраста он пишет, он обычно, с усмешкой глядя в лицо, отвечал: «От семи до семидесяти». И это не было неправдой: большинство его книг читают с интересом и самые маленькие ребята и взрослые люди. Когда настоящий, большой писатель пи-

шет для маленьких, он пишет со всем своим уменьем, со всем пониманием, со всем талантом, какой у него есть. Вещь тогда начинает блестеть и светит для всех вокруг.

Каждого, кто раскрывает книги Житкова, о чем бы в них ни говорилось: о людях, о животных, о машинах, о вещах, — всегда поражают живые слова, читаешь — и будто не читаешь, а слушаешь живую, быструю речь, слушаешь увлекательного рассказчика, неспокойного, волнующегося. Слова его так выразительны, будто он стоя тут рядом, показывает все то, о чем говорит.

Борису Степановичу все в жизни было интересно: ни к людям, ни к событиям, ни к явлениям, ни к вещам он не относился равнодушно. Он очень много знал, но знание его не было спокойным, бесстрастным знанием, какое бывает у многих к концу жизни. Если он о чем-нибудь рассказывал, а рассказывал он часто и о многом, то всегда страстно: переспрашивая, об'ясняя, чертя, показывая. Так он рассказывал и о далеких странах, и о машинах, и о скрипке, которую любил, и о книгах, и о людях. Это страстное желание — до конца рассказать то, о чем он знал, вложить в людей свое понимание и ощущение жизни — видно во всех его книгах.

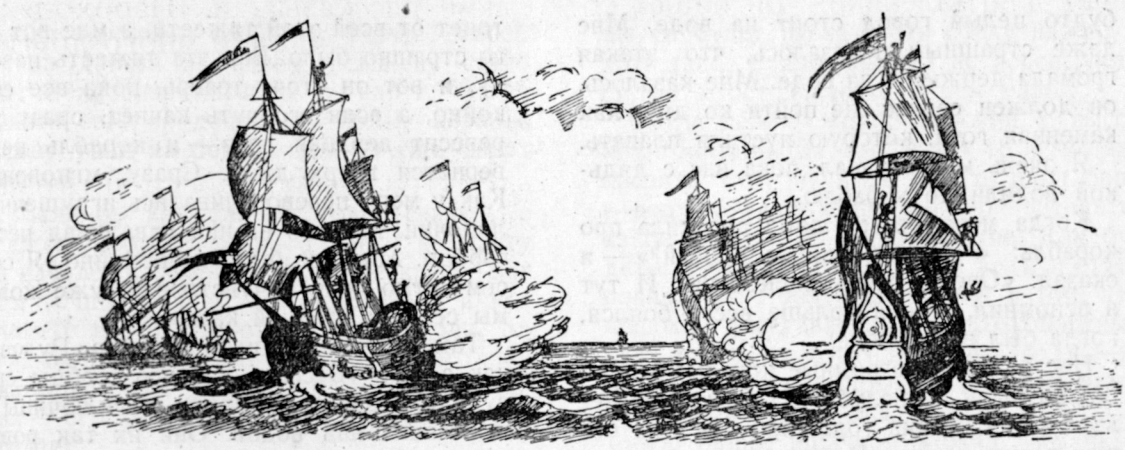
Борис Степанович написал много книг. Вы знаете их. Кто из ребят не читал Житкова? Когда вы были поменьше, вы читали и «Про слона» и «Про обезьянку», а в последние два—три года прочитали, должно быть, и «Морские рассказы», и «Пароход», и «Про эту книгу», и много других. Всех не перечислишь. Когда станете взрослыми, вам предстоит прочитать интересный роман его «Виктор Вавич». Среди читателей книг Житкова мы не знаем ни одного, кто, прочитав первую страницу, не дочитал бы всю книгу до конца и, прочитав, не пожалел бы, что она уже кончена.

И как больно сознавать всем, знавшим Житкова и читавшим его, что окончена его замечательная жизнь, что закрылась, оборвавшись на полуслове, его последняя книга, что мы больше не узнаем ничего из того, что он нам собирался рассказать. А рассказывать он мог еще много: его запасов хватило бы еще на одну писательскую жизнь. Он был полон замечательных мыслей и планов, и он мог нам дать еще больше, чем оставил.

Особенно тяжело нам, знавшим его лично, работавшим с ним рядом. Он помог и нам сделать журнал таким, каким вы видите его теперь. Наш старший товарищ и учитель, он многому нас научил. Строгий и придирчивый, он следил за нашей работой. Он не прощал нам ошибок, потому что понимал, как много значит печатное слово, слово, которое слышат сотни тысяч и миллионы читателей. И резкие его суждения и взыскательная его похвала были нам равно дороги.

Нам грустно и тяжело, что мы не увидим больше Бориса Степановича. Мы печатаем последнюю его работу, последние написанные им страницы, которые смерть не дала ему закончить.

* * *



История корабля

Борис Житков

Рис. Б. Синявского

Я жил у моря. В порту. Мне было 10 лет. Это было летом. Пришел мой дядька и из прихожей, не снимая шапки, закричал мне:

— Если хочешь военный корабль смотреть, сейчас же бери шапку и марш со мной!

Я схватил шапку и побежал.

Военные суда я видал только издалека. Они в порт никогда не входили. Они совсем не такие были, как обыкновенные пароходы, что возят груз. В них какие-то постройки поднимались горкой вверх в середине. Там стояли дымовые трубы. А спереди и сзади из этой горки надстроек торчали как длинные пальцы пушки. Все мальчишки говорили, что это двенадцатидюймовые орудия. Я тоже повторял как дурак. Говорил «орудие» и говорил «двенадцатидюймовое». А почему не пушка, а орудие и что там двенадцатидюймового, это я ничего не понимал. Твердил я это для важности, потому что после этого надо было поднимать кулак и говорить: «Ка-ак ахнет!»

Когда мы с дядькой шли к пристани, я хотел ему похвастаться, что кой-чего уж понимаю, показал рукой, где стояли военные корабли, поднял кулак и сказал:

— Эх, двенадцатидюймовая, ка-ак ахнет!

О том, что было потом, я говорить не хочу, потому что очень плохо вышло.

Дядька ухмыльнулся, на меня скосился и стал меня спрашивать, почему это двенадцатидюймовая, и как это она ахнет. Было очень плохо еще потому, что везли нас на корабль на военной шлюпке. А дядька и там не отставал. Штатские были мы с дядькой да какой-то старик. Остальные кругом все были моряки: гребли матросы, а правил шлюпкой молодой офицер. И дядька нарочно при всех громко расспрашивает:

— Ну, а что же в ней двенадцатидюймового, в этой пушке-то? Ты же говорил: «Двенадцатидюймовая-то ахнет».

Все стали смеяться. А я хотел совсем из лодки выпрыгнуть и лучше вплавь на берег плыть, чем так ехать.

Но все-таки до корабля меня довезли, и когда я стал его видеть все ближе и ближе, я уже не слушал, как дядька подтрунивает.

Военный корабль вблизи показался мне таким громадным. И не то, что дом, а как

будто целый город стоит на воде. Мне даже страшным показалось, что этакая громада держится на воде. Мне казалось, он должен сейчас же пойти ко дну, как каменная гора, которую пустили плавать.

Я очень много узнал, пока нас с дядькой водили по кораблю.

Когда меня сестра дома спросила про корабль: «Что же он, железный?» — я сказал: «Очень, очень железный». И тут я вспомнил, чего я больше всего боялся, когда был на корабле.

Нас водили в огромные круглые башни. Башни были на палубе. Их стены из железа в два кулака толщиной. Из этих башен торчат пушки. Вот это-то самые двенадцатидюймовые орудия. Они тяжеленные, потому что дула у них двенадцать дюймов в поперечнике, торчат они из башни, длинней чем телеграфный столб. Одна такая башня на корабле впереди, другая сзади. Экая тяжесть! Мне сказали, что палуба тоже железная. Она из железных плит толщиной в руку. А сверху эти деревянные дощечки, только так, чтоб ходить лучше было. А по бортам, от верху до самой воды, идут у корабля железные плиты такой толщины, что могла бы лечь моя фуражка и козырек не высунулся бы. Я, конечно, понимал, что корабль не утонет из-за всего этого, что он как большое железное корыто. Вон в корыто сколько кирпичей нагрузить можно и то не потонет. Нет, я уж как-то перестал бояться, что корабль потонет от всего этого, я не того боялся, что корабль потонет от всей этой тяжести, а мне вот чего страшно было. Вся эта тяжесть наверху, и вот он стоит теперь, пока все спокойно, а если его чуть качнет, сразу перевесит верхний груз — и корабль перевернется вверх дном. Сразу, мгновенно. Как у меня переворачивались игрушечные лодочки, когда я на них наваливал песок горбом. Мне все было неспокойно. Я совсем легко себя почувствовал, уже когда мы сели на гребной катер.

Там сидело двадцать гребцов. Рулевой как сказал «Весла!», так все гребцы сразу взяли весла, вставили в уключины и выставили над водой. Они их так ровно держали, как будто две гребенки выросли по бокам нашей шлюпки. А потом рулевой сказал: «На воду!» — и все матросы, как один, занесли весла и сунули их в воду. Они их враз опускали и вынимали. Весла вспыхивали на солнце, как будто вспыхивал и гаснул огонь. Я очень много узнал за этот день. Не за день даже, а за те три часа, что пробыл на военном корабле. Мне стало смешно и стыдно, как это я ничего не знал, а только кулак поднимал: «Да ка-ак ахнет!»

Я уже совсем засыпал в постели и думал, как это завтра я буду всем мальчишкам рассказывать про корабль и расскажу все, что мне говорили: почему двенадцатидюймовая и как дошли, чтобы толщенными броневыми плитами борта загораживать. И тут вдруг увидал, что я почти все забыл, что мне говорили моряки. А что я запомнил, так того я не понимал.

И вот с тех пор я стал узнавать, я стал отыскивать книжки, рисунки, картинки, непременно, чтобы про корабли, про корабли.

И вот, что я узнал с тех пор, и постараюсь здесь рассказать. Я сам, только когда вырос большой, понял, почему не переворачивается военный корабль, несмотря на то что так много у него нагружено наверху.

И мне сейчас вовсе не смешно, что я тогда мальчишкой боялся, чтобы не опрокинулся вверх дном броненосец.

Я все-таки тогда на берегу спросил дядьку: «Не может ли корабль перевернуться?» Дядька сказал: «Чего б это ему переворачиваться? Не так он строен, чтоб ему переворачиваться».

Но потом я узнал, что это неправда, что корабль может перевернуться. Всякий. И военный тоже, если бы пришел великан, подошел бы в воде к кораблю, упер бы пальцем в мачту и стал бы корабль наклонять. Моряки говорят: «Кренить». Сначала великану было бы легко кренить корабль. Но чем больше бы он кренил корабль, тем сильнее старался бы корабль выпрямиться. И мачта сильней давила бы великану на палец. И вот когда мачта стоит так, как часовая стрелка, когда на часах половина второго, великан вдруг почувствует, что сопротивление ко-

рабля начинает слабнуть. Мачта слабей стала давить на палец, великану стало легче кренить корабль, и вдруг, когда мачта еще не дошла до воды, корабль сразу упал на бок. А вот он уже вверх килем!

Если бы великан мог точно сказать, с силой скольких тонн он давил на мачту в начале, в середине, в конце крена, мог бы точно сказать, как возрастало и как падало потом сопротивление корабля, тогда бы мы могли записать, до какого крена возрастает это сопротивление корабля — его остойчивость, и как потом она падает.

Сто лет тому назад жил в Англии знаменитый корабельный инженер Джон Рид. Он для каждого корабля делал чертеж, где видно было, как растет и падает остойчивость при крене.

На его чертежах показано, с какой силой корабль сопротивляется крену. Вот когда его положат на пятьдесят градусов, это значит — он с наибольшей силой старается выпрямиться и встать ровно. Но в шестьдесят градусов уже нет никакой силы у корабля сопротивляться крену. Это значит, что если довести его до этого наклона, то он без сопротивления опрокинется, ляжет мачтами на воду или вовсе перевернется. Эта линия начерчена для каждого корабля, ее знает всякий капитан, она называется **диаграмма Рида.**

И на том броненосце, где я был с дядькой, конечно, была у командира диаграмма Рида. И он знал, при каком наклоне его броненосец уже не будет сопротивляться крену, не будет больше стараться выровняться, а опрокинется как сраженный на смерть.

Конечно, командир знал, что ни при какой волне его не покренит так здесь, в Черном море. И командир был спокоен, хоть огромные тяжести были нагружены вверху корабля.

Но какой же корабль устойчивее: узкий и острый с тяжестью на самой глубине или широкий как лоханка? Узкий и острый с тяжестью внизу, ведь он как доска, которой на ребро надели свинцовую шину да так и пустили плавать. Доска, конечно, наполовину загрузнет и будет торчать из воды как забор. Вы ее никогда не перевернете, она будет вставать как ванька-встанька. Но и болтаться же она будет тоже как ванька-встанька от малейшего толчка. От ничтожной причины ее будет раскачивать сбоку набок, и хоть такое судно никогда не перевернется, но и остойчивости в нем мало.

То ли дело — ящик: широкий, с высокими бортами. Да, его не так-то легко накренить. Если начнешь пихать один борт в воду, будешь стараться его притопить, какое он окажет сопротивление! Как будет стараться он вылезть из воды и стать ровно, как стоял прежде. Вот в том, что широко расставленные высокобортные края ящика не хотят идти под воду, — в этом и вся сила остойчивости широкого высокобортного судна. Это не доска, которую одним щелчком можно раскачать, и она будет качаться как маятник. Нет, как только вы пустите ящик, он сейчас же выпрямится. И разве разок—другой покачнется и сейчас же станет на воде прочно, будто он стоит на земле.

Ящику вовсе не требуется свинцовый груз под водой. Он и без всякого груза крепко стоит на воде. На таком ящике можно посредине нагородить целую башню со всякими тяжестями, и от этого широкому ящику горя мало, лишь бы не пошли борта под воду. А там, сделай милость, раскачивай — не перевернусь!

Я вспомнил, что броненосец, куда мы с дядькой ходили, был здорово широкий. Я потом смотрел его чертеж. Он прямо как лоханка.

Но как же люди плавали по морям, когда еще никакого Рида не было и никто не знал, как наперед подсчитать, чтобы корабль не перевернулся? А ведь ходили! Вон Колумб переплыл океан на своей «Санта-Мария». Если бы теперь такое судно вздумало взять отход за океан, его не выпустили бы ни из одного порта в мире. Нет, я вру! Именно как раз такому судну, в точности как «Санта-Мария», дали отход, чтобы переплыть океан из Европы в Америку. Это в 1898 году, когда праздновали 400-летие открытия Америки. Сделали точную копию колумбова корабля. Люди сели и повторили первое колумбово плавание. Да, только эти «Колумбы» плыли с нянькой: большой океанский пароход шел рядом на случай, чтобы чего не случилось. По счастью, все прошло гладко, и наши «Колумбы» открыли Америку второй раз.

Но когда в 1498 году Колумб плыл открытым морем все на запад и на запад, ни он сам, ни команда не боялись, что их судно перевернется. Они боялись другого: им было страшно, что там земля кончится

и что там вода прямо с краю, водопадом срывается в бездну, что туда идет сильный ток, он тем сильнее, чем ближе к краю. Туда затянет корабль с неудержимой силой, и от той погибели не уйти на парусах. И не спасет никакой якорь.

Того хуже: можно было увидать в книгах, в работах почтенных, страшные рисунки. На одном рисунке было точно показано, как из-за горизонта поднимается страшная рука гиганта. Уже издали до полнеба поднимаются длинные пальцы с длинными на концах когтями. Такая рука может, как муху, накрыть и раздавить корабль. А сирены? В них твердо верили тогдашние люди. Вой ночного ветра в снастях, светящаяся пена южных волн, как все это обманывало испуганный глаз и ухо! Вой ветра в снастях казался пением. Откуда оно? И белые барашки зыбей на ночном море казались белыми телами русалок-сирен. Ага! Они-то и воют. И уж пошли рассказы, что кто-то погибал в море, один или вдвоем, на обломках корабля. Их спасли. И они рассказали, божась и крестясь, что видели днем, как поднялся из моря целый хоровод сирен, днем, в тихую погоду. И они пели чудными голосами. Манили к себе в воду. Погибавшие рассказывали, что если бы они не закрыли друг другу глаза и уши, то они оба бросились бы в море.

А вы думаете они не видали этих сирен, не слыхали их пения? Я много слышал рассказов людей, погибавших в море, людей, на шлюпке, без воды и пищи скитавшихся по десять, по пятнадцать дней, когда погибали товарищ за товарищем и последние, оставшиеся в живых, уже бывали не в силах выбрасывать покойников за борт. Оставшиеся в живых передавали страшные рассказы, они передавали видения и бред своих товарищей. Люди погибали, выбились из сил, они устали погибать. Но неугасимая надежда на спасение, она-то и вызывала видения и бред. Одному казалось, что вот «чухает» мотор, вот прямо им навстречу несется полным ходом спасательный бот. Погибающий в бреду кричит рулевому охрипшим голосом, но что есть мочи: «Право! Право! Держи право!» — а сам ловит руками невидимый канат, который как будто ему бросают спасатели. Если бы этот человек остался жить, он, наверное, рассказывал бы, что к ним подходил спасательный бот, сказал бы даже какой нации и что бросали канат, а дурак-рулевой не взял вправо, сколько он ему ни кричал.

Рассказывал один полярный моряк: их спаслось на шлюпке двое из восьми. Он наслушался этого предсмертного бреда товарищей, и когда за ним действительно стал «чухать» мотор норвежского рыбачьего бота, он не оглянулся. Он подумал: «Эге, вот уж и мне начинает казаться!» Он плохо еще верил, когда и он и товарищ увидели рядом догнавших их норвежских рыбаков. Он боялся, что ему чудится то, что он знает, во что верит, что может быть.

И чего удивляться, что старинным людям чудилось то, во что они твердо верили?

Еще не так давно пропала вера в морскую змею. То тот, то другой моряк или пассажир океанского парохода сообщал, что видел ясно в бинокль, другие говорили, что простым глазом, совсем близко, видели громадную змею, раза в полтора длиннее парохода. Змея плыла по морю, подняв высоко из воды голову, страшную, зубатую. На пароходе хотели стрелять, да не было пушки.

А во времена Колумба вы никого не разуверили бы, что есть морской человек, что он живет и растет в море и что там, на дне, есть морская собака, она как рыба, только на четырех лапах и со страшными зубами. Четырьмя лапами она бегает по дну, а рыбьим хвостом поддает себе ходу.

Вот всех этих страстей и боялись колумбовы люди, а вовсе не того, что их может опрокинуть ветром, положить парусами на воду.

Паруса на колумбовой каравелле были совсем не высоки, и центр напора ветра приходился совсем низко. Кроме того при тогдашней оснастке кораблей мореходы не ходили боковыми ветрами, а всегда так, чтобы ветер дул хоть немножечко сзади. А если он дул уж совсем сбоку, когда опаснее всего опрокинуться, то рулевой поворачивал судно так, чтобы все-таки идти немножко по ветру. Конечно, за погодой зорко следили, парусов было мало, и спустить их можно было в один миг, если бы налетела буря.

А уж в этом деле — подследить погоду, направить судно, чтобы меньше заливало волной да чтобы не валил ветер — ох! — в этом деле давно уже люди понаторели. И к колумбову времени уж столько было опытных специалистов парусного

хождения, что их на Средиземном море, наверное, не меньше было чем в Москве шоферов

Вот смотрите: несколько лет тому назад в Средиземном море работали подводники. И вдруг водолазы наткнулись на остатки древнего корабля. Он затонул на неглубоком месте, куда еще могли спускаться водолазы. Водолазы сообщили наверх, наверху решили непременно достать. Достать эту древность, которую море так добросовестно сберегало нам до наших дней.

Теперь не сломать бы, как будем доставать!

Достали со всей осторожностью, и что же? Ученые сказали, что этому судну две с половиной тысячи лет. Все тщательно очистили, обмыли. Они сказали, что это судно финикийское, что плавало оно между Тиром и Карфагеном, принадлежало оно торговой компании «Бр. Кукис» и что сейчас оно везло тридцать мехов карфагенского вина.

Ученых спросили:

— Позвольте, вы говорите сейчас?

— Фу,—сказали ученые в один голос,— ведь вот мы нашли росписи и записи, по которым был сдан на судно груз. Это уж совсем как теперешняя бухгалтерия. Все это так похоже на наш сегодняшний день. Вот мы и сказали «сейчас».

Две с половиной тысячи лет назад уже существовала контора по морской перевозке грузов! Значит, отвечали за целость. А от Карфагена до Тира не ближний путь. Это и в наше время не парусник, а грузовой пароход прошлепает недели полторы.

Этому кораблю не удалось доплыть. Но ведь и нынче бывают несчастья, а в прежнее время, кроме бурь, туманов и подводных скал, была опасность и от людей... Ведет кормчий хозяйское судно. Хитро ведет. Он знает, когда бывает под берегом и где, когда скорей найдешь ветер в море. В надежных гаванях, на тяжелых якорях он отстаивается, выжидает, пока продуют противные ветры. Он жалеет силы гребцов: они понадобятся, чтобы из штилевой полосы добраться к ветру или чтобы подгрестись к берегу, когда с гор начинает задувать штормовой ветер. Но вот он идет тихим ветром мимо скалистых отвесных берегов. Он глядит на берег, но видит на фоне скал небольшие лодки с большими веслами. Он заметил, когда они уже сорвались, гребут во всю мочь и идут напересечку. Он их увидел тогда, когда высокая гора совсем закрыла ему ветер и паруса безжизненно повисли как большие тряпки. Капитан уже видит, как блестят на лодках щиты, как блещут огоньками острия копий.

— Весла! Весла!— командует кормчий.

— Горе нам!—шепчет брат хозяина.

Ему доверили сопровождать груз. Он даже подумал, не уговорился ли капитан с этими разбойниками. Зачем он так близко подошел к берегу? Зачем он залез в такое место, где нет ветра? Хозяйский брат спускается к гребцам, он кричит на них, бьет, чтобы гребли сильней. Он кричит капитану, чтобы правил прямо в море. Капитан сам давно уже направил судно носом от берега, он приказал спустить паруса, чтобы не мешали движению судна.

Но разбойники на легких лодках летят по гладкой воде, кажется едва ее задевая.

Эге! Да они с двух сторон охватывают судно! Теперь и они летят прямо в море. Один их ряд справа, другой — слева от корабля, но они смыкаются ближе, ближе. Кто раньше устанет: гребцы на тяжелом корабле или на легких лодках? Вот уже слева полетела первая стрела, пущенная пиратом с передней лодки. Она ударилась, вонзилась в борт и остановилась дрожа. На корабле тоже есть лучники, на корабле есть охрана. Они ответили десятками стрел с борта. Но вот и справа полетели стрелы. Это справа, совсем близко подступили пираты.

— Всем направо!—закричал капитан.

Хозяйский брат тоже что-то кричит, мечется, но никто его не слушает. Он схватил копье, метательный дротик, и бросил его в пиратов. Но дротик упал в двух шагах от корабля. Показалось, что он бросил его за борт.

Гребцы внизу не знали, что сделают с ними пираты, если захватят судно. Может быть, они потопят их вместе с кораблем за то, что они так сильно гребли и долго

не давались. Они все были рабы, никто не будет выкупать их, и пираты их, может быть, возьмут, чтобы перепродать хоть за низкую плату. И гребцы не знали, что делать. Они то гребли со всей силой, то их одолевали усталость и сомнение, и они опять гребли тише.

Вдруг к ним спустился капитан и сказал два слова. Гребцы навалились на весла так, что пена взбурлила перед носом корабля. Казалось, вон из воды хочет вырваться корабль и взлететь на воздух. Весла трещали и гнулись. Казалось, сейчас лопнут. Капитан впереди видит черную полосу на воде. Он знал, что туда лег ветер, это от мелкой ряби почернело глянцевитое море. Там не затеняет гора, там он подымет паруса, и тогда пусть-ка гонятся за ним пираты на веслах! Ветер, небось, не устанет! Но надо дойти туда раньше, чем схватят пираты.

Капитан вытащил мешок круглых, отборных камней к себе на корму. Он закладывал их в ременный пояс и, раскрутив в руке, швырял их с этой пращи в ближние лодки.

Капитан с детства был мастером этого дела. Он кидал камни из пращи лучше чем солдат-пращник. Поэтому он надеялся не только попасть в пиратскую лодку, но целил там самому высокому воину в башку. С третьего камня он угодил ему в локоть. Воин бросил лук, схватился за локоть, повернулся два раза на месте и сел на дно лодки. Капитану это поддало духу, и он сбил еще двоих пиратов. Капитан кричал, чтобы только в эту первую лодку и метили с его корабля, кто из лука стрелой, кто метательным копьем. Лодка как будто приостановилась, задумалась. Вторая стала обгонять ее. С левой стороны летели стрелы с пиратских лодок. Теперь они полетели вдруг густо. Капитан хотел поглядеть налево, но он увидел, что его рулевой убит: ему в шею попала стрела. Капитан сам схватил веревки от рулей: от двух больших весел, которые спускались с кормы справа и слева. Теперь не к чему было глядеть ему налево: снизу, с воды, крики доносились так громко и ясно пираты близко, они сейчас настигнут. С корабля перестали стрелять, видно, все потеряли надежду.

Брат хозяина держал в руке короткий меч, он им размахивал, направляя себе в сердце, и каждый раз останавливался и только слегка касался мечом своей груди. Но каждый раз он пронзительно вскрикивал: «А! А!». На него никто уже не оглядывался.

Капитан давно уже делал какие-то знаки матросам. Он махал им руками. Они его понимали без слов. И вот теперь капитан на минуту освободил свою руку от веревок рулей, он вскинул ее вверх, матросы поняли. Они мигом растянули парус. Он раздулся пузырем: корабль был уже в полосе ветра. Гребцы, не щадя сил, вынесли корабль из безветрия. Двое гребцов упали со своих лавок, бросив свои весла. Может быть, они умерли от натуги. Сейчас было не до них.

Теперь корабль шел на парусах и на веслах. С пиратских лодок завизжали, когда увидали поднятый парус. Пираты налегали во всю мочь. С корабля было видно, как воины били гребцов. Но через минуту корабль был уже в полосе сильного ветра. Всем стало ясно, что погоня не удалась. Пиратские стрелы уже не долетали, они их пускали с досады, в надежде, что донесет ветер. Капитан велел прекратить греблю. Он велел матросу разносить гребцам вино и воду, сколько хотят. Убирали раненых, их было семь человек. Убит был один рулевой. Два гребца так и не пришли в себя: они умерли с натуги, от разрыва сердца.

Корабль спокойно шел попутным ветром, удаляясь от страшного берега. Два матроса сменили капитана у рулей. Брат хозяина совсем изнемогал от пережитого страха. Он лег щекой на плечо капитана:

— Какое счастье! Спас бог Мардук.

— Не Мардук, а гребцы, — сказал капитан. — Я обещал им свободу за наше спасение.

— Как это?—сказал брат хозяина. Он перестал всхлипывать, отшатнулся и испуганно глядел на капитана.— Ведь не ты их покупал! Или ты обещаешь их выкупить?

— Они себя выкупили: спасли корабль, — сказал капитан. — А на всякий случай меньше разговаривай, потому что я приказал освободить их ноги от оков.

Брат хозяина нахмурился и глядел капитану в глаза.

— Торговаться не приходится,—сказал капитан. — Ты бы лучше радовался, что остался цел. А то продали бы тебя пираты... в гребцы. И пахал бы ты тяжеленным веслом. Ты знаешь: их двое умерло сейчас за свою свободу, спасая тебя и твое добро.

И капитан пошел к гребцам.

Чем заняться

В январе 1939 года исполняется 15 лет со дня смерти незабвенного учителя трудящихся — Владимира Ильича Ленина. В этом номере журнала мы даем несколько советов звеньям и отрядам, как подготовиться к этой годовщине.

На общее дело

Владимир Ильич говорил молодежи: «Надо, чтоб союз коммунистической молодежи воспитывал всех с молодых лет, с двенадцати лет, в сознательном и дисциплинированном труде». Он призывал молодежь «вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело», чтобы «каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую».

Накануне выборов в Верховный Совет РСФСР пионерам Кировского завода в Ленинграде поручили пойти в общежития к строителям и раздать им билеты на вечер.

Побывав в общежитии, ребята заметили, что по вечерам рабочим нечем бывает заполнить свой досуг: нет в общежитии ни игр, ни книжек.

Тогда ребята выточили в школьных мастерских шашки, сделали домино, раскрасили доски и через несколько дней принесли их в общежитие. Рабочие были очень довольны.

Потом пионеры сговорились с заводской библиотекой и получили для общежития передвижку. Два раза в шестидневку ребята поочереди ходили к строителям, забирали прочитанные книги и выдавали новые.

Пионеры Кировского завода внесли свой труд, свои силы на общее дело.

Ленинскую годовщину каждое звено, каждый отряд должны встретить посильной работой на общее дело. Это могут быть, как говорил Ильич, самые простые, небольшие как будто дела. Одни научат неграмотного читать и писать, другие смастерят игрушки для детского сада и подарят их малышам, третьи разобьют во дворе площадки для игр.

Оглянитесь вокруг себя, и вы увидите, как много возможностей есть у каждого звена, у каждого отряда применить свои силы, свои знания и уменье для общего дела.

Прочтите на сборе

Много писем Владимира Ильича напечатано в сборнике «Письма к родным». Каждое из этих писем интересно, каждое рассказывает нам о живом Ильиче, о его характере, о его отношении к людям, о его жизни и работе.

На этой страничке напечатаны отрывки из двух писем. Они относятся к тому времени, когда Владимир Ильич находился в ссылке в Восточной Сибири, в селе Шушенском.

Письма адресованы матери Владимира Ильича Марии Александровне Ульяновой и сестре его Марии Ильиничне.

Письма Ленина к родным

Из письма В. И. Ленина к М. А. и М. И. Ульяновым

(31) 19/X (18) 97 *(село Шушенское)*

...Живу я по прежнему, тихо и безмятежно. Погода приходит зимняя, давно уже мы закупорились за двойными рамами, топим печи и т. д. Впрочем, большие холода еще впереди, а до сих пор преобладали (дни) осенние деньки, когда можно с удовольствием пошляться с ружьем по лесу. Я и зимой, вероятно, не оставлю этого занятия. Зимняя охота, напр., на зайцев — не менее интересна, чем летняя, и я отношу ее к существенным преимуществам деревни.

В первой половине месяца получаю обыкновенно журналы. Теперь читаю с интересом сентябрьские книжки. Вскоре рассчитываю получить известие от редакции насчет посланной туда статьи. Если статья будет принята, то я опять выпишу себе несколько журналов — сделаю это уж лучше через ту же редакцию, чтобы не вышло опять какой-нибудь путаницы и двойных экземпляров.

Поджидаю известий о приезде Анюты, Марка и Мити [1].

Твой В. У.

Из письма В. И. Ленина к М. А. Ульяновой

(19) 7/II (18) 98 *(село Шушенское)*

Получил я вчера, дорогая мамочка, письма твое и всех наших от (3-4/II) 22-23/I и очень был рад им, и за все поздравления шлю благодарность. Я так и думал, конечно, что вы будете писать Надежде Константиновне и звать ее заехать к себе: надо надеяться, что это-то ей разрешат. Ну, а насчет перевода в Шушу до сих пор я еще ничего не знаю: она все пишет только «на-днях» решится, и дело все тянется. Впрочем, теперь-то уж, наверное, недолго ждать окончательного решения.

Насчет посылки с Н. К.— я думаю, что книгами надо ее нагрузить поосновательнее, ибо неизвестно, будет ли летом оказия. Маняша вот за границу собирается (и это, конечно, немножечко более интересно, чем Шушу и сибирские комары), а вы, вероятно, с Митей направитесь в Кокушкино... Нехорошо это, что у него уже за 2½ месяца одутловатость какая-то успела появиться. Во 1-х, соблюдает ли он диэту в тюрьме? Поди, нет. А там, по-моему, это необходимо. А во 2-х, занимается ли гимнастикой? Тоже, вероятно, нет. Тоже необходимо. Я, по крайней мере, по своему опыту скажу, что с большим удовольствием и пользой занимался к а ж д ы й д е н ь на сон грядущий гимнастикой. Разомнешься, бывало, так, что согреешься даже в самые сильные холода, когда камера выстыла вся, и спишь после того куда лучше. Могу порекомендовать ему и довольно удобный гимнастический прием (хотя и смехотворный) — 50 земных поклонов. Я себе как раз такой урок назначал — и не смущался тем, что надзиратель, подсматривая в (щель) окошечко, диву дается, откуда это вдруг такая набожность в человеке, который ни разу не пожелал побывать в предварилкинской церкви! Но только чтобы не меньше 50 подряд и чтобы не сгибая ног доставать рукой каждый раз об пол — так ему и написать. А то ведь эти врачи большею частью рассуждать только умеют о гигиене...

[1] Анюта — сестра Ленина, Анна Ильинична, Марк — ее муж, М. Т. Елизаров, Митя — брат Владимира Ильича, Дмитрий Ильич Ульянов.

Ленинский уголок

К годовщине каждый отряд может устроить в своем классе ленинский уголок.

Здесь нарисован самый простой вид классного ленинского уголка. Совсем не нужно всем отрядам именно так строить свои ленинские уголки. Придумайте, как сделать уголок еще красивей, интересней, привлекательней.

1. Плоский флаг из фанеры или картона выкрашен или обтянут красной материей.

На флаге портреты товарищей Ленина и Сталина в профиль лучше всего вырезать из какого-либо плаката.

2. Конусообразный щит с фотографиями на тему «Ленин и Сталин».

3. Фотографии и рисунки, освещающие жизнь Ленина в дореволюционный период.

4. Фотографии и рисунки, освещающие работу Ленина в период Великой Октябрьской Социалистической революции и в послереволюционный период.

5. Небольшая деревянная полочка, к ней приклеены вырезанные из картона черные силуэты людей, изображающие революционеров, отправляемых царским правительством на каторгу.

6. Небольшая деревянная полочка, к ней приклеены вырезанные из картона черные силуэты красногвардейцев, борющихся на баррикаде в октябре 1917 года.

7. Модель шалаша, в котором скрывался В. И. Ленин в Разливе в 1917 году.

8. Модель кремлевской стены и мавзолея В. И. Ленина в Москве, на Красной площади.

9. Карта, на которой показан жизненный путь Ильича. Красная нить начинается в Симбирске, где родился Ленин, тянется к Казани, где он учился, и дальше проходит через все места, где жил Ленин.

10. Полочка для книг и брошюр о В. И. Ленине.

Загадка острова Пасхи

В. Сафонов

В апреле 1722 года экипаж трех кораблей голландца Роггевена неожиданно увидел в самой пустынной части Тихого океана неведомый остров. Был он странным и неприютным, весь в черных базальтовых крутизнах, над которыми высились обнаженные остроконечные вершины гор.

Остров казался почти безлюдным. Высадившись в бухте на восточной стороне, мореплаватели встретили только несколько десятков полуголых туземцев.

Но высоко над бухтой, на отвесных скалах, о которые, грохоча, разбивался прибой, стояли колоссальные статуи. Гримасничали черные каменные лица, какие-то фигуры великанов валялись ничком на каменной площадке, другие словно приседали, третьи — высотой с пятиэтажный дом — вытягивались во весь исполинский рост, и сама скала прогибалась под их чудовищной тяжестью.

Их были десятки, даже сотни. Казалось, что их больше чем живых людей. Туземцы с ужасом отказывались подыматься на утесы, где стояли исполины. Да и было ясно, что если бы все они, бедные полуголые обитатели острова, собрались вместе, то и тогда они не смогли бы даже пошевельнуть самую маленькую из статуй.

Подымался шторм, и голландцы, махнув рукой, отплыли прочь от странного острова с его загадочным каменным населением, окрестив его островом Пасхи.

Прошло полвека. Буря снова забросила сюда знаменитого мореплавателя Джемса Кука. С ним был толмач таитянин по имени Гири-Гири.

— Как вы называете эту вашу каменную груду? — спросил Кук через толмача жителей острова Пасхи.

И тут он услышал непонятный ответ:

— Тепито-те-Хенуа. Центр мира.

— Кто высек и поставил этих истуканов? — спросил снова Кук.

Но туземцы в страхе закрыли лица руками. Они ничего не знали о том, откуда взялись базальтовые колоссы. Они об'яснили только, что их породил дьявол, а, может быть, они и сами были дьяволами.

И вот уже 200 лет люди ломают головы над загадкой острова Пасхи. Что обозначают гигантские каменные изображения? Как попало племя базальтовых великанов на пустынные утесы отрезанного от всего мира островка? Кто, какая сила, какая техника могли создать их? И почему эта сожженная солнцем глыба, заброшенная где-то посреди Тихого океана, называется «центром мира»?

Все это казалось необ'яснимым. Но тем более разжигал фантазию романистов самый таинственный остров на земле. Француз Арманди написал длинный роман, где рассказана запутанная и мрачная история. На острове Пасхи были скрыты сказочные сокровища властителей древнего Перу — инков,— те самые, которыми хотел откупиться последний инка Атахуальпа, взятый в плен в XVI веке испанским завоевателем Пизарро. Перуанцы, построившие у себя на родине циклопические храмы Солнца, воздвигли и гигантские статуи на острове. Россыпи драгоценных камней, груды золотых слитков хранятся где-то в недрах острова, вблизи жерла вулкана, извержение которого когда-то подняло базальтовую скалу из вод океана. Там, в подземелье, живет прекрасная девушка, последний потомок инков, и старик, хранитель древних тайн, стережет ее и сокровища.

Когда же европейцы проходят в подземелье, старик-жрец открывает дорогу морской воде, она касается раскаленной лавы, и страшный вулканический взрыв уничтожает остров и его тайну.

Так кончается роман.

Но удивительнее всего, что остров Пасхи в самом деле исчез. Да, так-таки попросту исчез. Лет десять назад газеты всего мира облетело известие, что острова Пасхи—Истер-ай-ленда, как его называют англичане, или Рапа-Нюи, как он обозначен на некоторых картах, более нет на свете. И никто не знает, куда он девался.

Что поделаешь, от этого таинственного

острова всегда следовало ждать каких-нибудь сюрпризов! Географы погоревали и уже готовились снова закрасить место, где был остров, синей краской, как вдруг выяснилось, что остров Пасхи существует как ни в чем не бывало. Оказалось, какой-то капитан не нашел его в тумане и поспешил оповестить, что остров исчез.

Итак, колоссы острова Пасхи попрежнему ждут об'яснения. И вот одна из самых недавних догадок.

На остров, населенный полинезийцами, пришел другой народ — смелые и воинственные мореплаватели-меланезийцы, остатки которых и сейчас живут кое-где на островах Тихого океана. Было это очень давно — примерно в XI веке. Пришельцы поработили население острова. Коренные туземцы хоронили своих мертвецов в пещерах. Меланезийцы зарывали мертвых в могилы, а над ними ставили статуи-памятники: чем важнее мертвец, тем больше статуя.

И, как египтяне, они строили свои колоссальные статуи с помощью людской, рабской силы.

Для этого было нужно очень много народу: десятки тысяч — для самых больших статуй, быть может, до 40 тысяч человек. Но как они могли поместиться на крошечном островке?

Никто не знает, что означают эти гигантские изображения, высеченные из камня. Некоторые статуи достигают высоты 12 метров и весят 60 тонн.

И вот некоторые географы предполагают, что вокруг острова Пасхи раскидывался тогда целый архипелаг островов, больших, густо населенных. А неприступный Тепито-те-хенуа был их столицей, в самом деле,— «центром» этого затерянного в океане «мира». Но вулканические извержения, некогда создавшие этот архипелаг, сложенный из туфов и базальтов, постепенно и уничтожили его.

Полинезийцы восстали и сбросили завоевателей. Но их осталось мало, и они забыли, как предки их строили каменные колоссы. Это произошло много веков назад. Некоторые статуи так и брошены незаконченными.

Только меланезийские корни в странном наречии туземцев-полинезийцев свидетельствуют о прошлой бурной и кровавой истории тихого теперь острова.

Так ли было все это? Или это такая же фантазия, как и роман Арманди?

История тихоокеанских островов почти не знает письменных документов. Она немая.

Но базальтовые гиганты на острове Пасхи говорят во всяком случае о какой-то высокой культуре, процветавшей некогда в этом отдаленном от Европы уголке мира, и о важных и больших событиях, о которых не знали европейские историки.

Старик Хоттабыч

Е. Лагин *Рис. К. Ротова*

Опять все хорошо

Примерно в то время, когда возвращавшийся ковер-самолет был уже где-то в районе Серпухова, безутешные родители пропавших ребят снова собрались на квартире у Кружкиных и в тысячу первый раз обдумывали, что бы им такое еще предпринять.

Чай в стаканах давно остыл. Разговор не клеился. Иногда кто-нибудь произносил со вздохом:

— Подумать только, наш подрался как-то с ребятишками: они на него напали; пришел домой ободранный и расцарапанный. А я ему говорю: «Почему это на меня не нападают мальчишки?» Не правда ли, глупо?

И снова наступала томительная тишина.

Похудевший за эти три дня Александр Никитич нервно шагал по комнате из угла в угол. Он тяжело переживал пропажу сына. Татьяна Ивановна не выдержала, наконец, и сказала:

— Знаешь, что, Саша, сходил бы ты в институт, проведал бы баранов. И для работы польза, и развлекся бы немножко.

Минут через десять после ухода товарища Кружкина раздался телефонный звонок, и Татьяна Ивановна услышала в трубке неуверенный мальчишеский голос:

— Это квартира Кружкиных?

— Да,— ответила Татьяна Ивановна,— Кружкиных. А в чем дело?

— У вас здесь нет случайно кого-нибудь из Богорадов?

— Есть. А кто их спрашивает?

— Передайте им пожалуйста, что их просит Женя.

— Какой Женя?

— То есть как это «какой Женя»?! Обыкновенно, какой. Их сын Женя.

— Женечка, миленький, дорогой мой Женечка! — залепетала тогда Татьяна Ивановна в трубку.— Разве ты не утонул? То есть, что это я говорю! Ну, конечно, ты не утонул! Как я рада, Женечка, что ты не утонул! А где мой Сережа?

— Не знаю,— донесся издали печальный голос,— я его сам три дня уже не видел...

Но тут подбежал побледневший от волнения Николай Никандрович и, вырвав у Татьяны Ивановны из рук трубку, закричал страшным голосом:

— Женька, это ты?

— А то кто? Конечно, я.

— Где же ты, разбойничья твоя душа, пропадал?

— Я... я... я гостил у одного товарища... в Можайске...

— В Можайске?! — залился счастливым смехом Богорад-старший. — Ах, ты, такой-сякой, по гостям раз'езжать задумал! Скажите, пожалуйста, какой мистер Пиквик! Ну, мы, Женечка, сейчас придем домой. Смотри, сиди и жди нас, не вздумай снова уезжать в свой Можайск.

Наскоро попрощавшись с еще более погрустневшей Татьяной Ивановной, Богорады пом[illegible] домой.

Как раз к этому моменту Александр Никитич входил в ворота своего института. Постепенно невеселые мысли о сыне вытеснились мечтами о молниеносной научной славе.

Но что случилось? Из хлева доносился гул человеческих голосов и громкий прерывистый лязг цепей.

«Воры!» — промелькнула в мозгу Александра Никитича тревожная мысль.

Дрожащими от волнения руками он отпер двери хлева, ворвался внутрь помещения и застыл.

Бараны бесследно пропали!

Вместо баранов в стойлах металось около двух десятков мужчин, прикованных цепочками за ногу к стене.

— Па-пазвольте, — грозно закричал

тогда Александр Никитич,— а где же бараны?

— Это мы и есть бараны,— зло ответил ему мужчина лет сорока пяти с наполовину побритым лицом.— То есть, вообще говоря, мы, конечно, не бараны, а, конечно, как вы видите, люди. А вот вы нас трое суток держите в этих дурацких стойлах. Да снимите вы, наконец, чорт возьми, эти идиотские цепочки с наших ног! — заорал он без всякого перехода, и со всех сторон поднялся возмущенный гам.

— Снимите немедленно цепочку, а то я весь хлев разнесу! — покрывая все голоса, заревел человек с наполовину побритым лицом.

Ничего не понимающий и изрядно перетрусивший Александр Никитич извлек из шкафа ключи от замков, которыми были скреплены цепи. Но в это время из самого отдаленного стойла донесся голос:

— Папа! Папочка!

— Сережа! Сынок мой милый! — закричал, не веря своему счастью, Александр Никитич. И бросился тормошить и обнимать сына.

— Вот это здорово!.. Как ты сюда попал, а? Мы тебя по всему городу ищем, а ты, оказывается, здесь под самым моим носом и даже виду не показываешь!

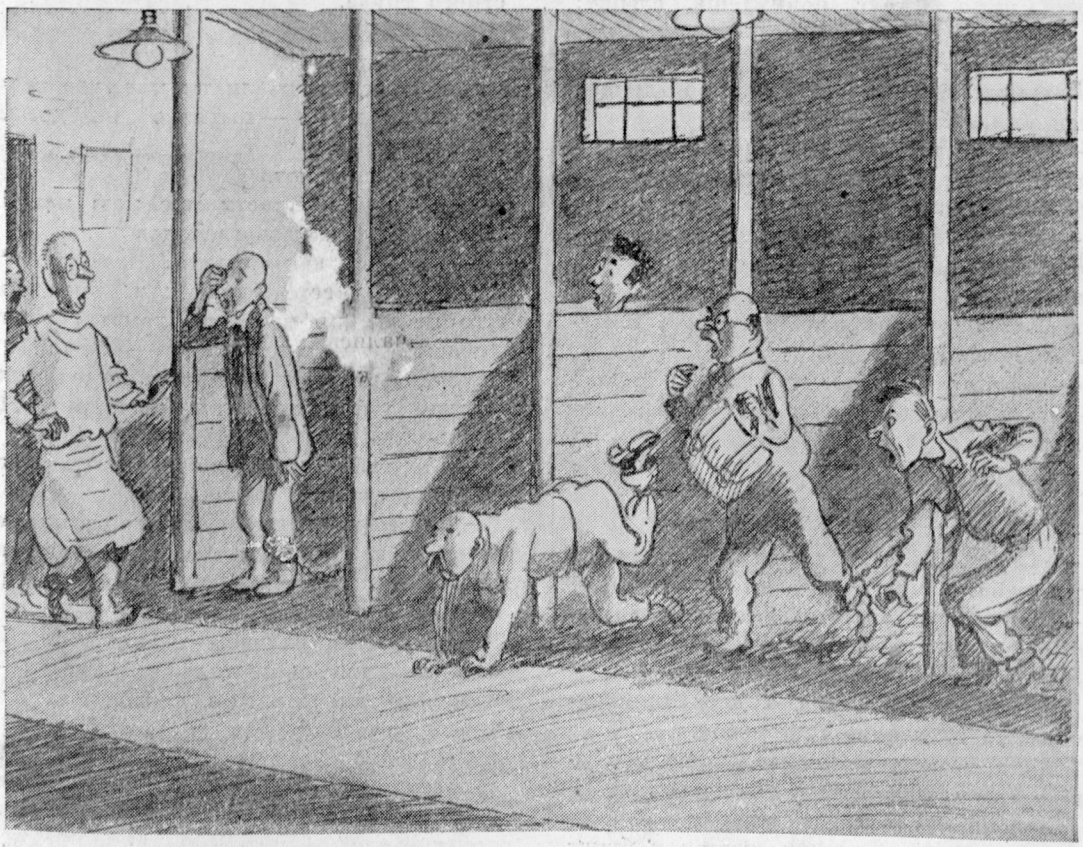
— Я же еще третьего дня на улице прыгал вокруг тебя,— об'яснял Сережа.— Ты даже сказал тогда милиционеру, что уже давно ведешь наблюдения над этим молодым барашком, то есть надо мной. Вот я и думал, что ты меня узнал.

— Да нет же! — отвечал счастливым голосом Александр Никитич.— Я тогда, сказать тебе правду, здорово врал.

Но, тут же поняв, что выставляет себя перед сыном в невыгодном свете, он смущенно закашлял и сказал:

— Вот мама-то обрадуется! Побегу позвоню ей.

Так и не сняв цепочки с сережиной ноги, он побежал к выходу. Но тут притихшие было остальные пленники подняли снова такой гвалт, что Александр Никитич, торопливо произнося неуклюжие из-



Вместо баранов в стойлах металось около двух десятков мужчин, прикованных цепочками за ногу к стене.

винения, бросился отпирать замки на цепях и, чтобы показать свою полную беспристрастность, освободил Сережу самым последним.

— Где тут у вас жалобная книга? — приставал в это время к Александру Никитичу мужчина с наполовину выбритым лицом, которого Кружкин освободил первым.— Нет, я вас категорически спрашиваю: где жалобная книга?

Он приставал до тех пор, пока товарищи по несчастью не об'яснили ему всю невыгодность его положения. Посоветовавшись немного, жертвы Хоттабыча решили дело замять и взяли друг с друга торжественные клятвы, что никто никогда никому и ни под каким видом не расскажет об удивительном их превращении из людей в баранов.

— Как ты попал в эту компанию? — спросил Александр Никитич у Сережи, когда они возвращались домой.—Ты разве тоже был в этой злосчастной парикмахерской?

— Да нет же,— отвечал Сережа, крепко держась за руку отца, — я как раз проходил мимо. Вдруг, понимаешь, слышу: внутри парикмахерской люди прямо помирают со смеху. Я, конечно, полез в парикмахерскую посмотреть, в чем дело. И уже сам, понимаешь, сам смеюсь. Засунул я голову в зал, смотрю, а там только два человека нормальных: Волька Костыльков и какой-то старичок в смешных туфлях. А остальные все: и мастера и остальные граждане — ну прямо на моих глазах превращались в баранов. Тут я, понимаешь, как дурак еще громче стал смеяться и в ладоши хлопать. И вдруг я слышу: что-то не тот, понимаешь, звук получается. Непохожий на аплодисменты. Смотрю, а у меня вместо рук копыта, и сам я уже не человек, а барашек! Только ты, пожалуйста, папа, никому не рассказывай.

— Ладно, ладно, — сказал Александр Никитич.— Видишь, Сережа, во-о-он мама спешит.

Сережа бросился навстречу Татьяне Ивановне...

Как будто сговорившись, никто не напоминал Александру Никитичу про его первую и последнюю попытку добиться научной славы без упорного и добросовестного труда.

Хоттабстрой

Разумеется, на следующее утро друзья были уже в сборе.

— Будьте знакомы,— сказал официальным голосом Волька и представил Хоттабычу Сережу и Женю.

— Очень приятно,— сказали в один голос и Хоттабыч и обе его недавние жертвы.

А Хоттабыч подумал немножко, пожевал губами и добавил:

— Нет границ моему счастью познакомиться с вами. Друзья моего юного повелителя — лучшие мои друзья.

— Повелителя? — удивились Сережа и Женя.

— Да, повелителя и спасителя.

— Спасителя?—не удержались и фыркнули ребята.

— Напрасно смеетесь,— строго взглянул на них Волька,— тут ничего смешного нету.

И вкратце рассказал о всех приключениях за последние трое суток.

Ребята помолчали, подавленные необычайностью своего нового знакомого.

Молчание прервал Женя:

— А знаете, товарищи, наш дом будут скоро сносить.

— Прошу прощения, превосходнейший отрок, не скажешь ли ты мне, что значит «сносить дом»? — пытливо осведомился Хоттабыч.

— Ну, сломают.

— А зачем, прости мне мою назойливость, будут ломать твой дом?

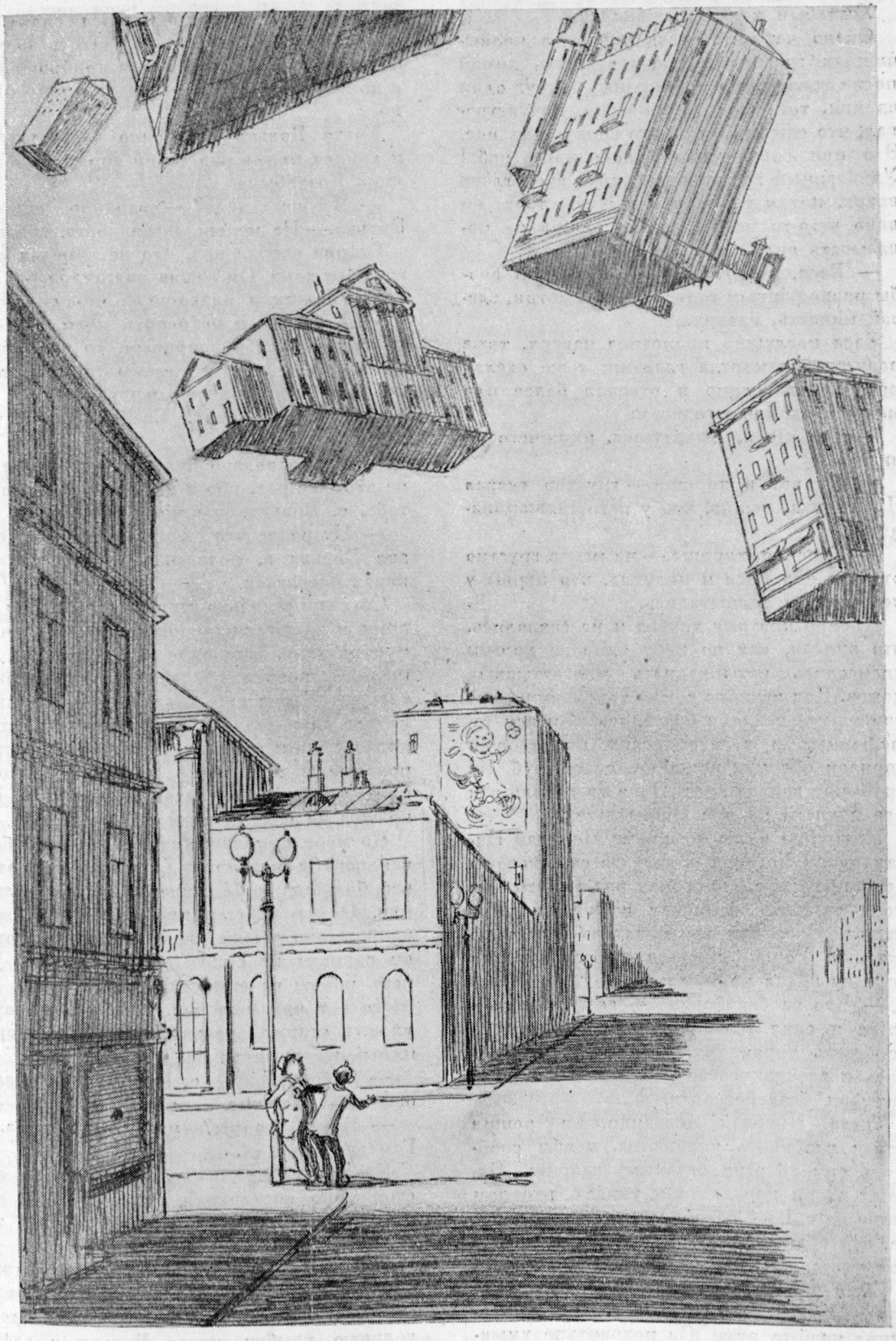
— То есть как «зачем»? Чтобы построить на его месте новый дом, дом-дворец. Это не только наш дом ломать будут,— добавил Женя с гордостью.— В нашем переулке сразу четырнадцать домов ахнут. Заодно уже и переулок расширят. Давно пора.

— А тебе жалко дом? — сочувственно спросил старик.

— А то не жалко! Конечно, жалко, я к нему во как привык. Мы в нем одиннадцатый год живем. И ребята кругом все знакомые...

— В таком случае,— сказал Хоттабыч, взволнованно облизывая себе губы,— не позволит ли мне мой юный повелитель драгоценнейший Волька ибн Алеша перенести эти дома в другое место, дабы сохранить их в целости и доставить этим удовольствие тебе и благородному твоему другу Жене?

— Это было бы замечательно! — сказал Женя.



По небу один за другим пронеслись четырнадцать многоэтажных домов.

Хоттабыч молча поклонился.

Около четырех часов утра два подвыпивших гражданина возвращались домой после товарищеской пирушки. Вдруг один из них, тот, который повыше, почувствовал, что сверху ему что-то капнуло на нос. Это при совершенно безоблачном небе! Удивленный гражданин поднял свои глаза вверх, потом торопливо зажмурил их: он явно чего-то испугался, но решил не показывать вида.

— Вася, дорогой мой,— сказал он якобы равнодушным голосом,— посмотри, сделай милость, наверх...

Вася послушно посмотрел наверх, тоже испуганно заморгал глазами, тоже сделал равнодушное лицо и отвечал более или менее спокойным голосом:

— Так что я, Никитушка, ни-ничего не вижу.

— Ну вот и хорошо,— грустно сказал Никитушка, решив, что у него галлюцинация.

— Конечно, хорошо,— не менее грустно отвечал ему Вася и подумал, что нервы у него совсем расшатались.

Именно поэтому друзья и не сознались, что видели, как по небу один за другим пронеслись четырнадцать многоэтажных домов. Под каждым домом тоненькими, еле заметными усиками болтались обрывки телефонных и электрических проводов и торчали обломки водопроводных труб. Из труб еще капала вода. Одна из капель как раз и упала на нос Никитушке...

Примерно в это же время Николай Никандрович Богорад проснулся от какого-то резкого толчка, спросонок решил, что уже пора вставать, и пошел на кухню умываться. Повернул выключатель — свет не зажегся. Решил умыться в полутьме, но вода из крана не текла.

— Что за безобразие! — возмутился он тогда и снял телефонную трубку, чтобы сообщить управдому, что сразу испортились и электричество и водопровод, но и телефон бездействовал.

Тогда Николай Никандрович решил пойти разбудить управдома, чтобы сообщить ему об этих странных авариях. Открыл двери парадного и увидел, что дом стоит не в 1-м Спасоболвановском переулке, как обычно, а в совершенно неизвестном месте, где-то за городом...

Было не больше четырех часов утра, когда Вольку разбудило легкое прикосновение чьей-то руки. Он недовольно хмыкнул, повернулся на другой бок и, натянув на голову одеяло, попытался снова заснуть. Это ему, однако, не удалось, потому что неизвестно каким путем пробравшийся в комнату сильный ветер сдул с него одеяло.

Тогда Волька огорченно открыл глаза и увидел прямо над собой торжествующее лицо Хоттабыча.

— В чем дело? — сварливо спросил Волька.— Не мешай, пожалуйста, спать!

Старик сделал вид, что не заметил обиженного тона. Он важно разгладил руками свою бороду и низко-низко поклонился:

— Если ты, к искренней моей радости, чувствуешь себя здоровым, то соблаговоли встать и почтить своим присутствием 1-й Спасоболвановский переулок.

— В такую рань?! Скажи хоть, в чем дело!

— Да позволено будет мне не ответить на этот вопрос, ибо я осмелился уготовить тебе, о, Волька, скромный сюрприз.

— Ну разве что сюрприз,— сурово сказал Волька и, позевывая и потягиваясь, начал одеваться.

Спустя несколько минут они вышли из дому и зашагали по широкому пустынному тротуару. Одинокие шаги далеких пешеходов звонко раздавались в утренней тишине. Город еще спал. Румяное солнце лениво поднималось из-за крыш, расталкивая толпившиеся у горизонта желтые, розовые и оранжевые облака. Высоко в небе еле слышно гудел самолет, и его крылья на солнце тоже были розовые.

По мере приближения к 1-му Спасоболвановскому переулку Хоттабыч проявлял все бóльшие и бóльшие признаки волнения. Он то забегал вперед, то отставал, непрерывно утюжа свою бороду. Канотье он сдвинул на самый затылок и был теперь похож на старомодного гуляку.

Но вот они, наконец, свернули в переулок, и старик, сделав широкий гостеприимный жест, произнес:

— Соблаговоли, о, мой повелитель, осмотреть дворцы.

— Какие дворцы?—удивился Волька.— Где дворцы?

Но, сделав еще несколько шагов, он восторженно воскликнул:

— Ух, ты! Вот это здорово! Это ты сделал?

— Да, это сделал я, недостойный твой слуга,— скромно, но с достоинством ответил Хоттабыч и, с трудом сдерживая горделивую улыбку, повел Вольку в глубь переулка.

Еще полчаса тому назад левую сторону его загромождали четырнадцать мрачноватых серых многоэтажных домов, похожих на огромные кирпичные ящики. Сейчас на их месте возвышались сверкающие громады четырех белых мраморных дворцов. Богатая колоннада украшала их фасады. На их плоских крышах зеленели пышные сады. Капельки воды, бившей из роскошных фонтанов, играли в лучах восходящего солнца как драгоценные камни.

У входа в каждый дворец стояло по два черных великана с громадными кривыми мечами в руках. Завидев Вольку, великаны как по команде пали ниц и громоподобными голосами приветствовали его. При этом из их ртов вырвались огромные языки пламени, и Волька невольно вздрогнул.

— Да не страшится мой юный повелитель, — успокоил его Хоттабыч.—Это мирные ифриты, поставленные мной у входов для вящшей твоей славы. Они готовы служить тебе до последнего своего издыхания.

Великаны снова пали ниц и, изрыгая пламя, смиренно проревели:

— Повелевай нами, о могучий наш господин!

— Пойдем, Хоттабыч, посмотрим твои дворцы,— сказал Волька и, перепрыгивая сразу через несколько ступенек, вошел внутрь.

— Это не мои дворцы. Это твои дворцы,— почтительно возразил старик, следуя за Волькой, но тот не обратил на эти слова никакого внимания.

Первый дворец был целиком из драгоценного розового мрамора. Его восемь тяжелых резных дверей, изготовленных из сандалового дерева, были украшены серебряными звездами и яркоалыми рубинами.

Второй дворец был из голубоватого мрамора. В нем было десять дверей из редчайшего эбенового дерева. Они были усыпаны алмазами, сапфирами и изумрудами.

Посреди третьего дворца, самого прекрасного, был просторный бассейн, а в нем плескались золотые рыбы, каждая величиной с доброго осетра.

— Это вместо твоего маленького аквариума,— застенчиво об'яснил Хоттабыч.— Мне кажется, что только таким аквариумом ты можешь пользоваться, не роняя своего высокого достоинства.

«Д-да,— подумал про себя Волька,— попробуй-ка взять в руки эдакую золотую рыбку — без рук останешься».

— А теперь,— сказал победоносно Хоттабыч,— окажи мне честь и окинь благосклонным взором четвертый дворец.

Они вошли в четвертый дворец, блиставший таким великолепием, что Волька ахнул:

— Да ведь это вылитый метро! Ну прямо станция «Киевский вокзал»!

— Ты еще не все видел, о благословенный Волька! — оживился тогда Хоттабыч.

С этими словами он вывел Вольку на улицу. Великаны взяли немедленно мечи накараул, но Хоттабыч, не обращая на них внимания, указал мальчику на полированную золотую доску, украшавшую вход во дворец. На ней были вычеканены слова, от которых Вольку сразу ударило сначала в жар, а потом в холод:

«Дворец этот принадлежит благороднейшему и славнейшему из отроков этого города, красавцу из красавцев, умнейшему из умных, преисполненному неисчислимых достоинств и совершенств, непоборимому и непревзойденному знатоку в географии и прочих других науках, первейшему из ныряльщиков, искуснейшему из пловцов и волейболистов, непобедимому чемпиону комнатного биллиарда всех систем,— царственному юному пионеру Вольке ибн Алеше, да славится во веки веков имя его и имя его достойных родителей!»

Такие же надписи, только покороче, были и на остальных дворцах.

— В этих надписях,—пробормотал Волька, когда он пришел в себя — маловато самокритики, но это, в конце концов, неважно, потому что вывески вообще надо заменить другими.

— Я понимаю тебя и не могу не обвинить себя в недомыслии,— смутился старик.— Конечно, надо было сделать надписи из драгоценных камней.

— Ты меня неправильно понял, милый Хоттабыч! Я хотел бы, чтобы на доске было вычеканено, что эти дворцы являются собственностью Московского коммунального хозяйства. Видишь ли, в нашей стране не принято, чтобы дворцы принадлежали частным людям. Пусть эти дворцы принадлежат МКХ.

— Я не знаю, кто такой этот Эмкаха,— произнес Хоттабыч с горечью в голосе,— и вполне допускаю, что он достойный человек. Но разве Эмкаха освободил меня из страшного заточения в бутылке? Нет,

— Это мирные ифриты, поставленные мной у входов для вящшей твоей славы.

это сделал не Эмкаха, а ты, прекраснейший отрок, и именно тебе или никому будут принадлежать эти дворцы.

— Но пойми же...

— И не хочу понимать. Или тебе или никому!

Волька еще никогда не видел Хоттабыча таким раз'яренным. Его лицо побагровело, глаза, казалось, метали молнии. Видно было, что старик еле удерживается, чтобы не обрушить свой гнев на мальчика.

— Значит, ты никак несогласен, о кристалл моей души?

— Конечно, нет. Зачем они мне, эти дворцы?

— Иэхх! — горестно воскликнул тогда Хоттабыч и махнул руками.

В то же мгновение дворцы расплылись в своих очертаниях, заколыхались и растаяли в воздухе, как туман, развеянный ветром. С воплями взвились вверх и исчезли великаны.

Два подвыпивших гражданина, которые еще не успели добраться домой, снова увидели, как по небу пронеслись четырнадцать многоэтажных домов, только на этот раз в обратном направлении.

А Николай Никандрович, который перед тем, как будить соседей, зашел на минутку к себе, чтобы накинуть пиджак, вдруг обнаружил, что в квартире горит свет. На кухне весело журчала вода из водопроводного крана.

— Что за чудеса? — поразился Богорад-старший. — А ну, давай посмотрим, может быть, и телефон сам собой исправился?

Недоверчиво ухмыляясь, он снял с рычажка телефонную трубку. Послышался обычный непрерывный гудок низкого тона. Телефон был в полной исправности.

Николай Никандрович посмотрел на часы. Часы показывали без четверти пять. Он подошел к окну, распахнул его настежь, высунулся из него, чтобы глотнуть свежего воздуха, и увидел, что дом снова находится на своем обычном месте.

Старик Хоттабыч и Мей Лань-чжи

На Хоттабыча было просто жалко смотреть. Он никуда не выходил и отсиживался в аквариуме, ссылаясь на то, что у него якобы разыгрался ревматизм. Конечно, это было нелепой мотивировкой, ибо глупо с ревматизмом забираться в воду.

Хоттабыч лежал на дне аквариума, лениво шевеля плавниками и вяло глотая ртом воду. Когда к аквариуму подходили Волька, Сережа или Женя, старик уплывал к задней стенке, весьма невежливо поворачиваясь к ним хвостом. По ночам, когда все в доме спали, он вылезал из воды, чтобы немножко размяться, и до утренней зари еле слышно шаркал туфлями по комнате и что-то бормотал. Хоттабыч обдумывал какое-то важное решение.

Так продолжалось несколько суток, пока, наконец, в один прекрасный день Хоттабыч не вылез из аквариума. Отжимая воду из бороды и усов, он сдержанно сказал обрадованному Вольке:

— Ты меня очень обидел, о сладчайший Волька, отказом от моего скромного подарка. Твое и мое счастье, что я обещал тебе не обижаться, в противном случае я сделал бы с тобой нечто непоправимое, о чем сам в дальнейшем весьма бы сожалел, ибо я полюбил тебя всей душой и особенно не могу не ценить прекрасное бескорыстие твоей дружбы. Но больше ты богатства от меня и не ожидай. Я всегда буду делать все, что ты мне прикажешь, но на руки ты впредь не получишь ни одного золотого.

— Ну вот и чудесно,— отвечал Волька,— тут у меня с ребятами имеется к тебе одно интересное предложение. Мы давно собираемся попросить тебя пойти с нами в цирк.

— С любовью и удовольствием,— сказал Хоттабыч.

И через полчаса Волька, Женя, Сережа и Хоттабыч были уже в Парке культуры и отдыха, у входа в цирк «Шапито».

Старик принципиально возражал против покупки билетов. Он попытался даже усмотреть в этом некую недооценку своего могущества.

— Нет, вы не знаете еще Гассана Абдуррахмана ибн Хоттаба, — сказал он с легкой горечью и, попросив ребят подождать где-нибудь неподалеку, подошел к будке администратора, около которой гудела длинная очередь жаждущих получить контрамарку.

Время от времени из окошечка высовывалась взъерошенная голова администратора. Он сердито кричал:

— Напрасно дожидаетесь, граждане,

контрамарок нет и не будет: цирк набит доотказу!

Но очередь не двигалась с места, и администратор всердцах с треском захлопывал окошечко.

Хоттабыч в очередь не полез, а, встав в сторонке, что-то зашептал, сосредоточенно глядя в стенку, по ту сторону которой притаился администратор. Он глядел так, не моргая глазами, до тех пор, пока из окошечка не высунулся администратор с белым листочком бумаги в руке.

— Кто здесь товарищ Хотапченко? — выкрикнул он с заговорщическим видом.

— Я тот человек, которого ты ищешь,— сказал старик с достоинством и только успел взять в руки контрамарку, как окошечко с шумом захлопнулось, чуть не прищемив ему пальцы.

— Безобразие! — заволновались тогда в очереди.— Тут люди ожидают с шести часов вечера! Сами говорят, что не будет пропусков, и сами же выдают без очереди!

Администратор не вытерпел, открыл окошко, выкрикнул из него:

— Товарищ Хотапченко — командировочный!

И снова захлопнул окошко, на сей раз уже окончательно.

Хоттабыч с ребятами вошли в цирк, залитый светом множества ярких электрических ламп.

В одной из лож, около самой арены, было как раз четыре свободных стула, но Хоттабыч категорически отказался занять эти места.

— Я не могу согласиться,— сказал он важно,— чтобы хоть кто-нибудь в этом помещении сидел выше меня и моих глубоко чтимых друзей. Это было бы ниже вашего и моего достоинства.

Спорить со стариком было совершенно бесполезно, и ребята, скрепя сердце, уселись на самой верхотуре, в последнем ряду амфитеатра.

Вскоре выбежали униформисты в ярких, расшитых золотом ливреях и выстроились по обе стороны выхода на арену. Шпрехшталмейстер зычным голосом об'явил начало представления, и «первым номером обширной программы» выехала на арену наездница, вся усеянная блестками, как елочный дед-мороз.

— Ну как, нравится? — спросил Волька у Хоттабыча.

— Не лишено интереса и для глаз приятно,— осторожно ответил старик.

За наездницей последовали акробаты, за акробатами — клоуны, за клоунами—дрессированные собачки, вызвавшие сдержанное одобрение Хоттабыча, за собачками — жонглеры и прыгуны. На прыгунах закончилось первое отделение, и наши друзья пошли погулять.

Когда после сигнала все снова уселись по своим местам, к Хоттабычу подошла девушка в кокетливом белом переднике, с большим подносом в руках.

— Эскимо не потребуется? — спросила она у старика, и тот в свою очередь вопросительно посмотрел на Вольку.

— Возьми, Хоттабыч: это очень вкусно. Попробуй.

Хоттабыч попробовал, и ему понравилось. Он угостил ребят и купил себе еще одну порцию, потом еще одну и, наконец, разохотившись, откупил у обомлевшей продавщицы сразу все наличие эскимо — сорок три кругленьких, покрытых нежной изморозью пакетика с мороженым. Девушка обещала потом придти за подносом и ушла вниз, то и дело оборачиваясь на своего удивительного покупателя.

— Ого! — сказал Женька и подмигнул своим приятелям.— Старик дорвался-таки до эскимо.

В каких-нибудь пять минут Хоттабыч уничтожил все сорок три порции. Он ел эскимо как огурцы, сразу откусывая большие куски. Последний кусок он проглотил как раз в тот момент, когда в цирке снова зажглись все огни и шпрехшталмейстер, выйдя на середину арены, торжественно провозгласил:

— Мировой... комбинированный... аттракцион!.. Китайский артист Мей Лань-чжи.

Все в цирке зааплодировали, оркестр заиграл туш, и на арену, улыбаясь и раскланиваясь во все стороны, вышел немолодой уже китаец в расшитом золотыми драконами синем халате. Это и был Мей Лань-чжи.

Пока его ассистент раскладывал на маленьком столике все, что было необходимо для первого фокуса, он продолжал раскланиваться и улыбаться. При улыбке у него ярко поблескивал во рту золотой зуб.

— Замечательно! — прошептал завистливо Хоттабыч.

— Что замечательно? — спросил его Волька, продолжая аплодировать.

— Замечательно, когда у человека растут золотые зубы.

— Ты думаешь? — рассеянно спросил Волька, внимательно следя за начавшимся номером.

— Я убежден в этом,— ответил Хоттабыч.— Это очень красиво и богато.

Мей Лань-чжи кончил свой первый номер.

— Ну как, знаменито? — спросил Волька у Сережи таким тоном, как будто это он сам проделал этот фокус.

— Спрашиваешь! — восторженно ответил Сережа, и Волька тут же громко вскрикнул от удивления: у Сережи оказался полный рот золотых зубов.

— Ой, Волька, что я тебе скажу,— прошептал в то же время Сережа.— Ты только не пугайся: у тебя все зубы стали золотые.

— Ребята, не трепитесь и не мешайте смотреть,— вмешался в разговор Женя Богорад, и приятели увидели, что и у него во рту блестели тридцать два золотых зуба.

— Это, наверное, работа Хоттабыча,— сказал с тоской Волька.

И действительно, старик, прислушивавшийся к их разговору, утвердительно кивнул головой и простодушно улыбнулся, открыв при этом в свою очередь два ряда крупных золотых зубов.

— Даже у Сулеймана ибн Дауда — мир с ними обоими — не было во рту такой роскоши! — хвастливо сказал он.— Только не благодарите меня. Я уверяю вас: вы достойны этого небольшого сюрприза с моей стороны.

— Да мы тебя и не благодарим,— сердито возразил ему Женя, но Волька, испугавшись, как бы старик не разгневался, дернул Женю за руку.

— Понимаешь ли, Хоттабыч,— начал он дипломатично,— это будет слишком бросаться в глаза, если сразу у всех нас четырех, сидящих рядом, все зубы окажутся золотые. На нас все будут смотреть, и мы будем очень стесняться.

— И не подумаю стесняться,— сказал Хоттабыч.

— Да, но вот нам все-таки будет както не по себе. Мы будем так стесняться, что у нас пропадет все удовольствие от цирка.

— Ну, и что же? — спросил нетерпеливо Хоттабыч.

— Так вот мы все тебя просим, чтобы до тех пор, пока мы вернемся домой, у нас были во рту обычные костяные зубы.

— Восхищаюсь вашей скромностью, о юные мои друзья! — сказал немного обиженно старик, и ребята с облегчением почувствовали, что зубы у них во рту потеряли свой металлический привкус и приобрели прежний вид.

— А когда вернемся домой, они снова станут золотые? — с беспокойством спросил Женя.

Волька раздраженно ответил:

— Ладно, потом увидим, может, старик про них позабудет.

И он с увлечением принялся смотреть на головокружительные фокусы Мей Лань-чжи и хлопать вместе со всеми зрителями, когда тот из совершенно пустого ящика вытащил сначала голубя, потом курицу и, наконец, мохнатого веселого пуделя.

Только один человек сердито, не выражая никаких признаков одобрения, смотрел на фокусника. Это был Хоттабыч.

Ему было очень обидно, что фокуснику хлопали по всякому пустяковому поводу, а он, проделавший со времени освобождения из бутылки столько чудес, ни разу не услышал не только аплодисментов, но и ни одного искреннего слова одобрения.

Поэтому, когда снова раздались аплодисменты и китаец, перед тем как перейти к следующему номеру, начал раскланиваться во все стороны, Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, не взирая на протесты зрителей, полез через их головы на арену. Мей Лань-чжи как раз в это время начал самый эффектный из своих номеров.

Прежде всего фокусник зажег несколько очень длинных разноцветных лент и запихал их в горящем виде себе в рот. Потом он взял в руки большую, ярко раскрашенную миску с каким-то веществом, похожим на очень мелкие древесные опилки. Дооткказу набив себе рот этими опилками, Мей Лань-чжи стал быстро размахивать перед собой красивым большим веером. Сначала опилки во рту затлели, потом появился небольшой дымок, и, наконец, когда в цирке, по заранее разработанному плану, погасили электричество, все увидели, как в темноте изо рта знаменитого фокусника посыпались тысячи искр и даже показалось небольшое пламя.

Казалось, что цирк обрушится от взрыва аплодисментов. И тогда среди бури рукоплесканий и криков «браво» раздался вдруг возмущенный голос старика Хоттабыча.

— Вас обманывают! — орал он, надрываясь.— Вас нагло обманывает этот старый бездельник! Это никакие не чудеса! Это обыкновенная ловкость рук!

— Вот это «рыжий»!—восхищенно вос-

кликнул кто-то из публики.— За-ме-чательный «рыжий»! Браво, «рыжий»!—закричал он, и все зрители, кроме Вольки и обоих его друзей, дружно зааплодировали Хоттабычу.

Старик не понимал, о каком «рыжем» ему кричат, и иронически продолжал:

— Разве это чудеса?! Ха-ха!

Он отодвинул оторопевшего фокусника в сторону и для начала изверг из своего рта один за другим пятнадцать огромных разноцветных языков пламени, да таких, что по цирку сразу пронесся явственный запах серы.

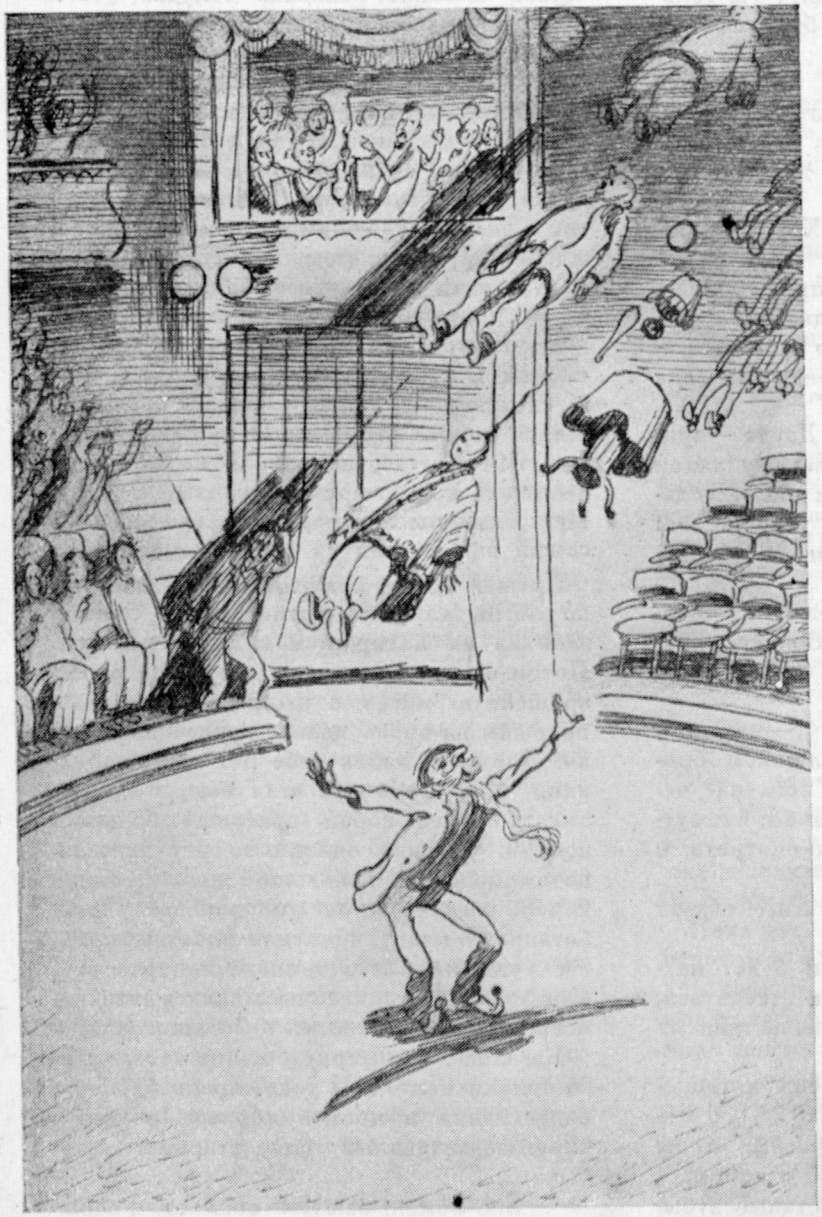
С улыбкой выслушав вызванные этим аплодисменты, Хоттабыч схватил Мей Лань-чжи за шиворот и меньше чем в одну минуту превратил его последовательно в кролика, осла, носорога и бочку с водой.

Потом он вернул несчастного фокусника в его обычное состояние, но только для того, чтобы тут же разодрать пополам вдоль туловища. Обе половинки немедленно разошлись в разные стороны, смешно подскакивая каждая на своей единственной ноге. Когда, проделав полный круг по манежу, они послушно вернулись к Хоттабычу, он срастил их вместе и, схватив возрожденного Мей Лань-чжи за локотки, подбросил его высоко, под самый купол цирка, где тот и пропал бесследно.

С публикой творилось нечто невообразимое, люди хлопали в ладоши, топали ногами, стучали палками, вопили истошными голосами: «Браво!», «Бис!», «Изумительно!», «Я таких фокусов сроду не видал!» и многое другое, чего нельзя было разобрать в поднявшемся невероятном шуме и гаме.

— Это — еще не все!— кричал страшным, громовым голосом Хоттабыч, разгоряченный всеобщим одобрением, и стал вытаскивать из-под полы своего пиджака целые табуны разномастных лошадей.

Лошади испуганно ржали, били копытами, мотали головами, развевая свои роскошные шелковистые гривы. Потом по мановению руки Хоттабыча лошади пропали и из-под полы пиджака выскочили один за другим, грозно рыча, четыре огромных берберийских льва и, несколько раз пробежавшись вокруг арены, исчезли.



И китаец — ассистент несчастного Мей Лань-чжи,— и разнообразный его реквизит, и молодцеватые униформисты, и даже часть публики — все это в одно мгновенье взвилось вверх.

В это время в действие вмешались двое молодых людей. По приглашению администрации они еще в начале представления вышли на арену, чтобы следить за фокусником. На этом основании они уже считали себя специалистами циркового дела и тонкими знатоками черной и белой магии.

Один из них развязно подбежал к Хоттабычу и с возгласом «Я, кажется, понимаю, в чем дело!» попытался залезть к нему под пиджак, но тут же бесследно исчез под гром аплодисментов ревевшей от восторга публики. Такая же бесславная участь постигла и второго развязного молодого человека.

Дальше Хоттабыч действовал уже под сплошные и непрерывные рукоплескания.

Вот он махнул руками, и все, что было на арене: и китаец — ассистент несчастного Мей Лань-чжи,— и разнообразный многочисленный его реквизит, и нарядные молодцеватые униформисты, и даже часть публики — все это в одно мгновенье взвилось вверх и, проделав несколько прощальных кругов над восхищенными зрителями, растаяло в воздухе.

Тридцать три оркестранта вдруг сгрудились в одну кучу и огромным комом скатились со своей площадки на арену. Этот ком катился по барьеру, поспешно уменьшаясь в своем об'еме, пока, наконец, не достиг величины горошины. Тогда Хоттабыч поднял его, положил себе в правое ухо, и из уха понеслись сильно приглушенные бравурные звуки марша.

Затем старик, который еле держался на ногах от возбуждения, как-то по-особому щелкнул сразу пальцами обеих рук, и все зрители, один за другим, стали со свистом срываться со своих мест и пропадать где-то далеко под куполом.

И вот, наконец, в опустевшем цирке остались только четыре человека: Хоттабыч, устало присевший на барьере арены, и Волька со своими приятелями, скатившиеся кубарем со своих мест к старику на арену.

— Ну, как? — вяло спросил Хоттабыч, с трудом приподнимая голову и глядя на ребят странными, помутневшими глазами. — Это вам не Мей Лань-чжи? А?

— Куда этому жалкому фокуснику до тебя! — отвечал Волька, сердито моргая своим друзьям, которые все порывались попросить о чем-то старика.

— А какие были рукоплескания! — с удовольствием вспоминал Хоттабыч.

— Еще бы! А ты мог бы вернуть всех на прежние места, чтобы все было так, как было раньше? Это, наверное, очень трудно?

— Нет, нетрудно. То есть для меня, конечно, нетрудно,—горделиво отвечал еле слышным голосом Хоттабыч, поблескивая золотыми зубами.

Из уст ребят вырвался вздох облегчения.

— А мне почему-то кажется, что тебе это чудо не подсилу,— коварно сказал Волька, явно подзадаривая старика.

— Подсилу, но я что-то очень устал.

— Ну вот, я и говорил, что тебе не подсилу.

Вместо ответа Хоттабыч приподнялся на ноги, вырвал у себя из бороды тринадцать волосков, мелко их изорвал, выкрикнул какое-то странное слово, вроде «лехододиликраскало», и, обессиленный, опустился прямо на опилки, покрывающие арену.

Тотчас же из-под купола со свистом примчались и расселись согласно купленным билетом беспредельно счастливые зрители. На манеже как из-под земли выросли Мей Лань-чжи со своим ассистентом и реквизитом и униформисты во главе со своим бравым шпрехшталмейстером.

Оркестр горошинкой выкатился из правого уха Хоттабыча, быстро вырос в огромный ком человеческих тел, сам по себе, вопреки закону земного притяжения, покатился наверх, на свою площадку, рассыпался там на тридцать три отдельных человека, расселся по своим местам и грянул туш.

Крики восторга, гром аплодисментов, казалось, разнесут сейчас помещение цирка на куски.

— Разрешите, граждане, попрошу вас пропустить,— проталкивался к Хоттабычу сквозь тесно обступившую его восторженную толпу худощавый человек в больших круглых роговых очках. — Я... из Управления госцирков... очень прошу вас (уфф!) в кабинет директора цирка... нам нужно экстренно (уфф! уфф!) переговорить с вами об ангажементе... турнэ по СССР!.. Согласны (уфф!) на любое ваше условие...

— Оставьте старика в покое! — сказал с досадой Волька.— Вы разве не видите? Он болен, у него повышенная температура.

Действительно, у Хоттабыча был сильный жар. Старик об'елся мороженым.

Тот, кто никогда не возился с заболевшим джином, не может даже себе представить, какое это утомительное и хлопотливое дело.

Прежде всего, возникает вопрос: где его держать? В больницу его не положишь, и дома на виду его тоже держать нельзя.

Во-вторых, как его лечить? Медицина рассчитана на лечение людей. При лечении джинов медицина бессильна.

В-третьих, заразны ли для людей болезни джинов?

Все эти три вопроса были тщательно обсуждены ребятами, когда они на такси увозили бредившего Хоттабыча из цирка.

Было решено: во-первых, Хоттабыча в больницу не везти, а держать его со всеми возможными удобствами у Вольки под кроватью, предварительно предложив ему для безопасности сделаться невидимым; во-вторых, лечить его, как лечат людей от простуды: давать на ночь аспирин, поить чаем с малиновым вареньем, чтобы хорошенько пропотел; в-третьих, что болезни джинов людям, очевидно, не передаются.

К счастью, дома никого не было, и Хоттабыча удалось спокойно уложить на его обычное место под кроватью. Женька с Сережей побежали за аспирином и малиновым вареньем, а Волька пошел на кухню подогреть чай.

— Ну вот и чай готов,— весело сказал он через пять минут, возвращаясь из кухни с кипящим чайником в руке.— Будем пить чай, старина? А?

Ответа не последовало.

— Умер! — ужаснулся Волька и вдруг почувствовал, что несмотря на все неприятности, которые уже успел доставить Хоттабыч, ему будет очень жалко, если старик умрет.

— Хоттабыч, миленький,—залепетал он и, став на коленки, полез под кровать.

Но старика под кроватью не оказалось.

В это время ввалились Женька и Сережа, с шумом волоча за собой Хоттабыча. Старик упирался и бормотал себе под нос что-то несвязное.

— Вот чудак! Нет, ты подумай только, что за чудак! — возмущенно орал на всю квартиру Женя, помогая укладывать больного на место.—Возвращаемся это мы сюда, смотрим, а Хоттабыч-то твой стоит на углу с мешком золота и все норовит всучить его прохожим. Я у него спрашиваю...

— Нет, это я у него спрашиваю,— вмешался Сережа.

— Мы оба спрашиваем у него: «Что ты делаешь здесь, на улице, с повышенной температурой?!» А он мне отвечает...

— Нет, это он мне отвечает,— снова вмешался Сережа.

— А он нам отвечает: «Я, мол, чувствую приближение смерти. Я, мол, хочу по этому случаю раздать милостыню». Тут я ему и говорю: «Чудак ты, чудак, кому же ты собираешься раздавать милостыню, раз у нас нищих уже давным-давно нет?» А он тогда мне...

— Нам,— поправил Сережа.

— А он тогда *мне*,— продолжал Женька раздраженно.— А он тогда мне и говорит: «В таком случае я пошел домой». Вот мы его и привели. Лежи, лежи, старичок, поправляйся.

Хоттабычу дали лошадиную дозу аспирина, скормили ему с чаем всю банку малинового варенья и, укутав получше, уложили спать.

Старик полежал некоторое время спокойно, но вдруг заволновался и собрался вставать, чтобы пойти к покойному Сулейману ибн Дауду извиняться за какие-то давнишние обиды. Потом он заплакал и стал просить Вольку, чтобы тот сбегал в Индийский океан, разыскал там на дне медный кувшин, в котором заточен его дорогой братик Омар ибн Хоттаб, освободил его из заточения и привел сюда.

— Мы бы так чудно зажили здесь все вместе,— бормотал он в бреду, заливаясь горючими слезами.

Через полчаса старик пришел в сознание и слабым голосом сказал из-под кровати:

— О, юные мои друзья, вы не можете себе вообразить даже, как я вам благодарен за вашу любовь и дорогое ваше внимание. Окажите мне, прошу вас, еще одну услугу: завяжите мне покрепче руки, а то я во время горячки такое наколдую, что потом и сам уже ничего не смогу поделать.

Старика связали, и он моментально заснул как убитый.

Наутро Хоттабыч проснулся совершенно здоровым.

— Вот что значит вовремя поданная медицинская помощь! — удовлетворенно сказал Женя и твердо решил по окончании школы поступить учиться на медицинский факультет.

— Возможны осадки,— заявил Сережа авторитетно.

Он только что ввалился в волькину комнату. Волька и Женя тихо беседовали с Хоттабычем, который продолжал нежиться под кроватью.

Вскоре, действительно, все небо покрылось тучами и заморосил противный, не по сезону холодный дождик.

— Может быть, послушаем? — спросил Волька, небрежно кивнув на новенький радиоприемник — подарок родителей за успешный переход в 6-й класс,— и с видимым удовольствием включил радио.

Мощные звуки симфонического оркестра заполнили комнату.

Удивленный Хоттабыч высунул свою голову из-под кровати и спросил:

— Где находится это множество людей, столь сладостно играющих на различных музыкальных инструментах?

— Ах, да! — обрадовался Женя.— Ведь Хоттабыч не знает радио!

Добрых два часа ребята наслаждались, наблюдая за Хоттабычем. Старик был совершенно потрясен достижениями радиотехники. Волька ловил для него Владивосток и Анкару, Тбилиси и Лондон, Киев и Париж. Из рупора послушно вылетали звуки песен, гремели марши, доносились речи на самых разнообразных языках.

Потом ребятам наскучило радио. Они ушли на улицу, оставив очарованного Хоттабыча у приемника.

Именно к этому времени относится таинственная история, по сей день не разгаданная в семействе Кружкиных. Волькина бабушка пришла выключить приемник и услышала в совершенно пустой комнате чье-то стариковское покашливанье. Затем она увидела, как сама по себе передвигается по шкале приемника вороненая стрелка вариометра.

Перепуганная насмерть старушка решила не дотрагиваться до приемника, а бежать за Волькой. Она поймала его у автобусной остановки. Волька страшно заволновался, сказал, что он совершенствует радиоприемник, автоматизирует его и просит родителям об этом не рассказывать, потому что он готовит для них сюрприз. Отнюдь не успокоенная его словами, бабушка все же обещала хранить тайну. До вечера она с трепетом прислушивалась, как в совершенно пустой комнате изредка раздавался странный стариковский голос.

В этот день приемник не отдыхал ни одной минуты. Около двух часов ночи, правда, рупор замолк. Но оказалось, что старик просто забыл, как принимать Лондон. Он разбудил Вольку, расспросил его и снова приблизился к приемнику...

Случилось непоправимое: старик Хоттабыч до самозабвения увлекся радио...

Если кто-нибудь из читателей этой глубоко правдивой повести, проходя в Москве по улице Разина, заглянет в приемную Главсевморпути, то среди многих десятков граждан, мечтающих о командировке в Арктику, он увидит старичка в твердой соломенной шляпе канотье и вышитых золотом и серебром туфлях. Это старик Хоттабыч, который несмотря на все свои старания никак не может устроиться радистом на какую-нибудь из полярных станций.

Уже один его внешний вид — большая седая борода, а следовательно, и бесспорно почтенный возраст — является серьезным препятствием на пути к реализации его мечты. Но еще безнадежнее становится его положение, когда он начинает заполнять анкету.

На вопрос о своей профессии до революции 1917 года он правдиво пишет: «Злой дух». На вопрос о возрасте — «3732 года и 5 месяцев», на вопрос о семье он простодушно отвечает: «Имею брата Омара Хоттабовича, который находится где-то на дне не то Средиземного моря, не то Индийского океана в медном сосуде» — и так далее и тому подобное.

Прочитав анкету, все решают, что он сумасшедший, хотя читатели нашей повести знают, что старик пишет сущую правду.

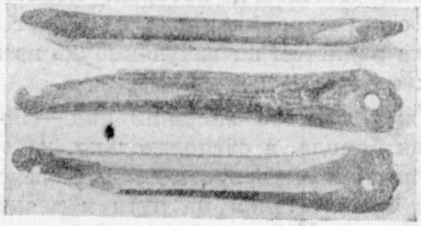
Если кто-нибудь сумеет раз'яснить это недоразумение и поможет Хоттабычу стать радистом на любой из полярных станций, то старик ему будет очень обязан и заранее обещает оказать не меньшие знаки благодарности, чем он оказал Вольке Костылькову, когда тот освободил его из замшелой глиняной бутылки, покоившейся несколько тысяч лет на дне реки.

● ● ●

Фигурное катанье

Чемпион фигурного катанья
В. И. Дмитриев

Во время раскопок древних поселений человека ученые находили какие-то стран-

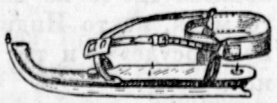


Первобытные костяные коньки.

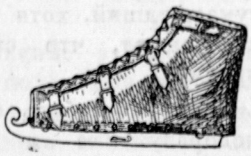
ные предметы из костей животных. Снизу эти куски грубо обработанных костей были отшлифованы, а по концам их были отверстия. Ученые долго ломали голову над тем, для чего могли служить первобытному человеку эти куски кости. Только после многих догадок и соображений ученые догадались, что это были первые коньки. На русском языке название «коньки», вероятно, осталось от тех незапамятных времен, когда ими служили кости нижней челюсти коней.

Форма конька и способ крепления его к ботинку постепенно изменялись, и современные коньки мало чем похожи на своих предков. По рисункам можно легко проследить весь путь коньков, от первобытных, костяных до самых современных.

Костяной конек привязывался лыком (до XII века).



Железный конек с деревянной оправой (XIV — XV века).



Конек с кожаным башмаком (XVI век).

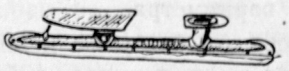
Конек художественной работы с золотой насечкой.

Первый конек для фигурного катанья из железа и дерева (начало XVIII века).

Конек, легко прикрепляемый к ботинку (конец XVI века).

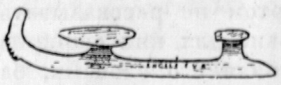
Первый хоккейный конек „Английский спорт".

Современный хоккейный конек „Гаген".

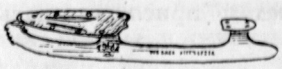


Беговой конек „Христиания".

Конек знаменитого фигуриста Джаксона Гейнеса.



Распространенный фигурный конек типа „Сальков".



Конек на трех стойках для фигурного катания высокого класса.

Для каждого вида катанья были придуманы особые виды коньков.

Для далеких путешествий, для быстрого бега нужен был конек прямой с длинным полозом. Для спортивных игр придумали короткий конек типа «Английский спорт» и «Гаген», а для фигурного катанья—изогнутый конек с радиальным полозом, похожий на «Снегурочку». Форм и видов современных коньков очень много. В наши дни катаются больше всего на норвежских коньках для скоростного бега «Христиания», укороченных норвежских коньках «Гагах», получивших свое название от шведской фирмы «Гаген», выпустившей их впервые, и коньках «Сальков» — по имени знаменитого норвежского фигуриста, не раз бывшего чемпионом мира.

На коньке с радиальным полозом можно было скользить по льду не по прямым линиям, а по кривым, то есть плавно двигаться по кругу. Это и родило то, что мы теперь называем фигурным катаньем.

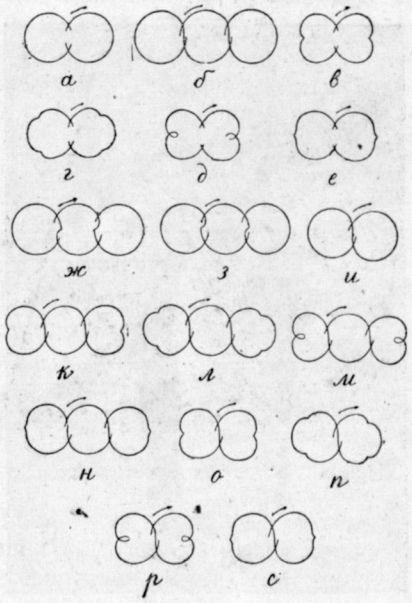
Фигурное катанье на коньках появилось лет триста назад. Нужно было не только кататься по льду прямо, но уметь скользить вправо, влево и назад, и не просто скользить, а еще хорошо владеть своим телом и, сохраняя равновесие, рисовать на льду определенные рисунки — фигуры,—прыгать, вращаться на месте.

В каждой стране катались по-своему. Фигуристы каждой страны ожесточенно спорили друг с другом, отстаивая свой стиль катанья. Так, фигуристы английской школы катались, стараясь не размахивать руками, почти на прямых ногах, вроде деревянных солдатиков. Скандинавцы стояли за катанье без правил, они делали много отчаянных движений, прыжков и скачков.

Джаксон Гейнес.

Борьба этих двух школ продолжалась долго. Но, наконец, в середине прошлого столетия американец Джаксон Гейнес сумел об'единить смелость движений с внешним изяществом. Он дал основные из ныне принятых обязательных рисунков школьных фигур. В прошлом зимнем сезоне в Советский Союз приехали известные зарубежные фигуристы—чемпионы Чехословакии в парном катанье — Вера Трейбалова и Джозеф Восолсобие. В 1937 году эта пара в соревнованиях на первенство Европы заняла шестое место.

24 февраля 1938 года Трейбалова и Восолсобие впервые показали свое искусство на стадионе «Динамо» в Москве. В этот день—в праздник Красной Армии—на трибунах присутствовало более 35 ты-



а) № 1, 2, 3, 4— голландский шаг

б) № 5аб, 6аб — параграф

в) № 7, 8аб, 9аб — тройка

г) № 10, 11, 12, 13—двукратная тройка

д) № 14, 15, 16, 17— петля

е) № 18аб, № 19аб — скобка

ж) № 20аб, 21аб —крюк

з) № 22аб, 23аб —выкрюк

и) № 24аб, 25аб —восьмерка

к) № 26аб, 27аб — параграф с тройкой

л) № 28аб, 29аб — параграф с двукратной тройкой

м) № 30аб, 31аб — параграф с петлей

н) № 32аб, 33аб — параграф со скобкой

о) № 34аб, 35аб — восьмерка с тройкой

п) № 36аб, 37аб — восьмерка с двукратной тройкой

р) № 38аб, 39аб — восьмерка с петлей

с) № 40аб, 41аб — восьмерка со скобой.

сяч зрителей, и все они с большим интересом смотрели на красивые иногда поразительные фигуры, показываемые чехами. Вы, хотя и не были на стадионе, тоже можете посмотреть на них, так как я заснял некоторые номера во время тренировки фигуристов перед выступлением.

Прежде всего обратите внимание на то, как они держат корпус и ноги. На снимке раздельно-парного исполнения ими «спирали назад-наружу» посмотрите на глубокий прогиб спины, высоко поднятые и развернутые в колене ноги с вытянутыми носками (снимок 1).

1. Спираль назад-наружу.

На втором снимке вы видите так называемый «циркуль вперед-наружу». Посмотрите, как уверенно делает его Трейбалова.

2. Циркуль вперед-наружу.

Двумя замечательными фигурами в их катанье являются «циркуль назад-наружу», при котором голова Трейбаловой почти касается затылком льда (снимок 3),

3. Циркуль назад-наружу.

и затем так называемая Todes Spiral — спираль смерти (снимок 4), которая требует от фигуристки большой тренировки

4. Спираль смерти.

способности сохранять равновесие. Спираль эта исключительно трудна.

Очень красив ранее неизвестный у нас так называемый «перекидной» прыжок (снимок 5), исполняемый ими с такой легкостью и таким изяществом, что только фотообъектив обнаружил его сложность. Зрители просили их повторить этот великолепный номер по 15—20 раз.

Во время исполнения ими танцев на льду больше всего все удивлялись большому наклону корпусов при движениях на коротких дугах. Корпус у фигуристов был прямым, но наклон всего тела был настолько велик, что секундами казалось, что вот-вот оба соскользнут и хлопнутся об лед. Но этого ни разу не случилось.

Трейбаловой всего только 20 лет, а она уже больше четырех лет выступает на соревнованиях. Тренироваться ей приходилось в тяжелых условиях. В Праге один каток и тот искусственный. На нем для тренировки фигуристов отведена кро-

5. Перекидной прыжок.

шечная площадка в 10 метров на 33 и то только с 7 до 9 часов утра. В таких трудных условиях пришлось тренироваться этой замечательной паре!

6. Танец на льду.

Стать фигуристом можно в любом возрасте, от 8 до 60 лет, но особенно хорошо катаются те, кто начал заниматься с детства. Фигурное катанье не требует от человека ни особых качеств, ни талантов, а для овладения им нужно иметь лишь горячее желание да пару фигурных коньков.

Незадолго до мировой войны на одном из катков Норвегии каталась на коньках совсем маленькая девочка Соня. Ей не было еще восьми лет. Уже в то время на катках Норвегии было много фигуристов, учеников знаменитого Салькова. Соня стала подражать фигуристам и мало-помалу выучилась делать фигуры—рисовать первые рисунки школы. Держалась она при этом очень плохо. Никто не помогал юной фигуристке исправить недостатки. Так она каталась довольно долго. Но однажды кто-то обратил внимание, как десятилетняя девочка делает трудную по тому времени фигуру — пируэт на одной ноге—и вращается при этом быстро и долго. Соне дали инструктора, и она начинает под его руководством изучать фигурное катанье снова, с самого начала.

Трудно ей давалась на первых порах эта наука переучивания. Три года занятий с инструктором сделали то, что девочка Соня превратилась в знаменитую Соню Гени—многолетнюю чемпионку мира. Соня Гени открыла новое, невиданное до нее фигурное катанье женщин.

У нас в стране с 1926 года много девочек тоже стало заниматься фигурным катаньем и теперь очень неплохо катается. Если до 1926 года из известных фигуристок была только одна ленинградка Цезарь, то теперь у нас есть чемпионка Союза Гранаткина (Москва) и сильная ее конкурентка — чемпионка Союза на 1938 год Алексеева (Ленинград).

В прошлом году в соревнованиях на первенство Союза шестнадцатилетняя Ляля Николаева (Москва) заняла первое место по 2-му разряду, причем каталась так хорошо, что заслужила особое одобрение судейской коллегии.

Женщины-фигуристки катаются теперь не хуже мужчин. Соня Гени делала 92 оборота в пируэте на одной ноге и прыжок в воздухе на 1½ оборота. Наши женщины от мужчин отставали. Но в прошлом году Алексеева на соревнованиях на первенство Союза показала такое правильное выполнение рисунка

школьных фигур, лучше которого едва ли можно добиться.

Фигурное катанье не труднее любого другого вида спорта, но в нем идет борьба со своей неловкостью, неумением правильно и красиво держаться при движении на льду. Ощущение у начинающего примерно такое же, как у человека, стоящего на одной ноге на быстро мчащемся грузовике. Но это быстро проходит. В детских школах фигурного катанья Москвы и Ленинграда ребята за один сезон успевали сделать большие успехи чем взрослые за 3 сезона упорной учебы.

Изучение фигурного катанья начинается с самого простого движения по замкнутой кривой, по кругу попеременно то на правой, то на левой ноге. Фигура эта называется «голландский шаг» и в списке школьных фигур имеет номера 1, 2, 3 и 4. Ходы №№ 1 и 2 делаются вперед на наружном и внутреннем ребрах конька, и №№ 3 и 4 — назад на тех же ребрах конька.

Вначале вам будет очень трудно делать эту простую фигуру, потому что ваша способность сохранять равновесие еще не натренирована и будет управлять движением тела каждый раз по-новому.

Приучить свое чувство равновесия к управлению этим движением, натренировать его и представляет самую большую трудность.

Для того чтобы научиться хорошо кататься, нужно заставить себя заниматься 2—3 раза в шестидневку и лучше всего в дружном коллективе начинающих. За 35—40 занятий даже самый неспособный ученик сумеет овладеть двумя—тремя из «голландских шагов», сумеет делать на льду рисунок параграфа и тройки. Это из школьных фигур. А из произвольного катанья сумеет делать спирали сразбегу, простые прыжки и один — два простых пируэта.

Для того чтобы овладеть этой «премудростью», нужно, конечно, в первую очередь следовать указаниям инструктора или самым внимательным образом прочитать указания в прекрасном учебнике «Искусство катанья на коньках» Н. А. Панина, бывшего много лет лучшим русским фигуристом.

Для ребят Москвы, Ленинграда и некоторых других городов открываются специальные школы фигурного катанья, руководимые опытными инструкторами. Так например в Москве вновь будут работать школы на стадионе Пионеров и школьников, в ЦПКиО, будут открыты школы на других катках. Все школы будут организованы так, что с их помощью можно будет приобрести необходимый инвентарь, коньки, ботинки.

П О Ч Т А

Быть честным во всем!

Письмо Б. М. Парташниковой

К началу учебного года у моего сына Вити, ученика 5-го класса, были все учебники для этого года. Не хватало только «Морфологии» Бархударова. Мы нигде не могли достать этой книги. Вите приходилось бегать к товарищу, брать книгу на два—три дня, а это было очень неудобно. В один прекрасный день Витюшка прибежал домой во время большой перемены взволнованный и возбужденный:

— Мамочка, дай скорее три рубля! Один мальчик достал учебник и продает его. Только дай деньги скорее, а то он отдаст книгу другому.

— Позволь, но почему три рубля?! Ведь книга-то стоит не то полтора, не то два рубля? — спросила я.

— Да, но он хочет за нее три. Дай деньги.

Витюшка был очень удивлен и огорчен, когда я категорически отказалась дать ему эти деньги. Он долго и горячо убеждал меня, что рубль не имеет значения, что ему без учебника очень неудобно.

Я сказала, что дело не в деньгах, мне не жалко рубля, но я не хочу, чтобы Витя поощрял спекуляцию.

— Об'ясни, пожалуйста, своему товарищу, почему я не хочу купить книгу, хотя она и нужна нам,— попросила я.

Прошло несколько дней. В выходной день мы мирно разговаривали с Витюшкой. Вдруг Витюшка говорит, что из-за меня его дразнят в школе. «У тебя жадная мама»,— говорят ребята. Даже некоторые родители, оказывается, осуждают меня. Они говорят Вите: «Пока твоя мама мудрствует, ты вынужден бегать одалживать учебник для уроков».

— Видишь, мамочка,— говорил Витюшка,— ты, конечно, права. Мне приятно, что ты такая, но ведь ты этим никого не изменишь, никого не перевоспитаешь. Ты не купила книжки у этого мальчика, ну что ж, у него купила другая мать и еще спасибо сказала. А я без учебника...

Мы долго разговаривали с Витей в этот день. Мне думается, что я смогла убедить его, доказать, что честным надо быть не только в крупных делах, но и в таких как будто бы «мелочах». Человек, который откажется от своих убеждений в мелком вопросе, никогда не будет твердым и в более важном. Если бы Витя не побоялся насмешек товарищей, то смог бы доказать свою правоту.

Если человек уверен в своей правоте, он ничего не должен бояться и твердо защищать то, в чем он уверен, иначе грош цена всем его хорошим намерениям.

Я знаю, что среди вас, ребята, много, хороших, честных пионеров, но я знаю и то, что многие из вас мало думали, что такое **честность до конца**. Вот почему мне захотелось обратиться к вам с этим письмом.

О большой и малой честности

Мы получили письмо от тов. Парташниковой и решили напечатать его потому, что наши читатели должны серьезно подумать о том, что она рассказывает. Речь идет о честности—о важнейшем качестве пионера.

Пионер честен. Он сам не будет делать бесчестных вещей и другим не позволит. Пионер честен, он бережет свою честь, честь отряда, честь школы, честь красного знамени, под которым он идет на демонстрации. Он всегда готов бороться за дело Ленина—Сталина.

Наши ребята — очень хороший народ, из них растут прекрасные, честные люди, верные защитники родины, но подчас они еще кое-чего не понимают и, не подумав, совершают такие поступки, которые, строго говоря, едва ли можно признать честными и достойными высокого звания пионера Советской страны.

Некоторые ребята так же, как Витя, считают, что одно дело—быть честным в больших делах, а другое—в мелочах. Никто из пионеров не станет воровать или прятать украденные вещи, но найдутся ребята, считающие себя честными, которые со спокойной совестью могут обмануть родителей, учителя, своего товарища.

Тот, кто хочет быть честным, должен быть честен во всем. Ведь нет большой и малой честности. Если кто-нибудь из вас найдет на улице 100 рублей, мы уверены, что он разыщет их владельца и отдаст ему. А, если вы найдете не 100 рублей, а сумму поменьше, например пять рублей. Разве их можно не отдать?

Хоть находка и маленькая, но все равно хозяин у нее есть. И скрыть эту маленькую находку — значит поступить так же плохо, как и скрыв 100 рублей.

В Москве, в Ленинграде и в других больших городах мы иногда видим, как ребята висят на подножках трамваев, прыгают на переднюю площадку заднего вагона очень часто для того, чтобы не платить за проезд.

Когда кондуктор, заботясь о том, чтобы ребята не попали под колеса, требует, чтобы они вошли в вагон и взяли билет, эти ребята или трусливо соскакивают или грубо откликаются:

— Подумаешь! Разговор из-за гривенника!

Вряд ли эти же ребята попробуют в магазине взять ботинки или пальто и не уплатить за них. Они и пятикопеечную конфету с лотка не возьмут, не уплатив: они знают, что это—воровство. А с трамваем как же? Подумайте об этом и поговорите с товарищами.

Витин одноклассник хотел продать книгу дороже ее стоимости. В эту книгу вложен общий социалистический труд: и автора, писавшего учебник, и рабочих, делавших бумагу, и рабочих, набиравших и печатавших ее, — труд множества людей, работавших на общую пользу в нашей социалистической стране. Витин одноклассник, воспользовавшись случаем, захотел нажиться на чужом труде, присвоить чужие, не им заработанные деньги так же, как поступали у нас в прежнее время купцы и торгаши. Купцов и торгашей давно уже нет в нашей стране, но вот изредка встречается еще как пережиток капиталистического времени несоциалистическое отношение к труду, к общей собственности. Бывает это и у некоторых взрослых, встречается, как видите, и у ребят.

Что же должен делать пионер, если он встречается с такими делами? Соберите звено, прочитайте письмо тов. Парташниковой, потолкуйте с товарищами и напишите нам.

* * *

Зима наступила

Фотошутка Жени Лютикова

Старт двоих.

Финиш одного.

„Барометр“

Письмо Стюры Медведевой

Красноярский край, село Кавказское

У нас жила старая-престарая бабушка. Она уже не могла ходить сама и забыла, сколько ей лет. Бабушка знала много интересных историй. В долгие зимние вечера мы, бывало, заберемся к ней на печку и просим:

— Бабушка, расскажи нам что-нибудь.

— Ну что же вам рассказать?

— Про медведя,— просит, бывало, Нина, самая маленькая из нас.

— Нет, нет, мы уже это знаем. Лучше про Кавказ.

— Ну, уж так и быть, расскажу.

И бабушка рассказывала нам о том, как целый поселок, в котором жила бабушка, царское правительство сослало в Сибирь. Мы слушаем этот рассказ. Вдруг кто-нибудь из слушателей засыпает. Бабушка прекращает рассказ и гонит нас спать, не обращая внимания на наши просьбы рассказать еще что-нибудь.

— Хватит, спать пора, как-нибудь в другой раз доскажу,— говорит она.

Мы провожаем соседских ребятишек домой и сами ложимся спать.

После бабушкиных рассказов я долго не могу уснуть. Чуть слышно доносится жалобный вой волков. Он сливается с гуденьем ветра в трубе.

— У-у-у-у,— воет ветер.

Я вскакиваю с постели и бегу на кухню, к бабушке. Она тоже еще не спит.

— Ты почему не спишь?— спрашивает бабушка.

— Я боюсь... Страшно...

— Ну ложись со мной. Спи. Чего боишься-то? Ведь это ветер.

На печке около бабушки всегда тепло и уютно. Здесь я засыпаю очень быстро.

Наша бабушка — не только замечательная рассказчица: она предсказывала погоду.

Соберемся мы идти в лес по ягоды, спрашиваем бабушку:

— Можно идти сегодня?

Бабушка выйдет на улицу, посмотрит по сторонам и скажет:

— Нет. Дождь будет.

И действительно, к обеду или позже собираются тучки и идет дождь.

А иногда скажет:

— Идите спокойно, лишней одежды не берите. Только к вечеру постарайтесь быть дома. После заката будет дождь.

Сколько я знала бабушку, она ни разу не ошибалась. Как скажет, так и будет. За это мы в шутку называли ее «барометром». Действительно, она была точна, как барометр.

Как-то я спросила ее:

— Ну как ты узнала, бабушка, что сегодня будет дождь?

— Да по приметам,— отвечает она.— Будет гроза и молния. Беги-ка скорей, закрой окна и трубу.

И правда: облака собираются в одну большую тучу. С запада появляются еще такие облака. Туча становится черной, страшной. Солнце уже скрылось. Шумят листья на дереве. Сперва легкий ветерок, потом внезапно налетает сильный ветер. Все небо чернеет. И пока я закрываю окна, уже начинается гроза.

У бабушки были разные приметы. Некоторые из них я хорошо помню. Вот, например:

1. Когда зимою сильно щебечут воробьи и собираются вместе,— значит будет оттепель.

2. Если зимой после заката солнца заря горит долго и ярко,— будет мороз.

3. Если зимой по небу ходят темные и синие облака, нужно ожидать сильного мороза.

4. Если зимой небо чистое и синее, то будет оттепель.

5. А если синие облака ходят по небу летом,— это к ненастью.

6. Если свиньи визжат и бегают по улицам,— значит будет дождь с ветром.

7. Если летом чайки летают стаями и кричат над водою, то будет дождь.

8. Если летом куры купаются в пыли, а голуби — в воде, то будет сильный дождь.

9. Если летом сквозь дождь светит солнце, то будет вёдро, т. е. жаркие дни.

10. Если в зимнее ясное утро лес покрыт инеем, то лето будет хорошее и плодородное.

11. Если летом по утрам бывают туманы, то будет много грибов.

Некоторые из этих примет точно предвещают то, что должно быть. Но я проверила еще мало примет. Я очень жалею, что не записала всех примет, когда была жива бабушка.

Теперь ее нет. Она умерла прошлым летом. Ее смерть была большим горем для нас.

От редакции.

Ребята! Проверьте, пожалуйста, приметы, о которых пишет Стюра, и напишите нам о своих наблюдениях: можно ли по этим приметам верно предсказать погоду или нет? Ждем ваших писем.

* * *

Филин Мститель

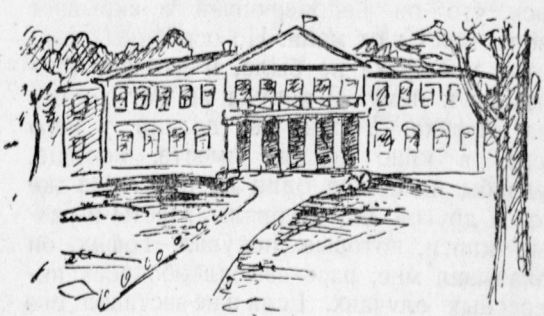
Письмо и рисунки Гарри Баргайс
Москва

Этим летом я был в детском санатории «Баковка». Санаторий расположен в двух километрах от станции, в лесу, на берегу пруда...

Санаторий жил своей обычной жизнью, но однажды произошел занимательный случай. Как-то, после завтрака, ко мне прибежал мой товарищ Лешка. Остановившись невдалеке, он начал что-то кричать, показывая на темную, старую, обросшую лишайником ель. Я быстро подбежал к нему.

— Гарик! — указывая пальцем на ель, сказал он.— Смотри: сова! Да какая большая!

Я сначала ничего не мог различить, но потом сквозь густые ветви увидел крупного филина, который сидел на ветке, прижавшись к стволу. Я побежал к Ивану Ивановичу — у него была винтовка — и рассказал ему про филина. Иван Иванович обрадовался: наконец-то представился случай пострелять! Взял винтовку и пошел к ели вместе со мной и Лешкой. Ребята, увидав нас, а особенно Ивана Ивановича с винтовкой, пошли за нами. Иван Иванович вскинул винтовку к плечу, прицелился и выстрелил. Филин медленно полетел, расставив большие крылья. Мы побежали за ним. Филин тяжело опустился на ветку дерева на высоте около трех метров. Я снял тапочки и взобрался на плечи Ивана Ивановича. Только я протянул руки, как филин, собрав силы, взмахнул крыльями и отделился от дерева. Пока я надевал тапочки, все побежали за ним. Филин опустился на развалины старой церкви, и Иван Иванович просто взял его. Филин хрипел, перебирая лапами в воздухе. Когда я подбежал к окруженному ребятами Ивану Ивановичу, он отдал филина мне. Я позабыл, что у филина есть когти, и взял его так же, как беру всех птиц. Ребята тесным кольцом окружили меня. Я стал рассматривать филина, раздул перья и увидел небольшую ранку в крыле. Вдруг филин вцепился своими сильными когтями мне в левую руку. Я почувствовал сильную боль, точно кисть сжало клещами, но филина я не выпустил. Филин все глубже и глубже запускал свои когти. Закусив губу и не подавая виду, что мне больно, я вместе с Лешкой пошел к живому уголку. Тут я увидел, что кисть руки у меня в крови. Я пробовал освободить руку, но напрасно: филин еще сильнее сжимал ее. Тогда я свободной рукой сда-



Санаторий «Баковка».

вил ему горло, и он разжал когти. Посадив его в клетку, я побежал к врачу.

После перевязки я пошел к руководительнице кружка юннатов Ирине Рафаиловне. Мы вместе с ней стали вновь осматривать филина. Она нашла, что он тяжело ранен. Я стал ухаживать и наблюдать за филином. При моем приближении он прыгал по клетке, размахивал крыльями, вытаращив на меня огромные круглые черные глаза. Так как в нашем живом уголке все обитатели имели имена, то я дал филину кличку Мститель, потому что он здорово отомстил мне за свою неволю. Я хотел приручить его, но у меня ничего не получилось, так как филин — птица ночная и днем ничего не видит. Утром я приносил Мстителю сырое мясо, которое он с'едал только ночью.

Однажды ребята пустили к Мстителю живую птичку. До самого вечера птичка сидела у Мстителя на голове и он был неподвижен. Но когда я пришел к нему на следующее утро, птички в клетке уже не оказалось. Только в углу лежало несколько перышек. Ночью я часто слышал крик Мстителя. Это был жуткий крик, похожий на рыдания.

Мститель тосковал, сидя в клетке. Както раз он очень бился в клетке и сломал себе коготь. Я его смазал иодом. Филин стал совсем диким. Однажды утром, придя в живой уголок, я увидел на стене клетки кровь, которая сочилась из старой раны в крыле...

Приближался день моего от'езда. На вечерней линейке Ирина Рафаиловна сказала ребятам:

— Ребята, у нас в живом уголке жил целый месяц филин Мститель. Гарик с самого начала взял над ним шефство. Завтра Гарик уезжает.

С этими словами она дала мне ключ от живого уголка, и я пошел. Я был взволнован. Мне было приятно отпустить своего питомца на свободу... Мститель сидел в углу клетки и угрожающе махал крыльями, смотря на меня широко раскрытыми глазами, ожидая нападения. Он не понимал моего намерения. С большой осторожностью я его взял. Мститель сильно бился. Выйдя на середину площадки, я с силой подбросил его вверх. Ребята захлопали в ладоши, смотря на улетающего Мстителя. Он набирал высоту, держа курс к родному лесу.

Наша ссора

Письмо Жоры Туманова,
город Кировобад

Когда я учился в 3-м классе, я подружился с Тофиком Риджабли. С первых дней нашей дружбы мне понравился характер Тофика. Правда, иногда мне казалось, что он недоверчивый и скрывает свои секреты от меня. Но особенных секретов у Тофика не было, и я очень привязался к нему. Я никуда не мог ходить без Тофика. Уроки мы делали у него дома, в кино ходили вместе, вообще, куда бы ни пошел один из нас, туда же шел и другой. Все журналы, газеты и разные книги, которые покупал Тофик, он показывал мне, рассказывал обо всех интересных случаях. Если я не заставал его дома, то я сидел около двери и ждал, пока он придет. Но вдруг случилась ссора. Мы сидели на одной парте, и во время урока арифметики он попросил меня помочь ему. Я почему-то был в плохом настроении и не стал помогать ему. Тофик стал смотреть мне в тетрадь — из-за этого мы поссорились. Я ходил скучный: у меня не было других таких же товарищей. Но в ссоре мы были недолго. По окончании уроков я встретил Тофика с товарищами, они говорили про кинокартину «Тринадцать». Я примкнул к их компании и вмешался в разговор, мы помирились и опять стали дружить.

Кончился учебный год. Теперь мы всегда были вместе. Но потом Тофик уехал в лагерь, я остался один. Только книги из библиотеки и кино развлекали меня.

Я с нетерпением ожидал приезда Тофика. И вот для меня настал долгожданный день: Тофик приехал из лагеря.

Как-то в дождливую погоду я сидел дома. Тофик пришел очень радостный. Он послал заметку в «Пионерскую правду», и ему ответили, что скоро ее напечатают. Вечером я пошел к Тофику и попросил дать мне адрес «Пионерской правды», Тофик отказался. Тофик не дал мне адреса потому, что он боялся, что я напишу лучше его. На другой день я пошел в киоск и купил «Пионерскую правду». Мне было очень неприятно и обидно, что Тофик скрывает от меня свои дела: ведь он не говорил мне, что пишет в газету. Но я стерпел и ничего не сказал Тофику. Летние каникулы окончились, и мы все опять собрались в школе. В первые дни учебы у Тофика были не все учебники, и он стал просить у меня. Но я был еще сердит на него и сказал ему, что папа не разрешает давать учебники. Это была неправда. Мы перестали разговаривать друг с другом, я перешел на другую парту, и мы поссорились второй раз. Эта ссора продолжалась очень долго — целый год. Во время ссоры я очень скучал. Несколько раз я посылал товарища спросить Тофика, помирится он со мной или нет. Тофик отказался мириться. Вообще с начала учебного года у нас все почему-то стали ссориться. Почти половина класса была в ссоре.

К нам пришел новый классный руководитель—Акоп Екесеевич. Он сказал нам:

— Я не буду с вами заниматься, если вы не помиритесь: у вас очень недружный класс, и это мешает учебе.

Акоп Екесеевич был хороший учитель, и никому не хотелось расставаться с ним. Девочки стали мириться друг с другом, и через пять дней все девочки помирились, а мальчики—нет.

На уроке Акоп Екесеевич вызвал меня и Тофика к доске и велел подать друг другу руки:

— Довольно вам сердиться друг на друга. Пора помириться.

Мы подали друг другу руки и сели за парты, но разговаривать не стали. С Тофиком были в ссоре три человека: Рафик Багиян, Вася Столяров и я. И все ссоры произошли из-за пустяков. Вася поссорился из-за того, что Тофик толкнул его в дождевую лужу, Рафик — из-за того, что он порвал книгу, а о своей ссоре я уже рассказал.

Когда я сел за парту, Вася Столяров (мы сидим вместе) сказал мне, что хочет помириться с Тофиком. Я сказал ему:

— Воля твоя, мирись...

23 февраля у нас был вечер, посвященный 20-летию Красной Армии. Вася и Тофик помирились. На другой день я нашел у себя в парте записку: «Жора, я хочу с тобой помириться, и будем карышами[1]. Тофик Р.».

Я вынул записку и порвал. Когда я хотел с ним мириться, он не хотел, ну а теперь я не хочу.

А потом я решил, что и мне без Тофика скучно и ему тоже. Да и ссора была пустяковая.

Я решил во что бы то ни стало помириться.

4-е классы закончили занятия. Раз Тофик сидел в библиотеке. Я встал около сада и стал ждать, когда он выйдет. Но потом мне стало стыдно, что я стою и жду его. Я ушел и написал Тофику записку. Эту записку я передал через брата, но Тофик ничего мне не ответил. Скоро Тофик уехал на дачу. Я каждый раз смотрел на закрытые окна его квартиры, и мне было скучно. Собака «Каштан» подолгу лежала около двери и потихоньку скулила. Мне казалось, что она тоже скучает без Тофика.

Начались занятия. 17 сентября домой я шел с Наилом Рзаевым. Я сказал: «Знаешь что, Наил, я помирюсь с ним». И, спрятавшись за углом, стал спокойно ждать Тофика. Когда он подошел, я подбежал к нему и сказал: «Здравствуй, Тофик! Я хочу с тобой помириться!»

Мы пожали друг другу руки и дали честное пионерское слово, что больше никогда не поссоримся.

---

[1] Карыш — друг.

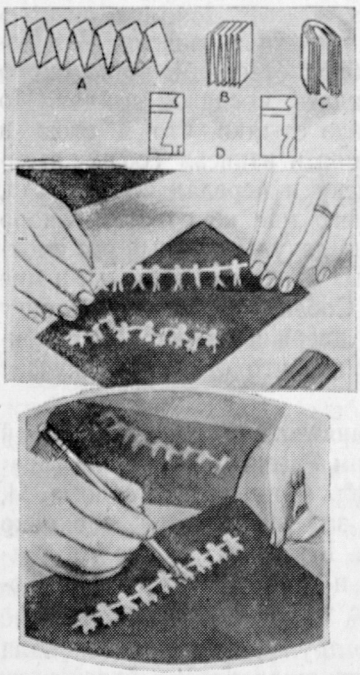
* * *

Электрический танец бумажных фигур

В Ленинградском Доме занимательной науки на столе стоит небольшой плоский деревянный ящик с прозрачным верхом. На дне ящика лежит несколько бумажных фигурок. Достаточно потереть по верхней прозрачной крышке ящика куском материи или просто ладонью руки, как фигурки начинают двигаться, встают во весь рост и даже танцуют. Этот прибор-игрушку очень нетрудно сделать самому. Основана игрушка на принципах статического электричества.

Главная часть игрушки—плоский прямоугольный ящик. В дополнение к ящику потребуется немного папиросной бумаги, кусочек тонкого картона, кусок целюлоида такой величины, как крышка ящика, немного крахмального или декстринного клея и несколько маленьких гвоздиков.

От папиросной бумаги отрезают две полоски шириной каждая примерно 20 миллиметров и длиной от 10 до 12 сантиметров. Эти полоски складываются гармоникой, как показано на рисунке 1, на детали рисунка, обозначенной буквой **А**. Когда обе полоски сложены, то получившиеся прямоугольники **В** складываются посредине, как показано на рисунке **С**, и одна полоска вырезается, как показано слева от **Д**, а одна, как показано справа от Д. Если вы теперь раскроете полоски, то получится два ряда маленьких куколок из папиросной бумаги, держащихся за руки. Одна полоска будет изображать фигурки девочек, а другая — фигурки мальчиков.



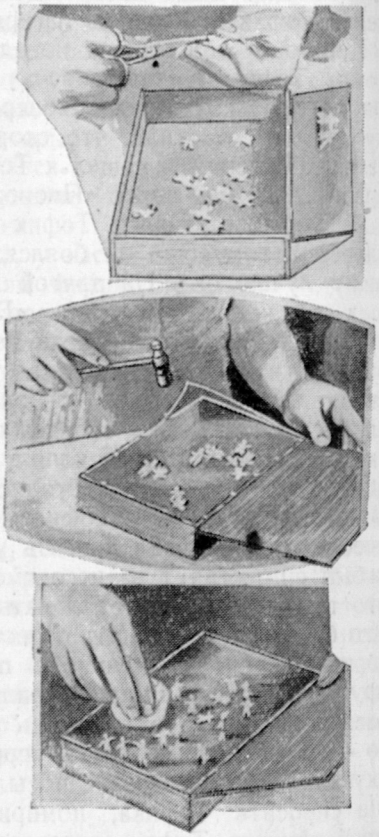
Наверху — складывание папиросной бумаги. В середине — ряд фигурок после вырезывания. Внизу — приклеивание фигурок к краю тонкого картона.

Один конец куска тонкого картона покрывается слоем клея (на снимках показан черный картон для того, чтобы он был лучше заметен на фотографиях). Ноги одного ряда фигурок приклеиваются к картону так, чтобы ноги фигурок были приклеены примерно на 3 миллиметра. Это делается для того, чтобы немного утяжелить ноги фигурок, и поэтому они могут стоять вертикально.

Острыми ножницами отрежьте полоску с приклеенными к ней ногами фигурок от куска картона. Затем ножницами тщательно обрежьте картон по форме ног фигурок. Когда это будет сделано, на каждой ноге каждой фигурки окажется приклеенным кусочек картона размером около 3 миллиметров.

Полоску фигурок держите над ящиком и разрежьте ручки фигурок так, чтобы фигурки упали в ящик. Это необходимо проделать именно таким образом, ибо фигурки из папиросной бумаги получаются настолько нежными и хрупкими, что их с трудом можно держать в руках, не повредив. Для нашей игрушки будет вполне достаточно 5 фигурок девочек и 5 фигурок мальчиков.

Теперь можно приступить к креплению верхнего листа целюлоида. Лист целюлоида прибивается к верхним краям ящика с помощью маленьких гвоздиков.



Наверху — отрезывание отдельных фигурок от полоски их. В середине — прибивание верхнего листа целюлоида к ящику. Внизу—что надо сделать для того, чтобы заставить фигурки танцовать (натирание целюлоида кусочком шолка).

Потрите рукой, а еще лучше кусочком шолка по поверхности целюлоида — фигурки подпрыгнут и станут в вертикальное положение. Если теперь слегка постучать по ящику пальцами, то фигурки начнут оживленно танцовать. По мере того как заряд статического электричества будет рассеиваться, фигурки начнут качаться и падать на дно ящика.

Однако одного движения пальцем или руки по поверхности целюлоида будет достаточно для того, чтобы фигурки вновь возобновили свой танец.

Скачки

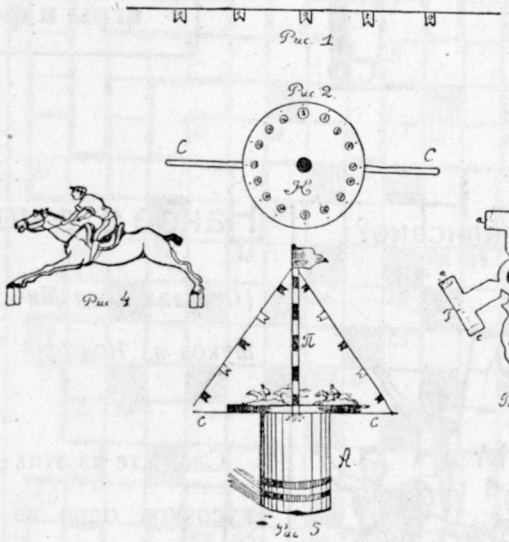
Эта игра состоит из круга на подставке со стержнем, на котором вертится от удара пальцем рычаг с фигурками скачущих жокеев. На кругу нанесены цифры от 1 до 16.

Правила игры такие: каждый из играющих берет себе одну из трех лошадок с жокеем и поочереди вертит рычаг с лошадками ударом пальца по концу рычага **Р** (рисунок 3). Каждая фигурка лошадки имеет на площадке черточку **Г** (рисунок 3). Когда черточка лошадки при остановке рычага совпадет с какой-либо цифрой, ее хозяин получает столько очков, какая будет цифра. Так надо набрать 56 очков. Кто раньше наберет эту цифру, тот и выигрывает.

Теперь расскажу, как сделать эту игру. Возьмите круглую коробочку **А** (рисунок 5), оклейте ее цветной бумагой, нарисуйте на ней узор. Размер коробочки приблизительно—6—7 сантиметров высоты и 4—5 сантиметров в диаметре. Укрепите на ней стержень из бумаги, свернутой туго в трубочку и склеенной накрепко. Для этого на конце стержня сделайте надрезы и загните их. В центре верха коробочки проделайте отверстие, пропустите туда надрезанный конец стержня, намазав его предварительно клеем, и надрезы прижмите крепко к верху коробочки. Это все надо проделать раньше, чем вы коробочку оклеите цветной бумагой, так как иначе стержень не приклеится внутри коробочки. Стержень этот высотой должен быть в 23—24 сантиметра. Распишите его разными цветами: оранжевым, голубым, красным и т. п.

Сделайте круг из картона в диаметре 14—15 сантиметров с выступами **С** (рисунок 2) длиной в 5 сантиметров. В центре круга сделайте отверстие **К**, такое, чтобы стержень свободно в него мог войти, раскрасьте круг и проставьте цифры от 1 до 16. Над каждой цифрой поставьте точку. Наденьте круг с цифрами на стержень и приклейте его к коробочке наглухо.

Вырежьте из картона рычаг



Р (рисунок 3) в 13 сантиметров длиной с отверстием **О** (рисунок 3) так, чтобы он свободно вращался на стержне. На концах рычага прикрепите три фигурки лошадей (рисунок 4). Распишите фигурки и рычаг и наденьте на стержень. Наверху стержня приклейте красный флажок, на полосках бумаги наклейте разноцветные флажки (рисунок 1) и приклейте эти полоски одним концом к стержню, а другим — к выступам **С** круга **С** (рисунок 5). Фигурки расписывайте с обеих сторон. Рычаг на стержне от удара пальцем должен быстро и свободно вращаться, но не болтаться в стороны. Для этого отверстие в рычаге должно быть чуть-чуть больше об'ема стержня.

М. Филиппович

Кто сделал лучшего дергунчика

В № 5 редакция об'явила конкурс на лучших дергунчиков. Ребята оказались очень изобретательными и прислали очень интересных дергунчиков. Некоторые даже ухитрились сделать целые сценки — например, «Задержание пограничником шпиона»: пограничник направляет на шпиона револьвер, и тот поднимает руки вверх.

Редакция премирует следующих ребят:

1 премия (вечная ручка).

Володя Коростелев из Н. Тагила, Свердловской области, за дергунчиков: тяжелоатлет (выжимание штанги), акробат (стойка на одной руке), всадник (рубка шашкой), балалаечник.

2 премия (библиотечка).

Адольф Буравлев из Т. Кургана, Алма-Атинской области, за сценку «Задержание пограничником шпиона».

3 премия (библиотечка).

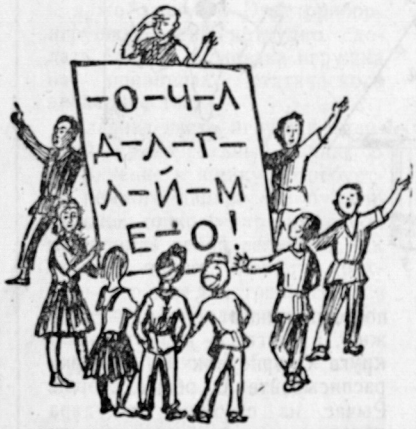
Эдик Гинденбург из санатория им. Боброва в Алупке за очень смешную свинку.

«Утешительные» премии высылаются следующим участникам конкурса:

Е. Десятову (ст. Ершов), Вадиму Гуртовому (Сватово, Донбасс), Леше Лейбман (Ленинград), Н. Былинко (Харьков) и Рауф Ибноямимов (г. Тара, Омской обл.).

Загадки, задачи, игры и фокусы

Что было написано?

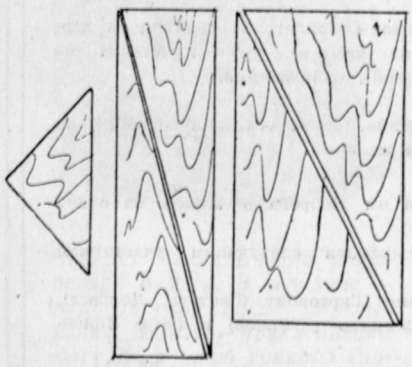


Ребята вбежали в класс и увидали на доске буквы со знаками тире. Стали они спорить, что означают эти буквы и пропуски. Одни говорили, что это от вчерашнего урока по русскому языку не стерли с доски диктант. Другие доказывали, что это телеграфные значки. Один Петя поглядел внимательно на доску и сказал:

— А я прочитал, что здесь написано. Это пословица, вставьте вместо знаков пропущенные буквы и...

Кто из вас скажет, что написано здесь?

Как получить квадрат?

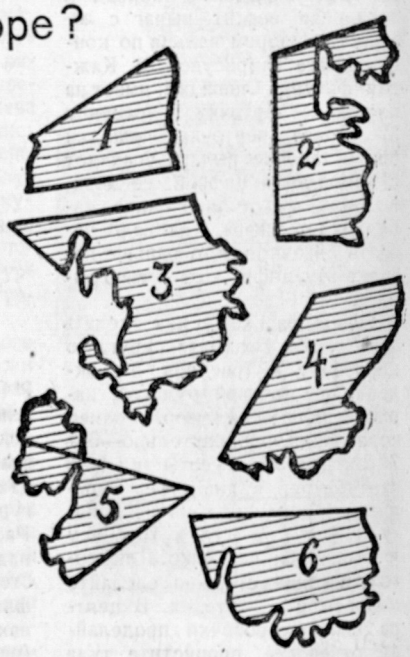


Попробуйте, вырезав такие же фигурки, сложить из них квадрат.

Какое это море?

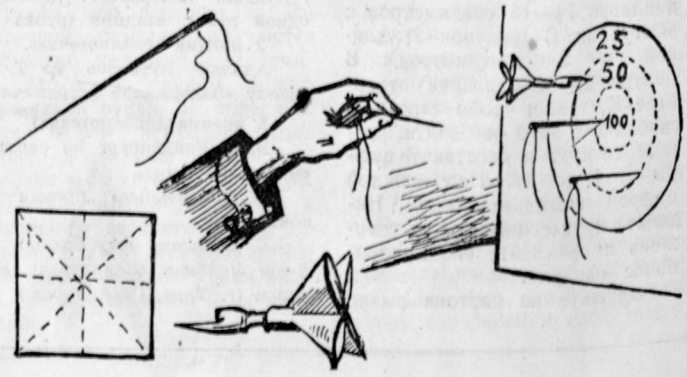
(Прислал Коля Мишуков из Новгорода)

Сложите из этих кусочков одно из советских морей. Как оно называется?



Забавный опыт

Возьмите иголку для шитья или штопальную и попытайтесь бросить ее так, чтобы она вонзилась в дощечку из мягкого дерева или из картона, немного влажного (например двойные листы промокательной бумаги могут подойти для этого опыта). Как бы вы ни были ловки и настойчивы, вам это не удастся сделать. Но вденьте небольшой кусочек нитки в эту иголку, и вы увидите, что она легко вонзится в приготовленную мишень. Такой же опыт с пером тоже не удастся. Оно вонзится в мишень только тогда, когда вы его снабдите крылышками из легкой бумаги.



Два таракана

Из верхнего угла комнаты поползли вниз по стене одновременно два таракана. Спустившись до пола, они поползли обратно. Первый таракан полз в оба конца с одинаковой скоростью, а второй, хотя поднимался вдвое медленнее, но зато спускался вдвое быстрее первого. Кто из них приползет раньше?

Расставьте буквы

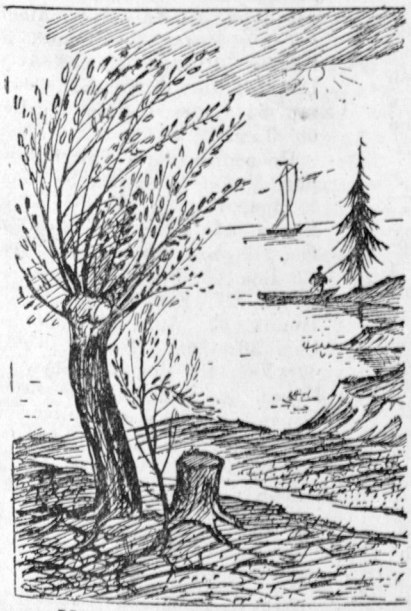
(Прислала Мара Бромберг из Одессы)

Разместите в клетках этого квадрата буквы так, чтобы при чтении слева направо и сверху вниз получались одни и те же слова.

а	а	а	а
а	а	Б	Г
М	Н	Р	Р
Р	Р	О	О

Загадочная картинка

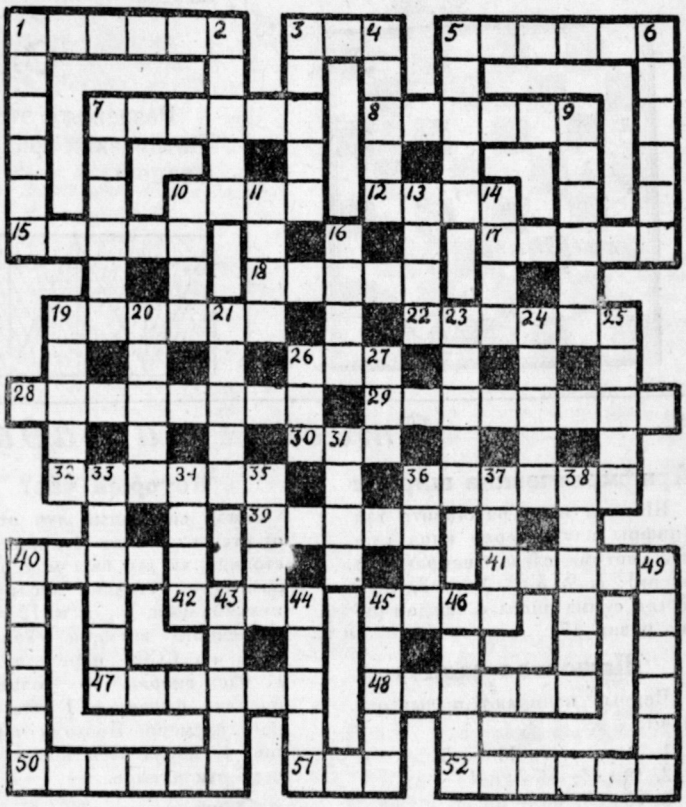
(Нарисовал Ж. Колмаков, Ташкент)



Найдите здесь лебедя.

Кроссворд

Прислал Володя Габзевич из города Николаева

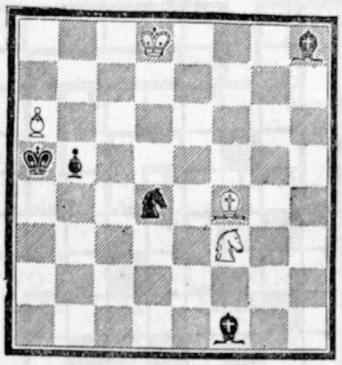


СЛОВА ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Город в СССР 3. Физик. 5. Птица из семейства орлов. 7. Звезда-гигант. 8. Хирургический инструмент. 10. Приспособление для забивки свай. 12. Благородный газ. 15. Небольшое судно с паровым или моторным двигателем. 17. Название многих северных и горных кустарников. 18. Род связи. 19. Порт в Болгарии. 22. Река в Южной Америке. 26. Летосчисление. 28. Военный корабль. 29. Оркестровая пьеса, исполненная в качестве вступления к большому музыкальному произведению. 30. Документ. 32. Работник искусства. 36. Самая крупная птица из ныне живущих. 39. Растение, цветущее один раз в жизни. 40. Небольшой сторожевой отряд. 41. Наименьшее количество некоторых физических величин, могущее самостоятельно существовать в природе. 42. Очень твердый полудрагоценный камень. 45. Сокращенное имя мальчика. 47. Небольшая музыкальная пьеса для пения. 48. Порода попугаев. 50. Прозрачная чертежная бумага. 51. Мыс близ южной оконечности Крыма. 52. Наука о правильном мышлении.

СЛОВА ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Инструмент для винтовой нарезки в отверстии. 2. Город в Италии. 3. Самое большое из альпийских озер в Италии. 4. Единица измерения количества электричества. 5. Река в экваториальной Африке. 6. Птица. 7 Горные хребты в Средней Азии и в Сибири. 9. Желтоватый порошок, употребляющийся в медицине как вяжущее лекарство. 10. Парусное двухмачтовое судно. 11. Хищное млекопитающее. 13. Древний баснописец. 14. Житель Африки. 16. Река в Германии. 19. Плоскодонное грузовое речное судно. 20. Старинное укрепление ввиде квадрата или многоугольника. 21. Об'явление. 23. Приверженец, последователь какого-нибудь учения. 24. Цветок. 25. Очертания. 27. Футбольный термин. 31. Приспособление для погрузки и разгрузки. 33. Руководитель высшего учебного заведения. 34. Буква греческого алфавита. 35. Упаковка товара. 36. Приток Дуная.

Мат в три хода

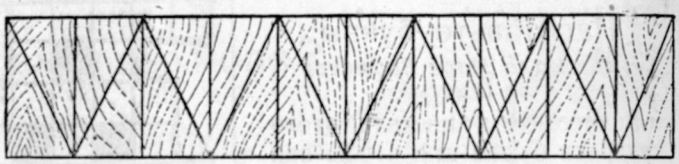
(Прислал Володя Монаков из Остяко-Вогульска)



37. Естественный сток воды. 38. Водопад в Крыму. 40. Фруктовое дерево. 43. Город в Голландии. 44. Приток Дуная. 45. Жилище кавказских горцев. 46. Небольшое хищное млекопитающее из семейства собачьих. 49. Столица Албании.

Сложите квадрат

Разрежьте этот прямоугольник по линиям на двадцать таких фигурок и попробуйте сложить из них квадрат.



Ответы на задачи № 9

Арифметические шарики

Шарики надо расставить так (цифры идут сверху вниз слева, потом слева направо и вверх): 1, 9, 5, 2, 8, 4, 3, 7, 6. Тогда сумма чисел в каждом ряду равна 17.

Шашечная задача

Черные начинают и выигрывают:

1. . . . . d6 — e5!
2. f8 : в4; e5 — d4!
3. c3 : e5; в6 — d5.
4. d8 : в6; a5 : a7 (берет шесть белых шашек с превращением в дамку). Дальше выигрыш очевиден.

Концерт гудков

Устроители концерта забыли, что звук идет по воздуху очень медленно (322 м/сек.). Если бы они вспомнили это, они знали бы заранее, что концерта гудков заводов, разбросанных на большом расстоянии один от другого, организовать нельзя: звуки, приходящие до слушателей с разных дистанций, неизбежно должны были опережать, перебивать один другого и вместо гармоничной музыки марша создавать какофонию.

Стройная, гармоничная музыка гудков могла бы получиться только в одном случае: если бы все заводы, принимавшие участие в концерте, были расположены точно по окружности, а слушатели находились в центре ее. Только в этом случае звуки всех гудков, проходя одно и то же расстояние, были бы слышны в должной последовательности и с должными интервалами.

Который час?

Когда солнечный луч отошел от стены на самое большое расстояние, то это был момент наивысшего стояния солнца — кульминация, т. е. в 12 часов солнечного времени. Так как часы по СССР переведены на 1 час вперед, то солнечный полдень бывает в 1 час местного времени. Поэтому через 2 часа 45 минут часы покажут без четверти четыре.

Шахматная задача

Белые начинают и делают ничью — 1. Фв4: в7 + 11 и ничья, так как после 1 . . . Крс8: в7 белым мат.

Вертушка

При абсолютном затишье вертушка будет прорезать находящийся в относительном покое воздух со скоростью, равной скорости поезда. Эту скорость она и покажет. Если ветер встречный, то вертушка покажет сумму скоростей поезда и ветра. Если же попутный, то — разность скоростей.

При поездке из города вертушка показывала 20 метров, а обратно, при той же скорости поезда и ветра, показала 0. Следовательно, когда мы ехали из города, ветер был встречный и вертушка показала сумму скоростей. При поездке же обратно ветер был попутный и вертушка показала разность.

Таким образом, сумма скоростей поезда и ветра равна 20 метрам в секунду, а их разность равна 0, т. е. они равны. Следовательно, скорости ветра и поезда были по 10 метров в секунду, или 36 километров в час.

Странное число

Это число — 61. Действительно:

61 : 2 = 30 и 1 в остатке.
61 : 3 = 20 и 1 в остатке.
61 : 4 = 15 и 1 в остатке.
61 : 5 = 12 и 1 в остатке.
61 : 6 = 10 и 1 в остатке.

Что тут написано?

Птичка над моим окошком
Гнездышко для деток вьет.
То соломку тащит в ножках,
То пушок в носу несет.

Кроссворд

По горизонтали: 2. Карта. 6. Эри. 7. Мех. 9. Дуэро. 10. Барак. 12. Берег. 13. Акр. 15. Кан. 16. Киоск. 17. Аул. 18. Табор. 21. Забор. 24. Крона. 25. Алгебра. 29. Овощи. 31. Сабо. 33. Елка. 35. По. 36. Ми. 38. Сало. 41. Буря. 45. Тропа. 47. Анероид. 50. Икота. 52. Конек. 53. Аркан. 54. Око. 55. Озноб. 57. Пат. 59. Док. 62. Марат. 63. Лидер. 64. Кубок. 65. Сев. 66. Век. 68. Талон.

По вертикали: 1. Досуг. 2. Курок. 3. Ре. 4. Амеба. 5. Табак. 6. Эра. 8. Хан. 9. Декан. 11. Киров. 14. Ранг. 15. Клуб. 16. Ток. 19. Бас. 20. Раб. 21. Зал. 22. Бол. 23. Ров. 24. Капот. 26. Локон. 27. Еж. 28. Регби. 30. Ирина. 32. Ара. 34. Кир. 37. Сок. 38. Сан. 39. Лак. 40. Ар. 42. Уда. 43. Яик. 44. Фон. 46. Посол. 48. Енот. 49. Овод. 51. Канак. 56. Бизон. 57. Пес. 58. Арест. 60. Океан. 61. Кук. 62. Молот. 67. Ил.

Первыми прислали ответы на задачи № 9

Л. Малкин — Баку.
Н. Фролова — Харьков.
Людмила Проценко — Киев.
Юра Яковлев — Москва.
Мора Шатерников — Москва.
Шура Соколовский — Москва.
Таня Колесникова — г. Грозный.

Ответы на задачи № 10

Прочтите лозунг

1. Дерево. 2. Мол. 3. Ход. 4. Ветер. 5. Удод. 6. Водовоз. 7. Торт. 8. Ров. 9. Мотор. Лозунг «В здоровом теле здоровый дух».

Загадки-шутки

1. Три-о. 2. В-о-семь. 3. В-о-сто-к.

Географический рассказ

1. Мама. 2. Круглое. 3. Алмаз. 4. Судак. 5. Молога. 6. Вор. 7. Луга. 8. Курган. 9. Батраки. 10. Сокол. 11. Сосна. 12. Грязи. 13. Орел. 14. Свободный.

Меняющееся слово

Па, пар, пак, пан, Ван.

Передвинь полоски

Фамилия писателя — Гоголь. Фамилия героя — Бульба.

Чайнворд

1. Молния. 2. Яйцо. 3. Овес. 4. Свет. 5. Трактор. 6. Река. 7. Арбуз. 8. Зонтик. 9. Крючок. 10. Клубок. 11. Кресло. 12. Оборона.

Одним взмахом

Согнуть прямоугольник вчетверо и получившийся маленький прямоугольник разрезать пополам по диагонали.

Ответы на кроссворд

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Кит. 4. Гурон. 6. Рим. 8. Марс. 9. Сена. 11. Сид. 12. Кук. 14. Дуб. 16. Строй. 17. Китай. 19. Сом. 22. Сабля. 25. Покат. 27. Атлас. 30. Сага. 31. Неон. 32. Корм. 33. Олег. 34. Ласка. 36. Терек. 38. Остров. 41. Тит. 43. Судак. 45. Олово. 47. Бор. 48. Сад. 50. Еда. 51. Купе. 52. Рэна. 53. Два. 55. Слива. 56. Она.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Пирл. 2. Курск. 3. Томск. 5. Радон. 7. Индия. 8. Мир. 10. Аут. 11. Стол. 13. Урок. 15. Бант. 18. Наган. 19. Сонет. 20. Макет. 21. Талон. 22. Сал. 23. Бас. 24. Яна. 25. Пот. 26. Ток. 27. АМО. 28. Лот. 29. Сев. 35. Клуб. 37. Рита. 39. Сава. 40. Парус. 42. Олень. 44. Док. 46. Ода. 48. Седло. 49. Дрова. 54. Винт.

Как правильно?

В № 8 были напечатаны два одинаковых снимка молодого леопарда. Надо было догадаться, какое положение леопарда правильное. Мы пошли в зоопарк и посмотрели на клетку. Оказалось что пол ее обит жестью. Значит, правильный снимок тот, на котором снято, как леопард лежит на спине.

Рассказ о плане

В № 7 этого отдела нашего журнала был напечатан «Рассказ о плане» в картах, которые шли друг за другом. Редакция предложила читателям записать этот топографический рассказ. Лучшие рассказы написали: Виктория Стегайло (село Песочин, Харьковской области), Вениамин Заслоновский (город Потьма, Вологодской области) и Иван Ухваронах (колхоз «13-летие РККА», Толочинского района, БССР). Всем им редакция высылает по книжке. Печатаем лучший «Рассказ о плане» Виктории Стегайло.

Из дачного поселка, расположенного на лугу около опушки лиственного леса, вышел по грунтовой дороге мальчик. Через дорогу была видна пашня. Над головой гудели телефонные провода. Налево сплошной стеной стоял лиственный лес, а направо высился хвойный лес. Мальчик шел по грунтовой дороге. В хвойном лесу стояли отдельные дачки. Лиственный лес был частично вырублен. За лесом шел зеленый луг. Грунтовая дорога сменялась шоссе на насыпи, по которому и шагал мальчик. Кругом был песок. По деревянному мосту мальчик перешел через реку и снова пошел по шоссе. Мальчика окружали камыши, обильно росшие на берегу реки. Потом камыш стал редеть и начался луг с пролегающей по нему грунтовой дорогой. На лугу было несколько курганов и ветряная мельница. Курганы привлекли внимание мальчика, и он, свернув с дороги, пошел в лугу. Взойдя на курган, мальчик осмотрелся его и пошел по дороге. Налево были кучки, за ними виднелся хвойный лес; направо — кустарник, а еще дальше — кочки вперемежку с камышами, которыми обросло непроходимое болото. По мосту, устроенному на лодках, мальчик перешел реку. За рекой камыши. Большое проходимое болото вклинивалось в камышах. Дорога закончилась. Мальчик шел по срубленному лесу мимо места добычи глины и каменоломен. За каменоломями лежали кучи камней и начинался смешанный лес. Мальчик шел по срубленному лесу, за которым шел хвойный лес. Перейдя через станцию железнодорожной двухколейки, мальчик шел некоторое время вдоль двухколейки. От станции грунтовая дорога отходила к аэродрому, окруженному фруктовыми деревьями. Погодя мальчик свернул на луг. Железная дорога тянулась далеко, огороженная смешанным лесом. Направо дымили фабрики. Мальчик по тропинке перешел через два ручья и пошел около грунтовой дороги. Местность быстро изменялась. Сначала шел песок, дальше — кочки, потом — луг вперемежку с кочками. Две дороги перекрещивались и расходились в разные стороны. Мальчик утомился и пошел к домикам, видневшимся невдалеке. По дороге ему снова приходилось переходить через ручей. Срубленный лес и кустарник межевали с хвойным лесом, в котором было много бурелома. В лесу был виден дом лесника. Мальчик прошел через железнодорожную двухколейку и шел по лугу с кустами. Далеко было видно поле с двигающимися по нему жнейками. Луг переходил в кустарник. Далеко-далеко тянулся проселок. По кустарнику и лиственному лесу мальчик пробрался в срубленный смешанный лес. Из проселка тропинка отходила к МТС, которую окружал лес. Через проселок пролегала электрифицированная железная дорога, а за ней начинался луг. Возле грунтовой дороги тянулась тропинка. С одной стороны дороги камыши окружали большое озеро, на берегу которого стояла привязанная лодка. Грунтовую дорогу окружали деревья. Мальчик с дороги свернул на тропинку, пролегающую по лугу. Справа были заросли кустарника. Мальчик дошел до фруктового сада, а оттуда по тропинке прошел через парк в дачный поселок.

СОДЕРЖАНИЕ

Мы будем такими, как Чкалов—*Володя Хозяинов* 2
Я знала Чкалова — *Века Панферова* 3
Великий летчик—*В. Ильенков* 5
Елка — *Повесть Н. Михайлина. Рис. Б. Винокурова* 7
Рассказ депутата—*Л. Ф. Кущ* 29
Сергей Миронович Киров 33
Три золотых волоска Деда-Всеведа — *Чешская сказка. Записал Карл Эрбен. Перевод с чешского М. А. Лялиной. Рис. П. Митурича и В. Хлебниковой* 34
„Компас"— *Известия Географического общества читателей журнала „Пионер" № 24:*
По следам рудных жил *Горный инженер Ф. Бублейников* 39
История Дубенского озера — *Ответ на задание „Как узнать историю озера"* 45
Дикий козел и автобус — *С. Лялицкая* 47
Фонд Географического общества 48
Александр Суворов — *Повесть С. Григорьева. Рис. П. Кузьмичева* 49
Борис Житков 83
История корабля — *Борис Житков. Рис. Б. Синявского* 85
Чем заняться? — *Советы редакции* 91
Загадка острова Пасхи — *В. Сафонов* 94
Старик Хоттабыч — *Л. Лагин. Рис. К. Ротова* 96
Фигурное катанье — *Чемпион фигурного катанья В. И. Дмитриев* 108
ПОЧТА:
Быть честным во всем! — *Письмо Б. М. Парташниковой* 115
О большой и малой честности 116
Зима наступила — *Фотошутка Жени Лютикова* 117
„Барометр"— *Письмо Стюры Медведевой* 117
Филин Мститель — *Письмо и рисунки Гарри Барлайс* 119
Наша ссора — *Письмо Жоры Туманова* 121
Самоделки 122
Загадки, задачи, игры и фокусы 124

На обложке: картина П. Кузьмичева—„Взятие Суворовым немецкой крепости Гольнау"

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды", 24, комн. 822, тел. Д 3-30-73

ПОПРАВКА

В № 11 журнала „Пионер" на стр. 41, в письме Тани Расковой во второй строчке сверху следует читать: „Они стоят на крыле самолета".

МЕ 2 - 5690

Вр. и. о. отв редактора Ф. С. ВОЛЯВКО
Отв. секретарь В Поддубная
Худ. редактор М. Аскинази

Сдано в набор 21/XI—38 г. Подписано к печати 3/I—39 г. Изд. № 1105

Уполномоченный Главлита № Б—58179 82×110 1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 16 п. л.

Типография газеты „Правда" имени Сталина. Москва, ул. „Правды", 24. Заказ № 3136. Тираж 90 000.

Дорогие читатели!

В этом номере журнала мы печатаем окончание повести писателя Григорьева «Александр Суворов». Нам очень интересно знать ваше мнение об этой повести. Люди, о которых рассказывается в ней: и великий русский полководец Суворов, и солдаты, совершавшие с ним героические походы, и любимец Екатерины князь Потемкин-Таврический, и император Павел, и все остальные,— жили в очень далекое от нас время. Напишите, стали ли для вас эти люди теперь понятными и живыми; удалось ли автору заставить вас полюбить некоторых из них и возмущаться другими? Какие из героев повести особенно понравились вам и волновали ли вас те события, которые с ними происходили, их мысли и стремления? Почувствовали ли вы, ребята, что хотя Александр Суворов умер почти полтораста лет назад и жил он, конечно, совсем иной жизнью, чем живем сейчас мы, но несмотря на это есть у нас с ним нечто общее: горячая, бескорыстная любовь Суворова к родине приближает его к нам.

Напишите, ребята, о каких еще исторических героях хотели бы вы прочесть в журнале, какие события в жизни нашей родины вас особенно интересуют. Мы постараемся написать о них.

Ребята! Большинство из вас хорошо катается на коньках, но танцовать на льду, выделывать всевозможные фигуры мало кто умеет.

Прочтите на странице 110 очерк «Фигурное катанье» и попробуйте выполнить те фигуры, о которы говорит чемпион Дмитриев. А потом напишите нам, какие фигуры на льду вы научились делать.

Многих ребят интересует, что будет напечатано в будущем году в нашем журнале. Мы и хотели перечислить здесь все. Но увидели, что это займет половину журнала. Тогда мы решили рассказать только о самом интересном.

С первого номера в журнале пойдет повесть Жюль Верна о необычайных приключениях экспедиции Барсака в Африке. Эту повесть вы еще не читали, так как она впервые переведена на русский язык.

Писатель Ильин пишет книгу о том, как человек из беспомощного «карлика» превращается в великана — хозяина земли В январском и февральском номерах будет напечатана первая часть этой книги— «Как человек стал человеком».

Мы будем печатать очерки по русской истории, расскажем о борьбе нашего народа с иноземными захватчиками, о великих русских полководцах. Академик Е. Тарле расскажет об обороне Севастополя, В. Сафонов — о походе Ермака в Сибирь, Д. Михайлов — о старинной русской архитектуре.

В военных страницах вы прочтете о наших замечательных бойцах, героях битв на озере Хасан, прочтете о военной технике нашей Красной Армии, о ее замечательных людях.

Многие любимые ваши писатели: А. Гайдар, С. Григорьев, Г. Замчалов, Л. Кассиль, Р. Фраерман и другие — дадут в журнал свои новые рассказы о ребятах, о школе, о нашей родине.

Мы попрежнему будем печатать и ваши рассказы, ребята. Пишите нам обо всем, что происходит в вашей жизни.

До нового года, дорогие читатели!

Цена 1 руб. 50 коп.

858

11 29
34